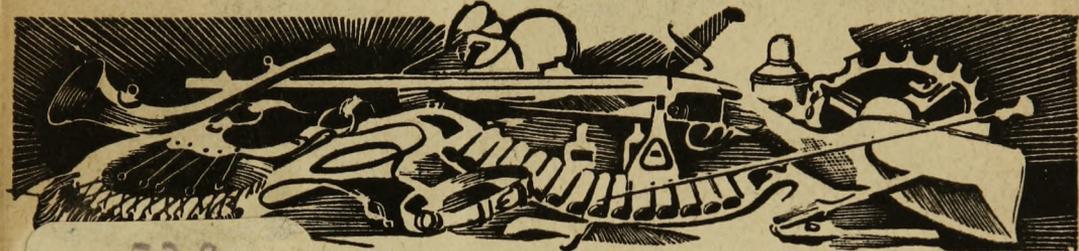

Библиотека охотника

639

3-439

Н. А. ЗВОРЫКИН

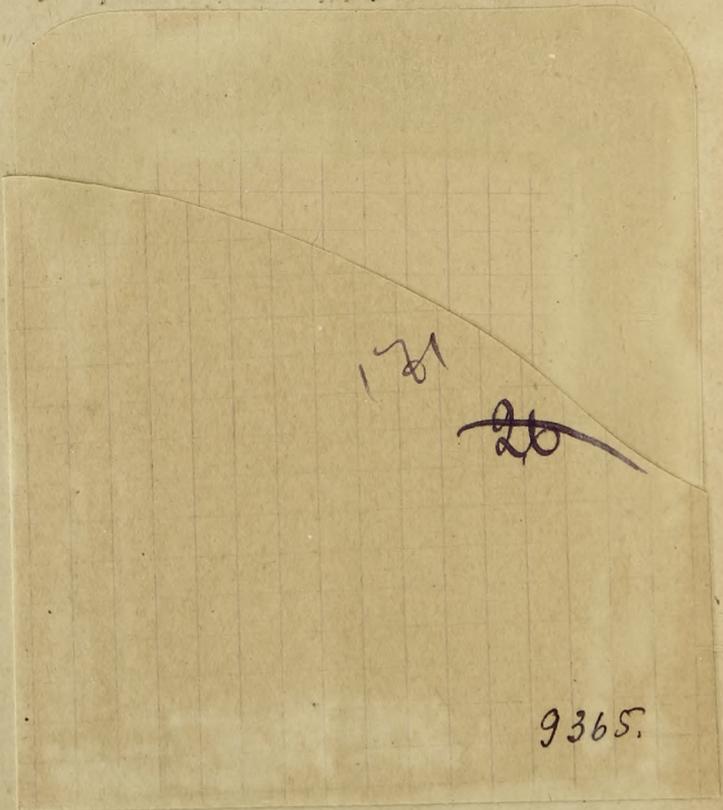
ВОЛК

И

БОРЬБА С НИМ

9365

171

~~26~~

9365.

P278

639
3-439

ЗВОРЫКИН Н. А.

В О Л К
и
БОРЬБА С НИМ

Х/К

1944 г.

АРХИВ

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. Сverdловск

ЧИТ. ЗАЛ
Центр. обл. биб-ки
им. Белинского

ВСЕСОЮЗНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ОБЪЕДИНЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1936 Ленинград

639. III. 31

8

Редактор Е. Р. Беляев Техред. И. А. Борунов

Сдано в набор 15 янв. 1936 г. Подписано к печати 23 апреля 1935 г.
Формат бумаги $62 \times 94 \frac{1}{16}$. $7 \frac{1}{2}$ печ. л. 46 000 печ. зн. в листе.
Уполном. Главлита Б—20418. Тираж 8 000. Зак. тип. 2529

8-я тип. „Мособлполиграф“, ул. Фр. Энгельса 46.

ВВЕДЕНИЕ

Волк — вреднейший хищник, живущий в значительной мере за счет истребления стада. Он — хитрый, сильный, приспособляющийся к условиям зверь, от которого трудно уберечься, несмотря на его человекобоязнь.

По данным дореволюционной статистики, на неполной территории б. Европейской России волки уничтожали ежегодно до 750 тысяч голов домашнего скота. По данным Центрального статистического комитета, основанным на работе, произведенной с апреля 1924 г. по март 1925 г., на неполной территории СССР за это время погибло от волков 864 995 голов скота на сумму в 15 529 719 руб.¹

Так как сведения в ЦСУ поступили примерно с $\frac{2}{3}$ территории СССР, а с $\frac{1}{3}$ (по 1 350 волостям РСФСР) сведений не получено, то цифру общей убыли скота можно определить примерно в 1 млн. голов, а убыток — в 20 млн. руб.² К этой внушительной цифре надо прибавить еще не один миллион рублей убытков, причиняемых волками на севере в стадах домашних оленей.

Убытки, причиняемые волками охотничьему хозяйству нашей страны, также громадны.

Случаи гибели людей, преимущественно от укусов бешеных волков, также не редки.

Хватка волка дает глубокие ранения, часто расположенные около головы, т. е. наиболее опасные. Пастеровские станции спасают от смерти людей, укушенных бешеными животными, при своевременном обращении за помощью. Тем не менее ранения от укуса бешеного волка дают поражающий процент смертности. Так, общая смертность лечившихся от укусов бешеных животных выражается в 0,3 проц.; от укусов собак — от 0,3 проц. до 0,5 проц., а смертность от волчьих укусов повышается до 10 проц.

Сверх того на волка падает небезосновательное подозрение в том, что он является не только распространителем бешенства,

¹ Бюллетень ЦСУ № 116 от 15/II 1926 г.

² По данным Бюро биологической съемки США ежегодный убыток животноводства США от волков колеблется от 20 до 30 млн. долларов.

но и носителем первоисточника этой ужасной болезни. Правда, до сего времени научного обоснования это предположение не получило; однако известно, что в местностях и странах, где нет волков, нет и бешенства.

Приведенные краткие сведения о вреде, который причиняет волк, позволяют сделать вывод, что зверь этот занимает первое место среди вреднейших хищников. Понятно поэтому стремление к уничтожению его.

Хорошее знакомство с биологией и повадками волка совершенно необходимо для успешного и систематического его добывания и истребления. Овладение техникой приемов борьбы с волком является также необходимым условием успешности мероприятий, предпринимаемых в целью уничтожения этого хищника.

Отсутствие надлежащего руководства по борьбе с волками, имеющего целью выявить с достаточной полнотой характер волка, дать описание повадок и стадий зверя, подробно ознакомить читателя с применением различных способов охоты и добывания, дать необходимые знания волчатнику побудило автора предложить вниманию читателей настоящую книгу.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВОЛКА

А. НАРУЖНОСТЬ И ХАРАКТЕРНЫЕ СВОЙСТВА

1. ВНЕШНИЙ ВИД

Волк принадлежит к семейству собак. Он похож на крупную собаку. Это сходство часто заставляет несведущих лиц принимать собаку за волка, особенно когда в данной местности волки из-за причиненного ими ущерба населению у всех «на уме и на языке». Еще чаще смешивают не охотники след собаки и волка, приписывая крупный и шагистый собачий след волку.

В наружном виде волка прежде всего запечатлевается высоконоготь переда, мощность головы и шеи, низко спущенные ребра, покатость линии спины, опущенный малоподвижный хвост.

При ближайшем ознакомлении обращают на себя внимание: стройные крепкие ноги, крупные пальцы с несколько яйцеобразными мякишами, отчего следовая часть получает несколько овальную форму, с выступающими черно-бурыми когтями, коричневатые или желтоватые глаза, поставленные несколько раскосо; строго поставленные толстокожие уши.

2. ВЕС

Нормальный вес обыкновенного волка к декабрю колеблется от 42 до 55 кг для старого, от 32 до 42 кг для переряка и от 19 до 32 кг для прибылого. Волчица весит меньше самца. Колебания веса волка нередки; я привел пределы, наиболее часто встречающиеся. Из источников, заслуживающих доверия, слышал, что встречались матерые весом в 80 кг. Это возможно как редкое исключение.

3. ОКРАС

Зимняя шерсть волка длинна, густа и обычно грубовата. Особенно пышно одета шея; у некоторых экземпляров она поэтому

кажется будто продетой в муфту. У многих волков на щеках, к шее и при соединении головы с шеей выдаются значительные баки, торчащие воротником; шерсть на спине длинная, у некоторых экземпляров часто торчит вихром на холке. Голова, особенно щипец, уши, а также конечности имеют короткий плотный волос.

Наш обыкновенный волк встречается следующих окрасов: серо-черно-охристого, серо-черного, серо-белесого, серо-голубоватого. Черный цвет обычно идет полосой по хребту; с большей или меньшей интенсивностью чернота распространяется на кончиках серых волос по всему телу за исключением лап, паха и обычно живота. Ржаво-охристые тона расположены на боках, лопатках, на внешней стороне ушей, на шее и на хвосте. У некоторых волков лоб и щипец светлосерые, у других — темносерые, у третьих кончики волос очень черны и морда имеет смугловатый вид. Округлость губ и нижние части щек нередко белесоватые, а иногда белые. От степени белизны и ширины полосы меняется общее выражение волчьей морды так же, как от степени черноты кончиков волос лба и щипца. Более интересные, оживляющие или подчеркивающие физиономию окрасы головы мне встречались почти исключительно у самок. На палевом или охристом фоне передних лап расположено по черноватой полоске наискось.

Самки обладают охристо-ржавым окрасом в значительно меньшей степени, чем самцы. У прибылых в зимней одежде охристо-ржавый окрас почти не встречается.

4. ВОЛЧЬЯ ХВАТКА

Стоит взглянуть на волчью пасть, чтобы убедиться в мощности его зубного аппарата, превосходящего зубы крупнейших собак. Особенно ярко выступает превосходство клыков у хищных. Без такого зубного аппарата волку трудно было бы поддерживать свое существование. Сильные зубы нужны ему для мощной хватки при охоте на крупных животных; они необходимы, чтобы рвать добычу, выхватывать из туши громадные куски, справляться с мерзлым, крепким, как камень, мясом, дробить громадные кости, поднимать, тащить добычу и защищаться.

Драка волков свирепа. Но надо принять во внимание, что дерущиеся обладают более или менее одинаковым орудием борьбы и защищены от повреждений в виде чрезвычайно толстой и крепкой шкуры и густой жесткой шерсти, которой заполняется пасть волка во время взаимной грызни. Из волков с последствиями повреждения в драке мне удалось убить одного куцого, с кончиком хвоста в 12—15 см, несомненно, потерявшего хвост во время драки. На мездре многих волчьих шкур замечались рубцы.

Жевательные мышцы и слюнные железы волка чрезвычайно развиты, пищеоприемник очень широк. Как на пример силы жева-

тельных мышц, я укажу на следующий случай. Я видел ошейник толстой английской кожи с крупной легавой собаки, которую волки разорвали у дороги в $\frac{1}{4}$ километра от жилья. Ошейник найден был мною, при розысках собаки, на снегу между следами шести волков. Кроме ошейника оказалось несколько брызг крови и два-три кусочка кишечника. На снегу не было толока от следов. Волки сделали несколько прыжков, между которыми расположены были следы мчавшейся собаки, и перешли после исчезнувшего следа собаки на рысь, не останавливаясь. Ошейник был перерезан как бритвой, и в сложенном виде края его не оставляли между собой ни малейшего просвета; не было даже ямок от зубов.

Развитые слюнные железы и широкий щелеприемник необходимы волку для обильного обволакивания слюной пищи и быстрого глотания громадных кусков. Эти особенности организма волка помогают ему быстро проглатывать куски разорванного животного, спасая этим свой обед от «сотоварищей».

Зубы волка так много работают, что, несмотря на их силу, они нередко преждевременно изнашиваются. Особенно тратятся зубы у волков, побывавших в капкане. Плохо пришлось бы старым беззубым волкам без указанных свойств жевательных мышц, слюнных желез и особенностей щелеприемника.

Мне удалось сделать несколько наблюдений над старыми волками, избегавшими привады, особенно в сильную стужу, когда она каменеет. У таких убитых экземпляров зубы почти отсутствовали: клыки были сломаны, а резцы сравнены с деснами. Такие экземпляры, живущие обычно одиночками, промышляют зимой преимущественно собак. Жить в стае беззубому невыгодно — ему доли не достается.

Один из беззубых волков был добыт мною через несколько часов после того, как он похитил собаку. Добыв этого волка, я вскрыл его и вынул туловище черной лохматой собачки ростом с русака. Не было только головы, которую волку, очевидно, удалось оторвать. Вся она была измята, сплюснута, вытянута и чрезвычайно ослюнена. Тем не менее это было туловище не большой собаки без внутренностей, с шеей, лапами и хвостом.

5. ДВИЖЕНИЯ

На воле волк красив. Когда волк отбежит от дороги, остановится, чтобы оглядеть проезжего, высоко поднимет мощную голову, покажет в профиль свой стан, — он горд и грозен. Прыжок волка через препятствие легок и силен. На галопе он несколько тяжел. На обычном своем аллюре — мелкой рыси (трусца) — он неутомимый скиталец. На шагу он ленив и кажется неуклюжим. На карьере обнаруживается быстрота его сильного хода.

У каждого зверя свои особенности телосложения, а следовательно, и особенности в движениях. Но у всех зверей движения точны, приспособлены к наилучшему достижению цели, гибки, волнисто-плавны, несмотря на вынужденный подчас внезапный переход к другому направлению, иному аллюру, иному положению туловища. Мне удалось видеть, как волчица, шедшая из-под гона полным ходом по сравнительно чистому, просторному месту, вдруг выпрямила передние лапы, уперлась — затормозила, чуть сбавив ход, и, вздернув кверху голову, покосилась в сторону. Весь перед ее сильно поднялся, точно у кошки, встретившей внезапно собаку, и она перемахнула через какое-то невидимое препятствие — опасность.

Я заподозрил, что волчица увидела сбоку, в редком сосняке, человека. Осмотрев линию волчьего хода, я обнаружил только громадный пролет в следах в том месте, где волк сделал прыжок. Обойдя полукругом редкий сосняк, куда косился волк, я с трудом обнаружил выходящую начисть, кое-где еле видимую давнишнюю лыжницу (след от лыж), или, вернее, ее признаки; судя по направлению, лыжница, несомненно, пересекала волчий ход. Отмечу, что волчица только что была стреляна шагах в 200 от этого места и что во время хода был сильный снегопад, прекратившийся, когда я делал осмотр места, испугавшего зверя.

Сила дает возможность волку легко преодолевать препятствия, делать пластично прыжки. Благодаря выносливости волк покрывает громадные расстояния походным аллюром и при крайней необходимости может довольно долго итти на махах. Однако большие переходы, до 60 км за ночь, делают главным образом матерые одиночки с определенной целью, по прямому, как стрела, направлению.

При заганивании волка на лошадях (особый прием охоты в некоторых степных местностях) матерые обыкновенно уходят, как и от борзых. Тут ярко сказываются быстрота зверя и его сила, несмотря на то, что волка при преследовании одолевает страх, вызывающий учащенное дыхание, и принуждающий волка нестись с разинутой пастью и висящим языком.

6. ПИЩА

Где бы волк ни жил, объединяющей чертой разнообразных условий его обитания в тундре, в местности лесистой или горной и в степи является достаточное количество домашних и диких животных, которые могут стать и становятся его добычей.

По этой причине сравнительно густо заселены волками: Поволжье, Казахстан, Приуралье, северные районы оленеводства, лесостепная полоса Западной Сибири, степи животноводческих районов, Северный Кавказ, Горьковский край, Западная область и др.

Мясо крупных животных составляет необходимую и основную пищу волка.

Парное ли, мерзлое ли, падаль ли, — но обязательно мясо и кости.

Исключение составляют немногие степные волки, находящиеся в местности пустынного характера, где нет скотоводства. Там волки временно питаются до взматерения разными видами грызунов.

В летнее время, когда затаивающаяся птица еще слаба, неуклюжа и недостаточно проворна, когда линяющая птица туго поднимается на крыло, когда молодняк копытных животных значительно уступает в быстроте бега матери, питание волка обеспечено.

С конца лета добывание дичи становится труднее, между тем волчата требуют увеличения порций, и тогда волк обрушивается на домашний скот.

Мясной стол волка составляют домашний скот, олени, собаки и разнообразные дикие животные.

Волк нуждается в частом утолении жажды. В летнее время жара, мясная пища, теплая шуба, работа по добыванию пропитания и доставке добычи семье заставляют волка не один раз в день посещать водопой.

Зимой волк, пробежавший галопом или карьером, а также доволь наевшийся мяса, утоляет жажду, хватая снег.

Жизнь семьей, группой создала целесообразную возможность нападать на крупных и на быстроногих животных.

Если лисица, поймав зайца, довольствуется третьей или половиной добычи, а остальное прячет, то такая добыча для волка неудовлетворительна, а если волков в группе большое количество, то большинство остается голодными.

Тяготение к крупной добыче основано не только на силе нападающих волков, но и на целесообразности.

Матерой, выйдя летом за добычей, не станет однако и в одиночку, да и вдвоем, гоняться за лошадей, а направляет свои старания на овцу, представляющую менее труда для добывания, достаточный сравнительно объем мяса и посильную тяжесть для поставки к гнезду.

По данным Центрального статистического комитета, по материалам, собранным с апреля 1924 г. по март 1925 г., заеденные волками домашние животные распределяются по породам и возрастам следующим образом (в процентах): лошадей — 16 (4,8 взрослых и 11,2 молодняка), крупного рогатого скота — 18,1 (взрослых 6,8 и молодняка 11,3), овец — 52, коз — 5,8, свиней — 7,2, прочих — 0,3.

Указанное вполне объясняет опасность для животноводства и подтверждает те огромные убытки, которые причиняются волками этой важнейшей отрасли хозяйства.

7. ОТНОШЕНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ

Потери в хозяйстве, приносимые волками, естественно, создают к ним крайне отрицательное отношение.

Зверь с довольно сложной нервной системой, каким является волк, «учитывает» это отношение человека. Волк доказывает это соответствующим осторожным, боязливым, а иногда наоборот смелым поведением, различая угрозу от действительной опасности, нередко повергающей волка в панику.

Нападения волка на человека чрезвычайно редки. Инстинктивная человекобоязнь удерживает волка. Не будь этой грани волк безнаказанно стал бы нападать на безоружного человека.

Тот, кто видел, как здоровый, не раненый волк в состоянии свободы, опустив несколько голову и косясь, щелкает на человека зубами, тот, кто, возвращаясь по пустошным угольям без оружия, испытал неуверенность в своей безопасности от шествующих стороной, будто провожающих волков, тому этот зверь будет всегда казаться коварным и злым. Однако тот же волк, выросший при человеке в домашней обстановке, проявляет к человеку ласку и преданную привязанность.

По официальным сведениям довоенного времени от волков ежегодно гибло в среднем 1 000—1 200 человек. Нет сомнения, что подавляющее большинство случаев относится к нападениям бешеных волков. Такое большое количество жертв на нашей обширной территории более чем вероятно. Если сопоставить их со сведениями Америки, то там за период 1916—1918 гг. зарегистрировано 1 500 случаев нападения бешеных волков на людей.

8. ОРГАНЫ ЧУВСТВ

Проверить рабочие качества слуха, зрения и чутья, отличить превосходство одного из этих органов нелегко даже у лайки, тем более это трудно в отношении дикого зверя. Затруднительность определения силы слуха, зрения и чутья дикого зверя так же, как и у лайки, прежде всего кроется в объединенной комплексной работе этих органов чувств.

Для того чтобы знать, при каких условиях, с какого расстояния и каким органом чувств чаще всего зверь обнаруживает присутствие человека и опасности вообще, надо видеть показатели работы этих органов.

Для более правильной оценки органов чувств необходимо помнить следующие два положения:

а) Слух, зрение и чутье проявляют свою остроту при настороженности зверя. Между тем все органы требуют большего или меньшего отдыха от напряжения. Зверь, свыкшийся с безопасностью, с тишиной, передвигается на вольном ходу без настороженности; чутье и слух отдыхают. Мало обострено и зрение. Такой зверь способен набежать на человека. Но стоит по той или иной причине появиться насто-

роженности, как комплекс органов чувств напрягает всю способность, и о каком-либо неожиданном столкновении зверя с опасностью думать уже не приходится.

б) Иногда один из органов чувств, вследствие особого рефлекса, берет на себя работу в ущерб работе остальных органов чувств, продолжаящих пребывать, за отсутствием должного импульса, в ненастороженном состоянии. Так, например, не испытывая страха, идет не бывший в переделках зверь, прислушиваясь к голосам загонщиков. Расстояние до загонщиков еще значительно, а заслон деревьев прекрасно скрывает его от них. Ничто, никогда в таких случаях, когда он отдалялся от голосов дроворубов, не заставляло его подозревать опасность впереди, где царит тишина. Слух прикован к голосам загонщиков. Чутье и зрение не обостряются, и зверь подходит на самое близкое расстояние к стрелку. Судить о степени развитости того или иного органа чувств по этим примерам еще не приходится. Наблюдения установили, что при отсутствии настороженности и при других условиях, например при паническом аллюре вскачь, зверь не руководствуется чутьем, не настораживает слуха, а следует элементарным указаниям зрения. Волк, лиса, лось и медведь, идущие машистыми прыжками — напролом, набегают вплотную на чуть заслонившегося человека, которому иногда приходится посторониться.

Чутье волка, как и некоторых охотничьих собак, — смешанное. Оно складывается из проявлений верхнего чутья с использованием нижней следовой работы. Верхнее чутье, ловящее запахи в воздушных течениях, у волка преобладает.

Практически полезно было бы установить примерное расстояние, на котором волк чует человека. Если обратиться к дальности чутья легавой собаки, то, в зависимости от благоприятных условий и силы чутья, собака точно определяет местонахождение затаившейся птицы на расстоянии примерно от 5 до 50 шагов. Вообще же запахи, опять-таки в зависимости от благоприятности условий, может быть зачуян на значительно большем расстоянии. Это последнее обстоятельство для охоты на зверя надо особенно иметь в виду и помнить, что одним из самых благоприятных условий служит ровный ветер или определенная тяга воздуха.

Волк живет в условиях, более соответствующих развитию и сохранению органов чувств, и, казалось бы, должен стоять по чутью выше собаки. Мне не удавалось установить этого последнего положения, подразумевая только голое чутье волка, а не совокупность охотничьих его способностей. По крайней мере при многочисленных случаях неудачных охот, из-за несогласования стрелковой линии с направлением ветра, волки, шедшие по лесу довольно спокойно, не доходя 40—50 шагов до стрелковой линии, опророметью кидались в сторону.

Говоря о чутье, необходимо различать проявление чутья для обнаружения опасности и для нахождения добычи, так как на чутье оказывает положительное и отрицательное влияние психическое состояние животного. При опасности (например, при охоте на волка) овладеваемое зверем беспокойство, а тем более страх, препятствует полноте проявления чутья; во втором случае соответствующее охотничье настроение волка способствует ему. Мне кажется, что способность чутья волка улавливать во время своих рекогносцировок именно отдаленные запахи выше, чем у собаки. Быть может этому проявлению незаметно содействует работа комплекса чувств, а также значительно более высокий рост зверя и его умение поставить себя в невыгоднейшие условия. Но было бы ошибочно думать, что главным образом чутье помогает волку отыскивать пропитание. Слух и наблюдательность в большей степени, чем чутье, обеспечивают волчьё существование, особенно зимой. Мнение, что волк чует приваду или пададь вообще за несколько километров, — большое заблуждение. Не чутье, а слух, наблюдательность, умелые переходы и остановки на соответствующих для наблюдений дневках приводят волка к падали. Интонации голоса ворона, сороки, вороны и повадки их волк отлично знает. Птицы эти служат волку незаменимыми помощниками по разыскиванию продовольствия, но в то же время они докучают ему во время дневных передвижений, а иногда и на дневном отдыхе.

Зрение волка хорошее. Он обладает дальновзоркостью. В некоторых случаях зрение волка проявляет особую специфическую остроту. К таким случаям относится способность волка замечать на снегу малейшие бывшие следы, давно прикрытые толстым слоем нового снега, не видимые привычным человеком, обладающим прекрасным зрением. В описании движений волка я приводил один из примеров, когда волк, идя полным ходом во время сильного снегопада, заметил признаки давнишней лыжни, которую мне потом удалось с трудом заметить, и то в защитном месте.

Острота зрения проявляется волком и ночью.

Волк и в темноте отличает некогда всколыхнутый капканщиком снег, хотя после метели и снегопада не оставалось никаких видимых признаков. Вообще волк видит все детали снежного покрова.

Как опасность, так и добычу волк достаточно остро замечает, главным образом по движениям, хотя бы малейшим. Защитная окраска и неподвижность являются надежным средством спасения животных от хищников и, следовательно, служит препятствием волку для обнаружения добычи.

Зверовому охотнику полезно помнить это положение и, ожидая выхода зверя, соблюдать мертвую неподвижность, довольствуясь при более или менее защитной одежде хотя бы незначительным прикрытием.

Характерно, что волк, ожидающий преследования, а тем более раненый, ложится головой к своему следу. Характерно это по тому значению, какое имеет зрение, как средство самосохранения от явной опасности.

Слух зверей вообще сильно развит и значительно превосходит слух человека.

Научными методами установлено, что собака различает разницу в $\frac{1}{8}$ тона, а в отношении высоты звука способна различать звук в 80 тысяч колебаний от звука в 100 тысяч колебаний в секунду, т. е. такие звуки, которые для человеческого слуха неуловимы.

Мы знаем по опыту, насколько развит слух у волка, и у нас нет никаких оснований предполагать, что у него этот орган может быть слабее, чем у собаки.

Слух и наблюдательность в большей степени чем чутье, особенно зимой, помогают волку разыскивать пададь на значительном расстоянии.

Большинство охотников, окладывающих зверей, склонно думать, что зверь не может слышать ни глухого шороха лыж, которым сопровождается прохождение человека по пухлой снежной целине, ни шуршания об одежду веток черной ели и ели. Это мнение ошибочно.

Слух собаки, а тем более волка, находится даже во время сна в состоянии настороженности, правда, несколько притупленной в зависимости от крепости сна.

Случается, что наевшийся после значительного перехода и голодовки волк, вдобавок мало подвергавшийся преследованию, способен потерять на время бдительность, крепко заснуть на солнечном пригреве и не слышать не только обхода, но и подхода. Об одном таком случае мне рассказывал известный окладчик Д. Старостин. Ему удалось подойти к спящему волку на близкий выстрел. Но подобные случаи являются, конечно, исключением и несколько не опираются на высокое слуха волка.

В большинстве случаев зверь слышит обход окладчика. Стремление некоторых охотников к созданию малых окладов поэтому особенно вредно. Невыгодно медлить и с обнесением флагами.

Правда, многие экземпляры, слыша приближающийся шорох, следят за ним, не покидая лежки, но строить на этой повадке зверя малые оклады не следует.

Неудачи при окладывании, да и во время охоты, чаще всего случаются «по вине» волчьего острого слуха и наблюдательности. Волк следит за всеми звуками, за остановками их, определяя местонахождение человека слухом. Поскрипывание обминаемого стрелком снега на номере, обламывание веточек, мешающих зрению или продвижению ружья, служат нередко причиной флангового прорыва волка.

9. НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ И ПРИСПОСОБЛЯЕМОСТЬ

Приспособляемость волка неразрывно связана с наблюдательностью.

Подвергаясь преследованию, волк запоминает внешние подробности появившейся опасности, сопровождавших ее обстоятельств, детали окружающего ландшафта.

И цвет одежды, и запряжка, и люди, их поведение, звук голоса и даже значение интонаций запоминаются волком и влекут соответствующую приспособляемость.

При выслеживании волка и нагоненных лисиц я настоятельно рекомендую скрывать охотничью амуницию — торчащие в санях лыжи, ружья, а тем более флажки.

Встреча такого экипажа нагоненным волком понимается им как выслеживание и преследование и вызывает крайнюю осторожность, после чего попытки обложить и объехать зверя становятся затруднительными. Когда при встречах с волком проезжий крикнет на него особым голосом, волк инстинктивно понимает, что человек заметил его, тем более, что в таких случаях машут и грозят в сторону зверя. Напротив, песнь проезжего, поругивания, понукания лошади знакомы волку как звуки мирные, не относящиеся к нему, которые он частенько слышит и с лежки. Звуки топора и голоса дроворуба хотя и заставляют волка нередко покидать лежку, но не пугают его, так как эти звуки не связаны с преследованием.

Наблюдательность и тонкая приспособляемость волка позволяют ему сохранять себя, иметь отдых, довольно регулярно питаться домашними животными, живя и плодясь поблизости от человека.

В волке, как и в первоклассных пернатых хищниках, заложена особая приспособляемость, позволяющая учитывать самый выгодный момент для нападения и похищения добычи и особенно для повторных нападений.

Уменье скрываться, таиться, внезапная, неожиданная решимость, быстрота нападения, появление врасплох и способность сравнительно редко попадаться на глаза человеку создают какую-то неудовимую «тактику» и ритм волчьих разбоев.

Шатаясь ночью по дорогам и вокруг селений, волк примечает собачьи тропы, зачастую обнаруживая по ним падаль.

Сидя на дороге, он выслушивает, как перелаиваются собаки одного или нескольких селений.

Определив по лаю местонахождение собак, волки мастерски перенимают на дороге возвращающуюся домой или бегущую от дома собаку.

Охоты на собак часто требуют участия группы волков. Нужно в нескольких местах держать караул и отрезать пути отступления. При преследовании собаки накоротке или при подкарауливании на дороге справится, конечно, и одиночка. Но часто при-

ходится с расстояния загонять собаку в круг засады, где роль каждого из волков уже достаточно определена.

Читая по следам маневры волков, я убедился в следующих стратегических их планах.

В первом случае четыре волка караулили собак. Три волка залегли на поле, с разных сторон дороги, а четвертый залег у самой деревни. Собака была поймана на середине пути после попыток убежать в деревню по целику. Очевидно, убегая, она визжала, и на визг выскочила из деревни другая собака, тотчас же схваченная четвертым волком, караулившим под селением.

Другой раз я наблюдал охоту пары волков. Один из них залег в поле, а другой у самой деревни. Бежавшая в деревню собака, очевидно бывшая, зачуяла засаду и бросилась с дороги напрямик к дому, но залегший у деревни волк выскочил ей навстречу громадными прыжками, и обезумевшая от страха собака, как говорится, «вкатилась волку прямо в пасть». Произошло чуть не столкновение: она едва успела откачнуться, дала 2—3 коротких скачка в сторону, и след ее пресекся.

Проходя ночью по обследуемой местности, волк не только подходит к деревне, но часто проходит и по улице последней, чего днем он никогда не делает. Случаи дневных заходов волка в деревню вызывают подозрение в бешенстве.

Мне неоднократно приходилось въезжать в улицу деревни по волчьим следам. Интересно отметить, что редко кто, даже в больших селениях, замечает проходящих волков. Несомненно, что волки перед заходом в деревню долго прислушиваются, приглядываются и вступают в черту селения, когда огни погашены, т. е. когда началась ночная пора для человека, которую волк знает без часов.

Не успев за ночь обследовать местность, волк остается на дневке в подходящем лесном участке и, отдыхая, прислушивается к лаю собак в разных селениях, как бы подсчитывая их, следит за полетом сорок и ворон, подмечает следование их по одной воздушной дороге, и острый слух подтверждает волчье предположение об открытой птицами падали. С наступлением сумерок волк спешит к этому месту.

Волчьи выводки встречаются иногда в очень недалеком расстоянии от железной дороги. Мне известен случай, когда волчья семья зимой пропустила поезд и перешла за линию железной дороги.

Волк принадлежит к зверям крупным и сильным. Несомненно также, что волк живет в значительной степени за счет труда человека и селится около него.

Возможно, что эти два положения заставили волчий характер как бы раздвоиться и вселили в него противоположные свойства робости и смелости, трусости и дерзости.

Волк умеет красть, он умеет и грабить. Он похищает овцу со

двора, режет лошадь на подножном корму и дерзко ограбляет проезжего, выхватывая из саней обезумевшую собаку.

Приспособляемость волка к окружающей среде, к условиям местности поразительна.

Когда ходишь много по волчьим следам, узнаешь волчью жизнь.

10. ТИПЫ

Во внешнем виде и образе жизни обыкновенного волка, по моим наблюдениям, существуют два типа.

Один—лобастый, с красивой мощной головой, умеренно пропорциональным щипцом, широкою грудью и статным корпусом.

Шерсть таких волков обычно ровная, шея кажется очень толстой от хорошего полного опушения. Шерсть взрослых экземпляров, особенно самцов, окрашена в серо-черно-ржавые и чало-черно-охристые тона; самки этого типа темнее волчиц второго типа, нередко имеют некоторый охристый подпал, сравнительно темную оживленную морду; белесоватость окраса обычно отсутствует. Общий вид производит впечатление кормного зверя. Волки этого типа живут ближе к человеческим поселениям, постоянно посещая населенные местности, проникают в самые усадьбы, не стесняясь заходить даже на крыльцо. При переходах держатся дорог. Часто встречаясь с человеком, умело приспособляются к обстановке. Они мастерски режут домашний скот и вылавливают собак. Делая обходы селений, залегают врассыпную в то время, как кто-нибудь из них прибегает к собачьим уловкам, чтобы выманить собаку от жилья. Волков этого типа я называю собачниками.

Волки второго типа живут в отдалении от человека и питаются преимущественно дичью и теми домашними животными, которые очутятся в их глухом волчьем обходе. Они сравнительно редко испытывают преследование человека и поэтому проявляют к нему недоверчивую осторожность.

Шатаясь по лесным и пустошным дорогам, эти волки производят впечатление изголодавшихся скитальцев. Повидимому, пропитание добывается ими, хотя и с меньшим риском, чем предыдущим типом волков, но с значительно большею затратою сил.

Окрас зрелых самцов белесовато-серо-палевый, иногда, но с значительно меньшим, чем у предыдущего типа, охристым тоном; встречается и просто серый окрас с неровной чернотой; самки белесовато-серые, серо-черные и белесые.

Цвет глаз светлее, чем у предыдущего типа, — желтоватый.

Лоб у этого типа волков значительно уже, щипец вытянут (щучий). Туловище кажется удлинненным, замечается сухопарость, вес меньше, упитанность слабая. Шерсть их зачастую неровная, на загривке и спине хохлы и вьюры.

Волков этого типа я называю пустошными.

Описанную разницу в поведении и во внешнем виде волков

несомненно замечали все опытные волчатники. Мне встречались целые выводки того и другого типа, а также семьи смешанного типа.

II. СТАДНОСТЬ

Волк живет с волчицей в паре. Он участвует в заботах о семье, представляя собой пример моногама.

Волки живут семьями. Кроме волка, воячицы и прибылых (волчата, которым не минуло еще года), при выводке держатся переярки (волки, перешедшие годовой возраст—старшие «братья» и «сестры» прибылых).

Переярки остаются при выводке, т. е. при своих родителях, приблизительно до 2, реже до 3-летнего возраста и совершенно отделяются как только находят себе пару.

Жизнь парюю, жизнь семьей или родственною группою дает наибольшие шансы добыть пропитание и сохранить себя от опасности.

Для того, чтобы ловить зайца, необходимо во многих случаях некоторое окружение и сокращение расстояния. Угонного зайца, да еще в перелеске, одному волку взять трудно. Отбить лошадь от табуна, загнать ее, атаковать возможно усилиями пары волков. Преследование быстроходных и крупных диких животных—коз, оленей, лосей требует также группового сотрудничества. Даже ловля собак много успешнее, когда участвуют 2—3 волка.

Старые, беззубые или увечные экземпляры принуждены жить одиночкой. Такие инвалиды являются бременем для работоспособной группы. Враждебное отношение, «обида», потасовки и незащитность заставляют их отделиться и влечить жалкое существование.

Мне довелось позднею осенью наткнуться на тушу крупной лошади, только что зарезанной волками. Все туловище ее было покрыто пеной. Туша лежала среди пней; неподалеку были расположены гряды леса; по разным направлениям виднелись следы копыт на галопе и карьере, обозначавшие сорванным травяным покровом и ямками обнаженной земли. Повидимому, волки гоняли лошадь до изнеможения, заставляя ее вскачь вбегать в лес, с значительным количеством валежных деревьев, и, наконец, зарезали ее. По иному, на траве, можно было видеть на следах поведение проследовавшей лошади и пары волков. Понятно, что волку-одиночке овладеть такой добычей не удалось бы.

При гибели волчицы-матери влияние ее не может быть заменено авторитетом самца. Строптивость матерого не сдерживается более равноправною силою волчицы, и место ее занимает одна из волчиц-перярок — та, которой матерой оказывает больше внимания.

Однако волчица-перярок, выбранная старшей, не только не заменяет волчицу-мать, а напротив вносит нелады. Начинаются

сцены «ревности» со своими однополыми однолетками, пренебрежительное отношение к прибылым. Достается от матерого особенно переяркам самцам. Ядро семьи составляет матерой с избранною им волчицей-переярком и те немногие, к которым волчица сохранила дружественные отношения.

Раскол в такой семье сказывается особенно к середине зимы; этому способствует свойственная сезону голодовка, развивающая раздражительность. Семья делится на группы, расходится, соединяется и снова разбивается.

Поиски друг друга, остановки на новых дневках, беспокойные передвижения вокруг привычных мест сбора, менее прямолинейные ходы, посещения прежних мест дневок, шатание среди белого дня, отсутствие достаточного опыта и происходящие от перемены строя голодовки, — позволяют охотнику успешнее применить в таких случаях многие способы добывания волка.

Однажды, в известном мне еще летом выводке волков дробовым выстрелом ранена была волчица-мать. Ранение было, повидимому, серьезное, но в руки охотника волчица не досталась. Зимой, однако, ее при выводке уже не оказалось. Семья к зиме состояла из старика, двух волчиц-перярок и четырех прибылых (две самки и два самца).

Сначала семья не разбивалась, а затем в декабре можно было встретить следы следующих группировок:

- 1) матерой, 1 волчица-переярк, 2 волчицы прибылых,
- 2) волчица-переярк и 1 прибылой самец,
- 3) 1 прибылой самец.

Эти группы иногда сходились. Потревоженная на дневке объединившаяся семья разбивалась на указанные группировки.

Волки эти в указанных группировках взяты были последовательными охотами с флагами в течение февраля—марта. Состав групп, пол и возраст подтвердились на тушах.

Не разбейся эти волки на группы, взять их всех не удалось бы по причине их чрезвычайной настороженности.

12. ПРИВЯЗАННОСТЬ К МЕСТУ

Волка нужно признать животным более или менее оседлым. Большие передвижения, связанные с добыванием пищи или с разыскиванием себе пары, несколько не колеблют этой черты его характера, тем более, что волк из своих странствований возвращается обратно.

Передвижения, вынужденные недостатком пищи или вызываемые обилием пищи в другой местности, не изменяют его природной привязанности к родному месту. Мы упоминали о прочном сожителстве волка с волчицей. Мы знаем также, насколько упорно из года в год держатся волки за точно определенное ме-

сто для вывода. Мы, в конце концов, имеем немало наблюдений, подтверждающих проживание одних и тех же экземпляров в строго определенном районе долгие годы.

Несомненно, что широкие передвижения волка, связанные с изменением кормовых ресурсов или по другим каким-нибудь наступившим конкретным причинам, а также скитания из одной местности в другую голодающих, «бездомных» одиночек, неосновательно поколебали мнение об оседлом характере волка.

Несомненно также, что волк периодически отлучается зимой из своего коренного района в целях самосохранения. Зимой, когда в широкой округе проложенные волками тропы способствуют обнаружению зверя, волки имеют повадку, несмотря на посещаемую ими приваду, периодически скрываться.

Такому крупному и хищному зверю как волк широкие передвижения необходимы, но их, конечно, нельзя считать кочевками, за исключением регулярных перемещений волков за стадами домашнего скота, переходящего в некоторых местностях на сезонные пастбища, или следования за дикими животными, переселяющимися в подходящие сезону станции.

Что касается настоящих перекочек, миграций, то они не лежат в потребности зверя, а являются вынужденными и далеко не часто встречающимися, представляя собой скорее явление случайное, как и причина, их вызвавшая.

Волк-самец действительно прикрепляется к новому месту, находя себе пару за пределами своего коренного района. Так как инициатива передвижения принадлежит самке, то волчица, приводя к себе волка-самца, не покидает своего родного места. Самцу не остается иного выхода, как остаться с волчицей, опять-таки поселясь оседло в районе ее жительства.

Вот почему истребление местных волчиц сильно обезвреживает данную местность.

Приведу два случая из числа многочисленных, характеризующих привязанность волков к своему коренному району.

Однажды, выслеживая местный выводок волков из шести штук, я заметил на следу молодой волчицы отсутствие отпечатка среднего пальца на левой передней лапе. Несомненно волк побывал в капкане.

Все волки были взяты охотами с флажками, но беспалый не давался никак. Он не выходил на номер, прорывался под флаги, прокрадывался между загонщиками, затаивался. Очевидно он подвергся хорошей выучке при преследовании охотниками после капкана. Так он и уцелел.

Через два года я убил волчицу приблизительно в том же районе. По возрасту убитого зверя, по расцветке шерсти, а главное по отсутствию среднего пальца на левой передней лапе я узнал старую знакомую. Волчица эта, как оказалось из расспросов, оседло жила в той же местности и оставалась холостой.

Другой случай не менее характерен. Мне удалось обложить в еловом острове пару крупных местных волков. Волки эти, кстати сказать, идя на лежку, скинулись с дороги двумя большими прыжками (сметок), как делают русаки, скрывая свой концевой след.

Чуть начался гон, — выскочила волчица. Я ее убил. Немного погодя, на расстоянии более 100 шагов, т. е. вне выстрела, на линию флагов по полянке, гордо подняв голову, вышел коротким галопом лобастый черно-ржавый самец с весьма темным окрасом хребта и верхней половины ребер, в виде чепрака и, удаляясь, прорвался под флаги.

Через две зимы мы с помощником моим Молчановым переняли след матерого. Он шел лесными наезженными дорогами, по которым после его прохода проехало много подвод при выпадавшем снеге. Приходилось выбирать дороги на разветвлениях вслепую, между тем шел второй час тусклого ноябрьского дня. Скоро выбранное нами направление должно было порадовать либо разочаровать — до деревни оставалось с километр. Не успели мы проехать и четверти этого расстояния, как увидели волчий сметок с дороги через ивовый куст, недалеко от опушки того елового острова, где два года тому назад я убил волчицу и где ушел чепрачный волк.

Я выбрал номер без обхода оклада. Шнур потянули шагов по 300 на флангах. Смеркалось. Едва раздался голос Молчанова как тяжелыми махами выкатил знакомый мне лобастый черно-ржавый чепрачный волк. Я его повалил не сразу и он, отбежав за линию шагов 50, скрывшись в густой хвое, упал замертво, производя особый глухой шум от падения грузного тела и легкое потрескивание ветвей, хорошо знакомые зверовому охотнику.

Как же после этого не считать волка зверем оседлым, привязанным к родному месту?

Волки селятся в определенной местности, удовлетворяющей их потребностям.

Для волчат, появившихся здесь на свет, это уже родное место. И для выведших детей и для родившихся такое место вызывает чувство привязанности к нему. Место вывода всегда включает в себя необходимые особенности, которые не на каждом шагу можно найти.

Привязанность волка относится не только к маленькому участку, занятому гнездом, логовом, но распространяется на широкую окружающую территорию. Такой район представляет собой уголья, на которых зверь находит себе пропитание, охотится, выводит детей, скрывается, отдыхает, — это центр, где протекает жизнь зверя. Район этот я называю коренным.

Диаметр волчьего коренного района, если его обозначить кругом, можно определить примерно в 35 км.

13. ГОЛОС

У волка голос разнообразен, как и у собаки. Волк рывкает, ворчит, рычит, лает, жалобно просительно повизгивает, визжит от боли и воет. Голос матерого, особенно в проявлениях рывканья, рычания, ворчания и воя, отличается низким тоном, густым звуком, грозным рокотом.

Несмотря на разнообразие в проявлениях голоса, волк, как большинство диких животных, да еще из числа хищников, довольно молчалив и скуп на подачу голосовых звуков, за исключением воя. Да и это проявление совершается на гнезде — по известному расписанию, а в прочих случаях по необходимости для достижения определенной цели.

Дважды мне пришлось слышать голос смертельно раненых матерых: они густо рывкали и падали замертво. Один раз на глухарином току я слышал многократное покашливание — взлаиванье, вернее рывканье, проходившего волка.

Вой волка заунывен и вызывает у людей, которые слушают его не со специальной целью, щемящее чувство. По настроению в нем есть сходство с криком совы, с завыванием ветра в трубе, или за окном; с завыванием ветра есть сходство и в звуках.

Вой — проявление голоса, действительно важное как для самого зверя, так и для практических целей охотника.

Вой — могучее средство волка для отыскания себе пары и верный помощник для скорейшего соединения с отбившимися членами семьи. Он служит вызовом противнику и зовом своих на ужин.

Волк воет в сумерках и ночью, воздерживаясь от этого проявления днем.

Вой при благоприятных условиях слышен человеком за несколько километров. Волк, при его остром и привычном слухе, слышит вой много дальше. Такая способность волка сберегает ему немало сил и времени при розыске себе подобных, иначе, и с меньшим успехом, ему пришлось бы проверять большие площади своими ходами, напрягая внимание на розыски следов.

Волчий вой — откровение охотнику. По вою определяется местонахождение выводка — гнезда, учитывается количество волчьих выводков в определенной местности, численный и возрастной состав семьи.

Зимой вой служит иногда чрезвычайно ценным указанием о присутствии волков в близкой окрестности; это обстоятельство часто имеет немаловажное значение. В период течки вой может обнаружить новых пришельцев. При розыске разбившихся и исчезнувших под метель неизвестно куда волков вой может оказать немалую услугу.

Зимой охотники мало обращают внимания на вой, как на средство подготовки охоты, между тем при систематических приемах охоты пренебрегать таким явным средством разведки нельзя.

Поведение волка и волчицы, откликающихся во время течки, противоположно.

Услыхав вой самца, волчица поворачивается в сторону звука и ждет. На вторичный голос волчица отвечает без особого промедления и, обрывая вой, с одушевлением ждет ответа. Ее очевидно волнует, скоро ли начнется приближение. А когда нетерпеливый голос самца раздастся уже на более близком расстоянии, волчица скупно подает ответ и замолкает. Нетерпение ее все же велико: она прохаживается, прислушивается к голосу, но не идет навстречу. Выбрав повыгоднее позицию для наблюдений, она вглядывается в даль, ожидая увидеть приближающегося самца. Волчица, следовательно, как самки вообще, не идет в таких случаях на зов самца, а ожидает его подхода для знакомства.

В поведении волка и волчицы, при розыске воем отбившихся, нет полового различия. Навстречу двигаются оба или тот экземпляр, который находится не на пути будущего совместного хода или не на привычном для хода месте.

Не могу умолчать о встрече с редким волком и о драматической развязке этого волка с волчицей во время периода течки.

Беспалая волчица, о которой я говорил выше, жила в своем коренном районе со дня рождения до почти 4-летнего возраста, оставаясь холостой. В период течки, в последний год ее жизни, я занялся, недалеко от района волчицы, чрезвычайно интересным матерым волком-самцом, которого мне взять не удавалось.

Интересен он был не только величиной, но главным образом тем, что это был экземпляр глухой. Наблюдая его в течение ряда дней, я убедился в этом. Будучи чрезвычайно осторожным, волк дважды напоролся на меня при моем проезде в санях по целику через раздвигаемое и ломаемое санными с сильным потрескиванием мелколесье. Он отдыхал ночью, а днем бодрствовал на полях. Дважды мне удалось рано утром объехать его в лесу, но ни разу не хватило времени для охоты, так как со светом он выходил. Ночные лежки в лесу, встреча выходящего с места отдыха волка на рассвете имели место не один раз и установлены как встречами, так и следами. При попытках нагона в полях он чрезвычайно зорко замечал отдаленную фигуру человека и, наоборот, не раз близко находил на загонщика, неподвижно стоящего под прикрытием и кричавшего во-всю на расстоянии, на котором и глуховатый человек слышит.

Когда наступило время течки, глухой стал выть, ему тщетно отвечала беспалая волчица. Но волчица, как и подобает ее полу, не пошла на зов самца. А тут, вдобавок, волк воет и не подходит: это что-то неладное. И волчица замолчала, а волк был на месте.

Б. ГОДОВОЙ КРУГ ЖИЗНИ ВОЛКА И ОСНОВАННЫЕ НА НЕМ ОХОТЫ

В жизни волка резко отличаются два периода в году. Один — чисто оседлой жизни, другой — широкого передвижения за пределы коренного района.

К чисто оседлому периоду относится время примерно с начала весны до поздней осени, ко второму — с поздней осени до весны.

Половая зрелость самок наступает на 22-м месяце жизни.

Время течки в средней полосе падает на февраль—март. Волчицы, даже одновозрастные, приходят «в охоту» не одновременно, а постепенно. Старые волчицы вступают в течку раньше молодых.

Эти обстоятельства влияют на длительность общего периода течки.

При предварительной спаренности самца и самки течка, благодаря моногамии, проходит сравнительно мирно. Напротив, в семьях, где один из стариков погиб или когда пара образуется в самый период течки, сватовство со стороны и кандидатура своих переярков вызывают ожесточенные сражения.

Во время течки волки мало заботятся о добывании пищи и держатся в соответствующих безопасности угодьях.

Старики, раздраженные следованием по пятам голодной семьи, начинают огрызаться, потрепывать молодых, которым остается один выход — удалиться на некоторое время в продовольственный поход.

Прибылые не решаются отойти самостоятельно и обычно группируются с переярками или держатся одной общей с ними группой.

Я не замечал, чтобы волки во время течки стремились к местам более глухим, к площадям сомкнутого насаждения, к крепям вообще. Напротив, в этот период они избирают такие угодья, где можно было бы издали охранять себя прежде всего зрением. Возможно, что эта потребность возникает для целей своевременного обнаружения чужака, привлеченного течкой. Пустошные угодья — вырубки, моховые сосновые болота с редкими низкорослыми деревьями, с зарослью богульника и кочками, взгорья с пнями или с редким насаждением леса часто выбираются волками во время течки.

У некоторых авторов отмечено, что старый волк во время течки идет впереди волчицы, прокладывает широкий след по глубокому снегу и беспрестанно оглядывается, чтобы посмотреть, не отстала ли она.

Если это встречается, то во всяком случае в течение настолько короткого времени, что не только не характеризует основного поведения волка, а напротив искажает представление о поведенческих семейства собак.

Волк, да еще во время течки, конечно, идет за волчицей, обнюхивая ее и приставая к ней.

Инициатива движения принадлежит вообще самке, а во время течки особенно.

Беременность волчицы длится около 63 дней. Таким образом, при течке, падающей на февраль—март, волчата появляются на свет в апреле—мае.

Волки живут в определенном районе, величина которого обеспечивает более или менее их существование. Этот район охраняется ими от вселения новых, прежде всего по причине обеспечения своих продовольственных возможностей. В зимнее время волки частенько уходят за пределы своего района, попадая нередко в занятую другими волками местность.

Заметив, что местность занята волками, вновь пришедшие избегают встреч. Найденную пададь или приваду пришельцы посещают, приспособляясь ко времени, когда волки-хозяева отсутствуют, часто только перед светом.

В местах, где волки следуют за стадами домашних животных, за людьми, при их передвижениях, скапливаясь семьями и группами в одной местности, они ведут себя по отношению к себе подобным менее агрессивно.

Потребность волчьей семьи или родственной группы использовать и охранить от вторжений определенную территорию красноречиво сказывается во время вывода.

Выводок от выводка, как правило, редко встречается ближе, чем расстояние радиуса волчьего коренного района — 15—20 км. Исключения бывают: 1) в местностях, обеспеченных питанием, 2) в местностях, дающих благодаря характеру ландшафта густо расположенные удобные места для гнезда, и то при условии близкого родства с соседями.

Место, выбираемое для гнезда (в тесном смысле), носит характерные однородные основные требования во всех поясах. Оно должно быть уединено, тенисто, защитно от непогоды и недалеко от источника пищи и воды.

Угодья, расположенные близко от селений и отвечающие названным требованиям, нисколько не препятствуют выбору в них места для гнезда.

В больших лесных массивах волк селится ближе к краю, и в особенности, когда главным источником питания служат не дикие животные, а домашние.

Волчица мечет от 3 до 9 волчат. Как исключение встречаются выводки и с 12 прибылыми, и вся семья тогда нередко состоит из 15—16 голов. Количество переярокков при выводке колеблется от 1 до 3 штук.

Волчата рождаются слепыми и прозревают приблизительно через 12 дней.

Молоко матери питает волчат приблизительно до 4—5-недельного возраста, а затем родители начинают подкармливать их

мясом, и оно становится очень скоро основной необходимой пищей.

Первоначально молодые получают мясную пищу, которую волчица или волк отгрыгивают, но это продолжается недолго. Скоро волчата с жадностью и злобностью едят принесенную родителями добычу, приучаясь умерщвлять принесенных родителями живых зайцев и ягнят.

Примерно от 2-месячного возраста прожорливость волчат значительно возрастает, а 4-месячные требуют почти таких же порций, как и взрослые.

По этой причине присутствие выводка в начале лета почти незаметно на убыли скота, тем более, что в этот период легко еще достается дичь, но примерно в июле возрастающий не по дням, а по часам волчий аппетит удовлетворяется уже в значительной мере за счет домашнего скота.

Переход волчат на исключительно мясную пищу создает для стариков, особенно для самца, настоящую страдную пору. Правда, труды его в этом сезоне хорошо вознаграждаются парным мясом.

До осени молодняк в местности лесной, защитной, не выходит за пределы весьма ограниченного пространства; в этом отношении она находится в полном подчинении матери и лишена инициативы благодаря природной робости.

Переярки летом не нужны старикам; они скорее мешают, чем помогают. Да переярки и самостоятельно свободно добывают себе пропитание в летнее время. Хотя охотятся переярки и врозь от стариков, но живут у логова или гнезда по привычке к групповой жизни, обеспечивающей в большей степени безопасность. С осени они, однако, снова примыкают к общей жизни семьи.

В конце сентября или в октябре волчий выводок, предводительствуемый матерью, начинает мало-помалу выходы, сначала незначительные, возвращаясь к гнезду, а затем постепенно увеличивающиеся в зависимости от усвоения волчатами необходимой дисциплины и опыта. Начинаются дневки на новых местах.

Молодняк очень скоро, еще по черной тропе, приучается ходить гуськом в предшествии волчицы и под наблюдением замыкающего шествие матерого.

Естественно, что при таком строе малейшая приостановка волчицы, высматривающей безопасность пути или добычу, заставляет всю колонну застыть. Понятно, что такой кильватерный строй при многих обстоятельствах способствует волкам остаться незамеченными и более выгоден по сравнению с шествием вразброд, гурьбою. С сентября наступает сезон осенних облав и ружейной охоты с гончими, а несколько позже может быть осуществлена охота с борзыми (см. спец. главу).

Когда выпадает глубокий снег, шествие таким строем, позволяющим ступать след в след, значительно облегчает передвиже-

ние, так как каждому, следующему позади, легче ступать в готовую уплотненную ямку следа.

Количество прибылых в семье, примерно к декабрю, редко встречается более 4—5 штук. Чаще, однако, вся семья состоит к этому времени из 4—6 голов.

Взматерение диких и переход на стойловое содержание домашних животных резко ухудшают волчье существование. Только широкие передвижения при волчьей наблюдательности могут прокормить волка. Осуществляется пословица: «волка ноги кормят». Осенью, еще до выпадения снега, практикуется в некоторых местностях охота с беркутом и заганивание (см. спец. главы). Как только начнутся морозы, вывозят приваду для подготовки зимних охот. По выпадении снега до конца зимы могут быть проведены все зимние охоты нагоном на стрелка, капканый прием, подкарауливание у привады и охота с поросенком (см. спец. главы).

Возвращение волков из странствований в свой коренной район основано не на голой привязанности к нему, а и на том, что он обычно более или менее выручает волка. В коренном районе у семьи или у группы волков имеются запасы зарытых костей от летних разбоев. Эти запасы при продовольственных неудачах зимой нередко спасают волков.

Усиленная затрата сил на передвижения по глубокому снегу и стужа вызывают усиленную потребность в пище, с одной стороны, с другой — все объекты питания становятся трудно достигаемы.

Волчья настойчивость тогда увеличивается, робость в волчьем поведении проявляется реже, место ее занимает осторожная смелость. Пользуясь для передвижения по возможности широко дорогами, волки часами вертятся около селений, входят в улицы, в заулки и в результате либо обнаруживают падаль, либо поживятся собакой.

В местностях, где скот пасется круглый год, жизнь волка связана с пастбищным режимом и с посезонными перекочевками за скотом.

Такой же режим устанавливается в жизни волков, живущих за счет диких животных, совершающих посезонные переселения.

Волк предпочитает острова и отъемы. Когда волк пользуется для дневок большими площадями, он избегает заходить вглубь, выбирая места к краю или к дороге.

Там, где ель распространена, еловые острова с некоторою зарослью лиственного леса представляют собой любимые места отдыха волков, прекрасно защищая их от всякой непогоды.

Сосновые кочковатые, моховые болота занимают не последнее место при выборе волками дневок.

К концу зимы, когда начинается солнечный пригрев, волк часто ложится на солнце у опушки, а иногда и в поле.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОХОТЫ ПО ЧЕРНОТРОПУ

(летние и осенние)

1. ИСТРЕБЛЕНИЕ ВОЛЧАТ НА ГНЕЗДЕ

Добывание волков в весеннем сезоне проходит за счет беспомощных, часто еще слепых волчат и как исключение (притом редкое) за счет взрослого волка.

Весенне-летнее истребление, касаясь молодняка, почти не распространяется на взрослых членов волчьей семьи, предоставляя их в качестве предмета охоты другим способам. В большинстве случаев недостижимые для весенне-летнего истребления матерые и переряжки с успехом избегают гибели и на осенних облавах.

После уничтожения летом прибылых облавы затрудняются тем обстоятельством, что оседлость волчьей семьи нарушена и места дневок изменчивы. Борьба с самым вредным составом выводка переходит, следовательно, в форму зимних способов охоты: окладывание зверя по снегу, нагон на ружейного охотника и др.

Теперь полезно обратиться к вопросу, — избавилось ли население данного района от значительной доли убытков в текущем летнем сезоне после уничтожения в этом районе волчат на гнезде?

Большинство охотников и не охотников склонно думать, что вследствие уничтожения волчат, которых надо было бы прокормить мясом, уменьшается и количество убытков. Эта точка зрения, однако, зиждется на узко физиологической арифметике, не принимая во внимание ни образа жизни, ни характера, ни повадок волков.

На самом деле матерые, освобожденные от своих родительских обязанностей, значительно больше передвигаются и режут скот направо и налево. Лишившись волчат, волчица выступает на охоте совместно с матерым, к ним в охотничьих набегах присоединяются и переряжки, которые раньше, когда добыча шла на гнез-

до, не выступали совместно. Организованность нападения группой всегда продуктивна, под силу становятся и крупные животные (например, лошади), и убытки населения увеличиваются.

Освобожденные от семейных обязанностей старики и примкнувшие к ним переярки режут скот на более широкой территории.

Несмотря на отмеченные минусы, цель весенне-летнего истребления тем не менее очень важна — она в совокупности с другими способами все же способствует задержанию роста волчьего «населения». Истребление щенят обязательно должно энергично проводиться. Надо только употреблять все усилия, чтобы при этом добыть и материков, или хотя бы самку, а также помнить, что в дополнение к уничтожению щенят обязательно должно практиковаться и зимнее истребление взрослых.

Эта цель достаточно серьезна, чтобы остановиться на весенне-летнем истреблении и уделить ему место в настоящей книге.

Часто употребляемые здесь термины «гнездо», «логово» имеют двойной смысл. Под гнездом-логовом подразумевают, во-первых, то место, в тесном значении слова, где волчица щенится и откуда волчата не выбираются в течение первых недель; во-вторых, гнездо или логово обозначает участок лесного угодья, выбранный волками на время рождения и взращивания детей.

Период истребления волчат нужно разбить на два сезона: весенний и летний.

Первый характеризуется самым молодым возрастом волчат (до 1 месяца), когда они не способны отойти от своего логова-гнезда и при всякой опасности прячутся на гнездо. Второй период — летний, когда волчата способны спрятаться от опасности вне гнезда, но не бежать за пределы, хотя и довольно ограниченного пространства, острова, где вывелись. Этот период может быть определен возрастом волчат от 1—3 месяцев.

В зависимости от местности и возраста волчица в большинстве случаев щенится в апреле-мае. Весеннее истребление (даже в районах позднего щенения) должно быть закончено к июню. После этого срока наступает летний период истребления, длящийся приблизительно до сентября. И в первом и во втором периоде человек находит волчье гнездо благодаря своим знаниям или случайно; в весеннем периоде нашедший гнездо, не пропуская срока, забирает всех волчат живьем, либо убивает их палкою, во втором же периоде разыскать волчат без помощи собак затруднительно, а порою и невозможно.

Различать эти два периода необходимо по чисто практическим соображениям. Для осуществления весенне-летнего истребления требуется знать, какие именно места наиболее подходят волкам на время вывода молодых, и как обнаружить гнезда.

В период весеннего и в первую половину летнего периода волки проживают оседло на гнезде и ведут довольно скрытный образ жизни. Вой, обнаруживающий волков со второй половины

летнего периода, не наблюдается в этот сезон. Молчаливость, рысканье матерого за дичью в лесах и перелесках и пышная растительность скрывают волка от глаз человека, хотя волк и выбирает часто места для гнезда, вовсе не отдаленные от человеческого поселения.

В зависимости от полосы обитания волка, местность избираемая им для гнезда, бывает разнообразна. Волк селится и в торфяных болотах с безлесными пространствами, среди коих в виде островов имеются лесные гряды, и в смешанных значительных лесных площадях, и в тенистых хвойных участках с валежником, и в болотах с моховыми гладами и чащами соснового молодняка. Заболоченное мелколесье с ивняком и зарослями болотных высоких трав служит также прекрасным приютом; в местностях более южных — отдельные рощи, площади густой заросли, мелколесья, овраги, поросшие кустарником, расселины в выходах каменных пород, степь с буйной растительностью, тростники и густые заросли, окаймляющие реки и озера.

Одним из первых требований, предъявляемых волком к местности, выбираемой для гнезда, является наличие близкого водояма с подступами, скрывающими волков во время частого хождения для утоления жажды.

Весною воды обыкновенно везде много, но волку нужна не вешняя вода, которая затем исчезает; ему нужен водоем, который не пересыхает и знойным летом. И волк умеет находить подходящие для себя места.

Выбрав место для гнезда, волки поселяются на нем оседло до той поры, пока осенью не стронутся с взматеревшим выводком.

Участок, где расположено гнездо, представляет собою обычно такое угодье, куда людям проникать незачем, куда они во всяком случае попадают редко. Такое место никогда не служит путями сообщения, так как оно представляет либо слишком густую заросль, либо толкую почву, либо буйный болотный наземный покров. Близость от таких мест пешеходных тропин или проезжих дорог не препятствует волкам спокойно селиться и жить, если в остальном такие угодья удовлетворяют волчьим требованиям.

Гнездо или логово, где волчица мечет волчат, иногда предварительно устраивается ею, иногда волчица пользуется целиком природными удобствами, особенностями места, иногда она просто располагается на земле, отличающейся от окружающей обстановки некоторым углублением, обмятостью почвы. Самое гнездо-логово обычно удовлетворяет следующим требованиям: защитности от дождя и ветра, сухости почвы или во всяком случае отсутствию в логове подпочвенной воды, затенению логова и возможной скрытности его.

Для устройства гнезда волк не роет норы, как лисица. Очевидно такое устройство подземного жилища с коридорами ему

не подходит по непригодности; волк, однако, при удобствах местности не прочь приспособить наружное колено лисьей сурчины или барсучьей норы, расширив соответственно помещение. Он пользуется полученным таким образом углублением со сводом, имея полную возможность видеть оттуда происходящее снаружи. Нередки случаи, когда волчица устраивает для своей будущей семьи углубление — яму под наклонным карнизом корней вывороченного ветром дерева или же вырывает соответствующее углубление между поверхностно идущими корнями стоящего мощного дерева. В оврагах волки пользуются свесами оползней; в местностях горных и каменистых убежищем для гнезда служат груды камней, плиты и горные расселины.

Те признаки близости гнезда, которые во второй половине лета значительно облегчают возможность обнаружения его — тропы на водопой, примятость травы, особый запах гниющей мясной пищи и пр., — в весенний сезон проявлены слабо. Ввиду этого для достижения успеха нужны не только знания, но и удвоенная настойчивость вместе с последовательностью в розысках. Волки упорно из года в год держатся того же, или приблизительно того же, места; это постоянство необходимо запомнить охотнику, отыскивающему гнездо.

Всякий хищный зверь, живущий стайей-семьей или одиночкой, имеет более или менее определенный район для разыскивания пропитания; этот район обычно охраняется семьей или одиночкой от вторжения себе подобных. По этой причине, лежащей в характере зверя, волчьи выводки не встречаются на близком расстоянии один от другого. Такое требование волчьей природы вполне разумно, иначе волки мешали бы друг другу в добывании пропитания и значительно осложняли бы продовольственные возможности. Об этой повадке волка подробно упоминалось в главе «Годовой круг жизни».

Найдя следовательно, одно гнездо, не следует искать другое поблизости. При этом не мешает заметить, что при уничтожении волчьего выводка место его в будущий сезон часто занимает другая семья. Волки предъявляют к своей квартире одни и те же требования, а так как совокупность желаемых условий не так часто встречается в природе, то занятие освободившегося гнезда вполне понятно.

Начинают с подготовительной работы — с собирания сведений на местах о бывшем расположении прошлогодних выводков и о судьбе их (не взяты ли зимними охотами и пр.), не забывая справиться о том, цела ли старая волчица.

Далее надо расспросить коренных местных жителей, знающих до тонкости местность, о расположении среди угодий, удовлетворяющих волчьему гнезду, надлежащих водоемов. Полезно также знать местоположение селений и о прошлогодних и нынешних убытках, причиненных волками.

В местности с обширными полями и рощами или островными лесами иногда получают указания на частые встречи волка, следующего на утренней заре большей частью по одному направлению — к острову. Указания на встречи с волками чаще получаются во второй половине лета.

Получив сведения, подтверждающие вероятность выводка, следует первоначально осмотреть издали ту местность, где заподозривается волчье гнездо. Не надо торопиться проникать в глубь угодья; сначала следует ознакомиться с окружающей местностью — с полями, полянами, дорогами и общим очертанием всего угодья, получить, так сказать, общее внешнее впечатление. Нужно, как правило, вести следствие от общего к частному. Полезно с возвышенности получить представление о контурах угодья, характере лесонасаждения, об отличиях некоторых участков по высоте деревьев и породе и об особенностях площадей, примыкающих к полям.

Ознакомившись с очертаниями лесного массива и в частности с участком, особо привлекающим ваше внимание, следует обойти такой участок, словно при окладывании зверя зимой. При обходе летом требуется еще больше внимания, чем зимой, чтобы заметить подчас малоуловимые признаки присутствия зверя.

Обход предпочтительнее делать в росистое утро, после восхода солнца, так как матерой возвращается с добычи к гнезду нередко значительно позже; выгоднее не тревожить его встречами и иметь в качестве руководящего указания его входной след по росистой траве лесной поляны.

Осмотр имеющихся дорог поблизости, особенно после дождя, часто дает возможность увидеть следы матерого или переярков, а может быть, и те и другие. Следы эти не доказывают еще наличия выводка и близости его, все же они ободряют. Не в каждом лесу их найдешь.

Один из важных этапов обследования — осмотр водоемов; один из них может послужить волчьему выводку местом водопоя при гнезде. Водоемы можно обнаружить только благодаря тому, что с вами проводник, который знает все ходы и выходы в этом лесу.

Перед вами в плоских мшистых берегах водяная яма шириною в метр и немного длиннее, она сплошь заполнена черно-красною водою, как крепкий чай. Кругом под ногами гнется, колышется почва — это плавни. Никаких признаков волчьих следов нет. Дальше еще ямы. После безлесной площади мхов чаще и чаще начинает появляться ивняк, он тянется к опушке высокоствольного леса, расступается перед ним и, как раз на границе спайки с островом, открывает длинный узкий водоем с такою же, как и та яма, черно-красною водою, в которой отражаются лиловато-коричневые стволы елок. Берег водоема со стороны острова чернеет влажным торфом, весь он в бесчисленных следах крупных волчьих пальцев. Эти следы собираются с берега в узкую тропу,

которая тянется под растопыренными опухшими елей. Отсюда уже слышна специфическая вонь волчьего гнезда. Имея такие доказательства, можно с уверенностью сказать, что гнездо будет сейчас найдено.

Волчий путь с логова на водопой и обратно представляет собою сильно умятую тропу, особенно с июля, когда и молодые начинают страдать от жажды. Наиболее умятой бывает тропа, приближающаяся к водопою; в направлении к логову она постепенно редет и теряется, так как звери там идут, уже не придерживаясь ее.

При приближении к самому гнезду, особенно во второй половине лета, вонь у гнезда нетерпимая — это смесь запаха плохо содержимой псарни и падали. Все чаще и чаще попадает волчий помет, мелкие и крупные кости, позвоночники, черепа, — струнный гул стоит от мух и комаров. В сухой земле накопаны ямки — это шалости еще прошлогодней молодежи; некоторые ямки к чему-то подновлены мощной лапой матерого. У подножия старей ели, в развилинах ее поверхностных корней желтеет ошмыганный вал песку; над ним в сопке, на которой растет эта ель, нечто в роде чела берлоги. На виду лежат темные комочки еще слепых волчат, их трудно сосчитать, не разъединивши из общего клубка.

Вот и гнездо. Оно с его юными обитателями в вашем распоряжении. И ни одного из взрослых зверей. Волчица спорхнула, словно птичка с гнезда, оставив на произвол судьбы беспомощных питомцев.

Подготовительные меры по розыску волчьих гнезд и самый процесс розыска почти одинаковы как в напольной, так и в лесной местности. Руководствоваться следами по росе в местах напольных, степных, труднее, но, с другой стороны, там определеннее и чаще помогают указания о встречах волков.

Срок весеннего истребления короток — приблизительно один месяц. Срок младенчества волчат пропускать нельзя. Иначе ваша подготовительная и розыскная работа может сойти на-нет. При вашем подходе к гнезду оно может оказаться пустым, хотя волчата где-нибудь поблизости. Играя на воле или греясь на солнце, услышав шорох ваших шагов, они распрятались и в папоротнике, и под валежником, и в траве, и в сплетениях ивовых кустов. Найти их, не обладая чутьем собаки и не имея подходящих собак, — дело слепой удачи.

Как только волчата начнут питаться сырым мясом и грызть кости, они начинают выходить из логова, прятаться с едой от своих однопометников в траву, кусты. Приучившись к выходу из логова, волчата, заслышав опасность, выбегают с гнезда, предпочитая прятаться на воле под прикрытием растительности.

Селясь в угодьях, не посещаемых людьми, волк, по свойственной ему осторожности, относится с подозрением к заходу человека; повторное появление еще более усиливает эту подозри-

тельность, а если подозрения вселят в волчицу беспокойство, — она перенесет беспомощных или переведет ходящих уже на водопой волчат в более безопасное место. Установлены случаи, когда выводки переводились волчицею в конопляники или в рожь под самым селением и благополучно пребывали там до конца сезона. Обстоятельство это стало известным после уборки полей по логовам и остаткам пищи и помету.

Из приведенных данных, освещающих как поведение волчат летнего периода, так и отношение волчицы к повторным посещениям людьми места расположения гнезда, а равно рисующих тот тенистый приют, который предоставлен волкам цветущим полнолистным летним сезоном, становится очевидной беспомощность человека в деле летнего истребления волков без собак. Собак, которые хорошо, злобно, бесстрашно идут по волку, — мало. Пускать на волка одиночку рискованно, так как часто, увлекшись следом исчезнувших стариков, такая собака становится жертвою их. Говорить же о целой стае волкогонов пока не приходится за отсутствием их. Правда, хотя не часто, но попадают экзemplяры одиночных собак, независимо от породы, иногда и беспородные, которые могут сослужить прекрасную службу при розыске попрытавшихся волчат, но собаки эти представляют собою исключение. И здесь, как и на осенних облавах, приходится особенно пожалеть о почти полном отсутствии хороших гончих волкогонов. Истребители волков в этом сезоне без них, как без рук.

Истребление волков весенне-летнего периода представлялось бы мерою более действительною, если бы истребление волчат сопровождалось уничтожением старой волчицы. Иногда, действительно, случается пристрелить волчицу-мать при розыске гнезда, или после обнаружения его, но такие удачи в общем являются делом случая. Естественно, что чем больше практикуется способ весенне-летнего истребления, тем чаще представляется такой случай, хотя их невозможно участить преподанием какой-либо системы, тут только можно посоветовать при розыске волчьего гнезда иметь наготове ружье. Исключением, впрочем, является подкарауливание. Подкарауливание производится около гнезда-логова. Присутствие беспомощных волчат на гнезде несомненно увеличивает шансы.

Подкарауливание в местности лесной предпочтительнее производить с лабаз¹, наскоро приготовленного на одном из деревьев на расстоянии верного выстрела от логова. Еще лучше устраивать лабаз на надежной тропе. Лабаз должен быть устроен довольно высоко (метра на 4) и не выделяться. Оба эти условия помогают охотнику остаться незамеченным со стороны волчьего зренья и чутья.

¹ Лабаз — небольшой помост, устраиваемый из связанных коротких кольев на толстых ветвях деревьев.

Подходить к лабазу лучше вдвоем, с тем, чтобы сопровождающий ушел с места расположения логова, сделал бы, так сказать, выходной след. Волчица рано или поздно явится к логову, но предварительно она обследует прилегающую местность и убедится в безопасности.

Волчица часто причуивает затаившегося человека или, обходя вокруг логова, остается невидимой, так как откладывает свой подход до сумерок или до ночи, когда стрельба становится невозможной. Волчицы менее опытные, менее пострадавшие в прошлом от преследования человека, нередко более доверчиво подходят к гнезду.

Весенне-летнее истребление может иметь значение в деле борьбы с волками, если оно широко проводится при участии местного населения.

Второй период истребления на гнезде, летний, может быть успешно проведен только при помощи гончих — волкогонов. Прибылые прячутся в буйной растительности, залегают, и без злобных привычных собак никакого толка не выйдет.

В отличие от любительской охоты с гончими этот способ нужно проводить раньше — в конце июля, начале августа. Кроме того, для успешности, в надежде захватить стариков, необходимо прибегать к оцеплению оклада загонщиками, как и при осенней облаве, с соблюдением всех правил техники охот облавной и с гончими.

К сожалению, подходящих гончих так мало, что подробно останавливаться на этой охоте не приходится.

2. ОСЕННЯЯ ОБЛАВА

а) Подготовка.

В местности, где с успехом проводилось весенне-летнее истребление волков на гнезде, до осенней облавы дело обыкновенно не доходит, так как оставшиеся старики и переярки, сбитые с места своего оседлого жительства, изменяют образ своей летней жизни, меняют места дневок. Спокойствие и целостность таких волчьих групп волей-неволей приходится не нарушать в подавляющем большинстве случаев до белой тропы. Там же, где семейный состав и строй выводка не поколеблен, т. е. где летом их не беспокоили, а убытки, причиняемые волками, нетерпимы, необходимо, не ожидая зимы, прибегнуть к осенней облаве.

В местности с островными лесами или с отъемистыми, осенняя облава на волков протекает нередко удовлетворительно; напротив, в глухих заболоченных больших пространствах или в широких площадях лесных крепей вообще охоту эту в большинстве случаев постигает неудача. Причины недостаточной успешности этого способа охоты лежат не столько в слабости самого способа, сколько в трудностях и в неудовлетворительном осуществлении его.

Прежде всего для успеха нужна хорошая, четкая подготовка, заключающаяся в определении угодья, где проживает выводок, в обнаружении самого логова-гнезда и в ясной наметке границ оклада.

Хорошая подготовка необходима, без нее к громоздкому и сложному делу осенних облав приступить нельзя, тем более, что и при безукоризненном проведении подготовки существуют затруднения, вызываемые условиями, при которых протекают облавы. Затруднения эти следующие: 1) летнее убранство леса и наземного покрова, способствующее незаметному прохождению зверя и его затаиванию или залеганию, 2) значительная площадь оклада по черной тропе, 3) громадное количество лиц (загонщиков и стрелков), участвующих в облаве, и 4) принадлежность подавляющего процента подсобного персонала к числу лиц, не только не обладающих охотничьим опытом, но чуждых охоте вообще и охотничьей дисциплине в частности.

Многое из того, что говорилось в описании разведки — подготовки весенне-летнего истребления волков, касается и осеннего облавного способа, ибо и тот и другой способы требуют выяснения местонахождения логова-гнезда по черной тропе. Однако при разведке и подготовке осенней облавы возможно использовать значительно больше признаков местонахождения выводка: 1) вой волков, 2) увеличение урона домашнего скота, помогающего определить район поселения волков и их передвижения, 3) подвинувшийся рост волчат, вызывающий у них возрастание аппетита и жажды и, следовательно, требующий более частого передвижения стариков за добычей вне района логова и учащенного продвижения всего выводка на водопой, а учащение передвижений оставляет часто видимые отдельные следы и всегда весьма заметные тропы.

Осенние облавы необходимо проводить с того времени, когда волчата достаточно подросли. Обычно самостоятельность у волчьего молодняка наступает примерно с середины сентября. Более ранние облавы дают худшие результаты, так как большой процент волчат (если не все) залегает, прячется и, пропуская вплотную загонщиков, не выходит на стрелковую линию, особенно если оклад представляет собой крепь.

Сезон регулярных облав, как общее правило, кончается, в зависимости от местности, приблизительно к середине октября, когда взматеревший выводок трогается с гнезда и оставляет свой оседлый весенне-летний образ жизни, меняя места дневок.

Примерно с августа волки начинают выть по зорям, не зная того, что этот вой предательски выдает их охотнику.

— «Воют по ночам, все больше, там» — ответят вам на ваши вопросы во время разведки. Эти показания легко проверить в первую же вечернюю зорю. Одновременно необходимо собрать сведения об уроне скота, — «о волчьих убытках». Сведения эти следует собрать тщательно, касаясь не только данного селения,

а и окрестных; это может привести разведчика еще к выводку, находящемуся за десятки километров.

При получении сведений о количестве зарезанного волками скота по отдельным селениям не следует доверяться весьма упорно держащемуся мнению охотников, будто бы матерые волки никогда не режут скот из стад селений, расположенных близко от выводка. Это мнение неверно. Если бы даже не резали скот матерые, то находящиеся тут же переярки не держались бы такого правила и преисправно похищали бы скот. Я имею немало проверенных лично примеров о наибольшем уроне скота именно в селении, находившемся в непосредственной близости от единственного в том районе выводка.

Делать поэтому из приведенного ошибочного мнения чисто практический вывод, что надо ехать на разведку дальше, так как если волки берут скотину, то это прямой показатель отсутствия в этом месте выводка, — вредно.

Похищение скота и нападение на скот делается волками по возможности ближе от гнезда, особенно, когда им приходится таскать добычу на логово, однако только при непременном условии удобства подступов от логова к месту, где пасется скот. Такими удобными спайками острова с пастбищем являются гряды кустарника, мелколесья, отдельно расположенные можжевельники, ручьевины, холмистость, т. е. вообще заслоны, скрывающие зверя и позволяющие ему высматривать из-за них.

Отдельные суждения о местонахождении волчьего выводка вообще не должны быть руководящими, особенно в осенний сезон, когда налицо такое мощное средство проверки, как подывка. В данном случае нас главным образом должен интересовать вой на вечерней заре, как более постоянный и в то же время в большинстве случаев определяющий местонахождение гнезда.

В надлежащий сезон жители окрестных селений всегда более или менее верно укажут направление, где воют волки на вечерней заре. В благоприятную погоду вой слышится на расстоянии более 2 км. Если волки завоют, то подвывать их нет надобности. Если же они почему-либо не дают о себе знать, то их вызывают на это, подражая их голосу.

Егерь, окладчик, охотник, умеющий подражать волчьему голосу, называется вабильщиком. Научиться вабить можно только на практике, наслушавшись волков. Для хорошего подражания (а такое только и возможно допустить на деле) безусловно требуются особенные способности; нужно обладать и слухом, и должными голосовыми связками, и тою особою наблюдательностью, которая способствует перениманию, воспроизведению слышанного и виденного в природе.

Волки обычно начинают выть после захода солнца, когда начнется уже сумеречное освещение, — я бы определил это время началом летней тяги уток на кормежку.

Продолжительность волчьего воя невелика — обычно меньше $\frac{1}{4}$ часа с некоторыми перерывами.

Вабильщик подражает обычно голосу стариков.

Каждый возраст волков, так же как их пол имеет влияние на особенности звука и ритма. Прибылые отрывисто подлаивают, соединяя отдельное частое взлаивание с визгом, переярки обладают певучим тенором, матерые — басом, тягучим, слитным с преобладанием звуков закрытых, с примесью гнуса, причем у самца голос ближе подходит и держится звука «у», а у волчицы преобладает «о». Подача, или, как охотники выражаются, отдача голосов на вечерней заре обычно свидетельствует о том, что волки воют с гнезда.

Итти на подслух бывает выгоднее вдвоем с тем, чтобы расположиться в противоположных местах той площади, где заподозрено нахождение гнезда. Такой способ при значительной величине угодья помогает точнее определить, из какой именно площади слышатся волчьи голоса. На подслухе выгоднее занимать позицию на возвышенности против зари для того, чтобы видеть очертания того угодья, где предполагается логово волков. В ясные зори такой осмотр знакомит с местностью и облегчает дальнейшую работу по выяснению логова и оклада для облавы.

Молчание волков в данный вечер еще не свидетельствует об отсутствии их самих в этой местности. Вызвать ответный вой лежит на обязанности вабильщика. Для точной подготовки облавной охоты иногда требуется в зависимости от разных условий не один вечер, не одно утро и не один день.

Определив по вою волков на вечернем подслухе примерное местонахождение их в том участке смешанного леса, который высокими зубцами елей долго выделяется на вечернем небе, охотник прекращает свои дальнейшие исследования до утра. Утром, пока держится роса, но уже после восхода солнца, следует обойти тот участок леса, который хотя и неясно, но все же намечился вечером.

Обход производится с соблюдением всех требований предосторожности, какие предъявляются зимним окладыванием зверя, прирезывая к окладу чащи, крепи и т. д., так как, не имея возможности руководствоваться следами, как зимой, нужно опасаться оставить волков за окладом. Ввиду трудности ориентировки в сплошной площади леса, особенно когда лист еще не начал опадать, а трава далеко еще не пожухла, полезно иметь при себе шагомер и компас.

Сначала разумнее сделать оклад побольше, не стесняясь прирезать большие излишки, если этим достигается вдобавок возможность придерживаться каких-либо естественных границ, например, полян, дорог, гряд леса, кряжей, ручьевин, просек и т. д. Остров отъемистый, а тем более обрезной, понятно, упрощает дело, и естественные границы его сами указывают путь.

Иногда при обходе, не вдаваясь еще в глубь круга, случается

напасть на волчьи тропы или другие признаки, иногда же обход в непосредственной даже близости от гнезда ничем не выдаст присутствие волков.

Первоначальный обход должен служить целям: сделать наметку оклада вчерне и найти признаки волчьего поселения и по этим признакам удостовериться в точности местонахождения гнезда.

После того как удастся определить гнездо, которое и по сведениям, полученным от населения, и по данным подвывки, без сомнения должно находиться где-нибудь в том же, хотя и большом, лесном массиве, тогда оклад уточнить будет уже легко.

По обнаружении тропы, особенно от бодопоя, дело розыска гнезда можно считать выигранным.

Описание признаков подступа гнезда и самого гнезда-логова сделано при изложении весенне-летнего истребления.

Углубляться к логову при наличности явных признаков его не следует, надо поспешить удалиться, чтобы не тревожить понапрасну зверя и не вызывать в нем большего подозрения.

Перед тем, как отойти от гнезда на одну из линий оклада, полезно заприметить внешние видимые издали особенности того места, где расположено гнездо, как, например, высокоствольность деревьев, порода леса, сухой осиновый дупль, сопка и т. п. Эти признаки значительно облегчат и линии и форму оклада.

Зная места лежек зверя, нужно уточнить и выправить линии оклада, сделав их по возможности прямыми: иногда при слишком близком расстоянии какой-либо линии оклада от логова следует отдалить ее.

Чрезвычайно полезно делать при обходе записи о длине каждой стороны оклада и об особенностях местности, например, о встречающихся крепях, требующих сгущения загонщиков; одновременно надо предрешить ход и лазы зверя, т. е. наметить будущую линию стрелков, определить потребное количество загонщиков и выбрать точное место (номер) каждому стрелку.

Случается, что при прохождении какой-либо линии оклада вы замечаете зеленую полосу на траве от сбитой росы. По нагнувшимся заломленным в сторону оклада высоким былинкам ясно, что этот след в оклад. Это вернулся матерой с добычи.

Записи о протяжении линий оклада и о форме его вместе с отметками об особенностях местности помогают составлению на дому плана действий. И только тогда план осуществляется на месте без вредной мешкотности, без колебаний, лишь бы не изменилось направление ветра, которое сегодня так благоприятствовало наметить желаемую стрелковую линию, удачно совпадающую с ходом и с лазами зверя.

Определение хода, т. е. предугадывание того направления, которое зверь, заслышав опасность, примет наиболее охотно, составляет одну из важнейших и ценных способностей окладчика.

При осенних облавах, благодаря значительному количеству за-

гонщиков и сплошному почти окружению ими места расположения волков, зверь робеет и туго подвигается вперед; боясь засады и встречи с человеком, он с большой нерешительностью избирает направление и, конечно, то, которое более соответствует его постоянной привычке и инстинкту. По этим причинам верное определение хода зверя при осенних облавах даже важнее, чем на зимних, где легче корректировать принимаемое зверем нежелательное отклонение помощью безмолвных занавесей, флагов и даже человеческого следа, проложенного по поляне.

Ходом зверя надо считать то направление, ту сторону, куда он ходит или выходит с места дневки по собственному почину; надо, однако, различать цели передвижения. Если зверь имеет обыкновение ходить в определенную сторону за добычей в вечернее или ночное время, причем местность, куда он ходит, преследуя указанную цель, отличается от той, где он днюет, например, если волк днюет в закрайке большой лесной площади, а ночью выходит в чистое поле, то будет, конечно, ошибочно считать ходом волка из-под облавы сторону поля. Ходу волка в данном случае соответствует направление, ведущее к местам и по местам неполевым и неглухим лесным, но все же защитным; такими местами, по всей вероятности, оказались бы сливающиеся или находящиеся поблизости мелоча, пересеченная местность с зарослью кустарника и т. п.

Ходом волка из-под гона может быть и сторона поля, но в местности лесостепной и уже в сезон подвинувшейся осени.

Кроме направления, куда охотнее пойдет волк, окладчик должен определить и лаз зверя. Лазом называется та невидимая для человека дорога, которую зверь выбирает, идя в сторону своего хода.

Лаз чувствуется охотником, но трудно поддается описанию. Сплошные чащи, места, где зверь должен протискиваться, колебать заросли для продвижения, резкие переходы от густых лесонасаждений к редколесью, большие чистые пространства, в том числе гладкие мхи, большие поляны и вообще такие переходы, где мало заслонов в виде кустов, деревьев и наземного покрова, избегаются волками в этом сезоне и не могут считаться лазами.

Лаз яснее зимой; летом, когда ветки, спускаясь к траве, а трава, поднимаясь к ним, сплетаются в гирлянды зелени, он менее ясен, хотя лаз все же чувствуется и замечается охотником.

На лазах и размещаются стрелки.

Если охота назначена на следующий день, следует отправиться на вечерний подслух и убедиться в том, что ваше посещение логова не отпугнуло волков. Если волки сами не завоют, надо вызвать их на ответ.

Имеющиеся в вашем распоряжении записи о величине, форме и особенностях оклада дадут вам возможность определить число чужных загонщиков и стрелков.

Возьмем для примера сравнительно небольшой оклад в 2 000 м

в окружности, в лесной глуши, с подсадом среди высокоствольного леса густого ельника, заболоченными низинами, с окнищами и тростниками. Из 2 000 м, по количеству имеющихся ружей, занято будет стрелковой линией 500 м, считая в среднем на каждые 35 м (где чаще, где реже) по одному стрелку, итого 14—15 стрелков. Остальные 1 500 м должны быть заняты неподвижной цепью загонщиков. Принимая во внимание крепость места и отсутствие напольных линий оклада, интервалы между загонщиками не следует допускать свыше 15 м; на расстояние в полторы тысячи метров их потребуется круглым счетом 100 человек.

Кроме того, на внутреннюю подвижную цепь загонщиков (так наз. ерши), считая поперечник оклада в 800 м, требуется еще 20 человек, определяя интервалы между ними в 40 м. Итого участвующих в облаве, считая окладчика, — 135 человек.

б) Правила зверовой облавы

Загонщики и стрелки собираются на сборном пункте в строго определенный час.

Сборный пункт не должен находиться ближе километра от места предполагаемой облавы.

На сборном пункте всеми соблюдается тишина. Шутки, выкрики, говор, сопровождавшие участников облавы в пути, — не допустимы в месте сбора. Сознательно деловое, молчаливое поведение должно овладеть каждым. С момента отправления на место облавы курение и всякие разговоры прекращаются.

Загонщики разбиваются окладчиком на две группы: цепь неподвижная — внешняя и цепь подвижная — внутренняя (ерши). В эту последнюю группу желательно включить лиц, бывавших на облавных охотах и проявивших интерес к делу, энергию и распорядительность.

На каждые 10 человек неподвижной цепи назначается из числа тех же загонщиков старший, ответственный за свой участок.

Цепью неподвижных загонщиков руководит помощник окладчика, получающий распоряжение от окладчика. Ершами управляет непосредственно сам окладчик.

Перед тем как идти на место облавы загонщики выстраиваются на две группы — подвижная и неподвижная, по одному в ряд, у каждого десятка неподвижных становится сбоку старший.

Стрелки, вытянув жребий, также выстраиваются и следуют за окладчиком на стрелковую линию; вместе со стрелками за окладчиком следует человек 10—12 загонщиков (из неподвижной цепи) — молчане, как их называют, которых окладчик расставляет по обоим флангам от стрелковой цепи.

Обе группы загонщиков (неподвижная и подвижная цепи) идут на место облавы под водительством помощника окладчика, неподвижная цепь расставляется с указанными заранее интервалами, начиная с условленного места, а ерши останавливаются

всей группой у последнего загонщика неподвижной цепи, ожидая подхода окладчика навстречу.

Линия стрелков по возможности должна быть прямой с непрерывным обстрелом впереди. Стрелок должен иметь возможность видеть отчетливо своих соседей справа и слева; первый и последний номер обязаны видеть и своих соседей из числа загонщиков-молчан.

Встав на номер, стрелок заряжает ружье. Небольшие заслоны, скрывающие стрелков, должны быть ими осмотрены, и те ветки и листья, которые мешают смотреть и продвигать ружья, бесшумно удаляют. Стрелки подробно ознакамливаются со своих мест с обстрелом, намечая границы своего выстрела по заметным предметам; особенно это должно касаться выстрелов вдоль линий. Стрелки, не бывавшие на зверовых облавах, должны быть осведомлены на месте о правилах стрельбы, о зоркости и недвижности.

Расставляя молчан, окладчик внушает им не сходить с места, не заслоняться каким-либо предметом со стороны стрелковой линии и стоять молча, неподвижно, когда шевелиться или шелестеть листьями ветвей, а когда покашливать, дабы не допустить прорыва пробирающегося зверя, но в то же время не отпугнуть его, если он направляется на стрелковую линию.

Заход загонщиков с одной стороны оклада, а стрелков и молчан с противоположной должен осуществляться для ускорения; прохождения по линии стрелков загонщиков при заходе надо всячески избегать, так как, несомненно, следование значительного числа людей не может совершиться бесшумно и не может не оставить по линии следования человеческого запаха, доступного даже и не волчьему чутью. Ершей окладчик расставляет параллельно неподвижной цепи, в расстоянии примерно 50 шагов от нее, внутри оклада. Гон начинается по сигналу окладчика рожком.

Гон на неподвижной цепи выражается постукиванием палками о деревья, камни или палка о палку и громкими переговорами с соседями. Крик, похожий на гвалт, не допускается; каждый загонщик должен прислушиваться к возможной передаче распоряжения по цепи. Загонщики обязаны зорко всматриваться вперед в обслуживаемую каждым из них полосу и в случае появления зверя передать об этом соседям для усиления гона, который, однако, должен умеряться по миновании опасности прорыва.

Цепь ершей двигается размеренным шагом, шаря палками по траве и кустам и отсчитывая вслух шаги; через каждые 50 шагов ерши останавливаются и не двигаются дальше, не получив распоряжения окладчика свистком. По свистку же ерши обязаны остановиться и получить указание о дальнейших действиях от окладчика, который передает его по цепи ершей.

Выстрелы на номерах никоим образом не должны нарушать принятой системы продвижения ершей и поведения неподвижной цепи.

Выйдя к стрелковой линии, ерши останавливаются и громким голосом сообщают друг другу о выходе, ожидая распоряжения окладчика.

Никто из загонщиков и стрелков не имеет права сходить с места до вторичного сигнала окладчика рожком.

3. ОХОТА С ГОНЧИМИ

Об участии гончих сказано в описании охоты с борзыми. Роль их не исчерпывается псовой охотой,— они необходимы и при ружейной охоте.

Для того, чтобы ружейная охота с гончими была успешна, требуется злобная резвая стая. Стая должна быть непременно подготовлена наганиванием именно по волку. Гончие, привыкшие гонять зайца, могут испортить охоту на волков, начав гнать по зайцу, на которого наткнулись раньше, чем на волков.

Наганивание стаи делается по выводу волков в августе, причем очень полезно, чтобы стая взяла (сгоняла) одного, двух волков.

Охота с гончими по черной тропе требует подготовки — определения местонахождения гнезда подвывкой как на вечерней, так и на утренней заре. Точно такая же подготовка в смысле определения волчьего гнезда подвывкой нужна и для проведения осенней облавы на волков. Этой подготовке отведено место в описании осенней облавы. При ружейной охоте с гончими определение и выбор лаза, т. е. вероятных волчьих переходов, занимаемых стрелками, имеет первостепенное значение. При облавах и вообще при охотах нагоном выбор лаза, конечно, представляется весьма важным залогом успеха, но в охотах нагоном, при помощи загонщиков, оцепление ими оклада предопределяет уже направление хода зверя, в охоте же с гончими собаки идут по следу зверя, который выбирает ход по соображениям удобства.

При охоте в местах отъемных, т. е. в небольших островах или крепях, охват части острова стрелками и предварительное определение лазов значительно упрощается по сравнению с охотой в больших сплошных лесных массивах, тем более, когда количество стрелков немногочисленно.

Когда стрелками будет оцеплено место логовов, доезжачий со стаей бросает гончих на логова. Обычно количество гончих в 6—8 смычков считается небольшим. При многочисленной стае выгоднее взять всего 3—4 смычка отборных красногонов для наброса, а остальную стаю сдать выжлятникам. Набрасывать гончих выгоднее против ветра, не руководствуясь расположением стрелковой линии, которое она заняла в отношении ветра.

Как только отборные гончие погонят волка, выжлятники подкидывают остальную стаю. Таким приемом легче достичь разбивки выводка и выхода волков на стрелков врассыпную.

После выстрела на стрелковых номерах доезжачий и выжлят-

ники как можно быстрее поспевают к тому месту и сбивают стаю снова на волчьих логова. При прорыве за линию молодого волка доезжачий и выжлятники преследуют его со стаей, так как нередко волк либо возвращается, сделав круг, либо его стгоняют и положат гончие.

Так продолжается до тех пор, пока доезжачий и выжлятники не убедятся, что волков на логовах больше нет.

Ружейная охота с гончими может иметь огромное значение, если ее поставить не только как спортивную охоту поздней осенью, но и как систематический способ в деле прочих мероприятий по истреблению волка. Незаменимую услугу могли бы оказать гончие волкогоны, главным образом в деле летнего истребления на гнезде, когда облавной прием не может быть успешен вследствие робости волчат и затаивания их в буйной растительности.

Этот способ после хорошей подготовки при цепи неподвижных загонщиков был бы одним из немногих мощных средств действительного истребления.

Наличие хороших злобных гончих позволило бы вычеркнуть из способов борьбы с волками весенне-летнее истребление волчат на гнезде и перейти на летнее, при помощи гончих, так как тогда погибал бы не только приплод, но много шансов было бы выставить на стрелков и самые ценные единицы — производителей.

Самый выгодный период для этого падает на июль-август, когда молодняк, спасаясь, затаивается в летней растительности и может быть обнаружен только собаками, которые или тут же расправляются с ними или выставляют пытающихся выбраться из оклада на стрелков, настигая волчат в случае прорыва.

Такой способ при хорошей организации и высоких качествах собак был бы мощным истребительным ударом, быстро влияющим на понижение волчьего поголовья. При таком способе должен быть взят весь выводок со стариками.

Для осуществления этого приема, как системы истребления, необходимо, чтобы кадры егерей заблаговременно производили учет выводков на широкой территории. Не дожидаясь окончания учета, отряд истребителей с гончими должен передвигаться от выводка к выводку скорейшими способами, не теряя времени.

4. ОХОТА С БОРЗЫМИ

Охота с борзыми — увлекательный способ охоты, имеющий большое спортивное значение.

Организованная охота с борзыми вывелась. Борзых осталось очень мало. С целью сохранения замечательной породы русской борзой необходимо провести ряд мероприятий и в частности по ввозу нашей русской борзой из-за границы, главным образом из

Америки. В Аргентине русская псовая борзая считается одним из действительнейших орудий борьбы с волками.

Охота с борзыми осуществляется двумя приемами — с гончими и без них.

Охота при участии гончих основана на принципе нагона зверя на занятый номер (лаз) с той основной разницей, что роль загонщиков выполняют гончие собаки, а роль стрелка — охотник, имеющий на своре от 2 до 4 борзых вместо ружья.

Эта охота требует не менее 5 смычков гончих и столько же свор борзых, считая по 2 собаки на своре и смычке: таким образом минимальное количество собак обеих пород составит 20 голов. Травля борзыми из-под гончих требует подготовки. Местонахождение выводка должно быть точно определено подвывкой, как вечерней накануне охоты, так и утренней, в день охоты.

Как и на всякой охоте нагоном, нужно определить сторону хода зверя, т. е. ту, которую зверь охотнее (смелее) выбирает, чтобы безопаснее и скорее добраться до следующего хорошо известного ему защитного места.

Выбрав сторону хода зверя, борзятники (конные охотники с борзыми) занимают лазы, держа на своре собак. При недостатке борзятников свободные лазы занимают ружейники. В местах же незанятых, где остров сливается со смежными зарослями, иногда расставляют, во избежание прорыва волков, тенета (сети из бечевы с крупной ячейей).

После занятия борзятниками лазов доезжачий бросает гончих на волчье гнездо, стараясь направить собак на выводок так, чтобы разбить его и посадить собак группами на уходящих по разным лазам волков. Дружный выход волков на один лаз дал бы возможность борзятнику травить лишь одного волка, а остальные волки прорвались бы.

Травля борзыми производится в местах степных, полевых, где нет ни изгородей, ни густых зарослей-заслонов на близком расстоянии от острова. Рослая, сильная борзая идет так быстро, а мускулистое туловище ее настолько веско, что ударом броска с хода собака валит волка с ног. С другой стороны стремительность ее бега настолько велика, что борзая может разбиться, налетев на неподвижный твердый предмет.

Стоя на лазу, борзятник строго следит за появлением волка. Пускать собаку можно только на вышедшего в меру волка, когда есть уверенность, что собака догонит зверя. Травить допускается достаточно отделившегося от острова волка, иначе он снова скроется обратно.

Разница в быстроте хода и силе матерого волка и прибылого огромна. Надо поэтому сообразоваться с этим, напуская матерого как можно ближе. Те же соображения позволяют при травле матерого бросать своих собак на помощь к заложившейся уже по волку своре.

Борзятник несомненно должен быть хорошим наездником. Как только собаки возьмут волка, борзятник должен уже быть тут же и, спешившись, принять волка на нож или сострунить зверя.

Струнят волка вдвоем: один борзятник, навалившись на зверя, держит его за уши, другой дает волку в зубы струнку (палку), а имеющейся при ней бечевой обматывает морду и привязывает к шее.

Комплектная псовая охота требует, как мы видим, не только хорошо натравленных борзых, но и гончих, подготовленных, путем дисциплинирования их как на псарне, так и в поле на приезде и специальным наганиванием по волку.

Таким образом псовая комплектная охота требует большой организованности и порядочных затрат.

Приемы охоты с борзыми «в наездку» и «травля обратных» не требуют участия гончих.

Охота в наездку заключается в том, что несколько борзятников выезжают развернутым фронтом в открытые поля, где можно встретить волков. Борзятник, заметивший волков, дает знать другим борзятникам поднятием кверху шапки. Фланговые борзятники, сообразуясь с местонахождением и направлением волков, заезжают, захватывая волков в широкий полукруг и постепенно суживают его. Когда расстояние до волков и интервалы между борзятниками будут таковы, что травля для того или другого борзятника становится возможною, пускают собак. В случае, если волки скроются в бурьяне или другом прикрытии, один из борзятников, когда остальные выровняли окружение, выгоняет их оттуда.

Охота в наездку имеет смысл в местности, где волков много или когда попутно травят и зайца и лису.

Охота эта производится как осенью, так и по снегу.

В зимний сезон она продуктивнее, так как по следам легче обнаружить место пребывания зверя. Борзятников сопровождает несколько человек выжлятников, конных, которые, в случае захода зверя в остров или в другие подходящие для дневки места, окладывают зверя и выполняют роль загонщиков.

Другой способ охоты в наездку (способ Назимова) практикуется по мелкоснежью в санях особого устройства. На устроенных в передней части саней продольных скамеечках помещаются кучер и борзятник. Сани обшиты только в передке и в первой трети корпуса с боков, остальная часть представляет собой открытую платформу, куда помещают борзых на сворке. Конец сворки привязывают мертвой петлей к столбику, на котором основано сиденье, затем сворка пропускается в ошейник собаки, и, охватив столбик второго сиденья, свободный конец ее уже поступает в руку борзятника. Такое крепление необходимо, так как иначе возрившаяся борзая может преждевременно вырваться.

Охота назимовским способом требует подготовки, в виде прикормки волков привадою. Это необходимо для стягивания зверя

в известный район и, следовательно, для облегчения розыска переходов и самих зверей, а также по той весьма существенной причине, что наевшегося волка травить легче.

Выезжают на охоту чуть свет, пытаются перенять волков на открытых местах при возвращении их с привады. Борзятника сопровождают несколько человек конных загонщиков. При помощи маневров конных загонщиков и саней заставляют волка пройти на расстоянии, приемлемом для травли.

Когда волки успели пройти с привады затемно и остановились на дневке в каком-нибудь прикрытии или в острове, конные загонщики быстро объезжают это место — окладывают зверя и выгоняют его на лаз, занятый санями с борзятником.

Как и охота нагоном вообще, особенно на поле, охота в наездку требует умелых согласованных действий всех решительно участников и большого опыта.

Травля обратных, т. е. возвращающихся с добычи на логова, волков требует предварительно точного определения как местонахождения логовов выводка, так и волчьих переходов по напольным местам.

Утреннюю зарю борзятники располагаются на волчьих переходах на расстоянии примерно метров 200 друг от друга. Становиться следует под островом или под заслоном кустов лицом к полю, так чтобы иметь широкий кругозор.

Завидя возвращающихся волков, нельзя показывать их преждевременно борзым, а надо дать им приблизиться хотя бы на 200 шагов. Преждевременное указание борзым зверя, особенно на этой охоте, может испортить все дело, так как волки несомненно заметят движение забеспокоившихся собак и повернут обратно.

Травля обратных не может быть рекомендована, как надежный прием систематической борьбы с волками. Пользуются этим способом главным образом для натравливания борзых по прибылым, не взматеревшим еще волкам, с целью испытания и подготовки собак.

Можно пожалеть, что наша псовая охота находится в упадке. Русская густопсовая борзая является замечательным по силе и быстротходности животным. При умелом подборе и при хорошей полевой практике борзая оказывает человеку удивительную услугу, лова зайца, лисицу, задерживая силою своего стального сложения и мертвою хваткою столь могучего зверя—волка. Псовая охота в известной степени служит средством развития кавалерийского дела.

Рассматривая травлю борзыми, как один из приемов охоты на волка, следует признать этот способ чрезвычайно ценным с точки зрения спортивной и полезным в деле борьбы с волками, хотя и вполне заменимым другими сезонными приемами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОХОТЫ ПО БЕЛОЙ ТРОПЕ (ЗИМНИЕ)

А. ОБЩИЕ ПРИЕМЫ ЗИМНИХ ОХОТ

1. ПОДГОТОВКА

Зимние способы охоты, позволяющие выслеживать волка по снегу, окладывать его и нагонять на ружейного охотника, являются одними из самых мощных, особенно когда они применяются не ради интересного времяпровождения, а в целях истребления зверя — систематически.

Сознательность действий и активность охотника, характеризующие указанные способы зимней охоты, благодаря возможности выслеживать и понять поведение зверя по следам, позволяют подчинить воле человека движения зверя в ту или другую сторону, и, при хорошем знании повадок зверя и его характера вообще, стать хозяином положения. К числу этих способов охоты, отличающих их в ряде всех остальных, относятся зимняя облавная охота, охота с псковичами и охота с флагами.

Если охоту с флагами превратить в повседневный способ истребления, ввести его в систему, то нет сомнения, что он, по ценности результатов, при опытности и энергии участников, станет самым действенным и рентабельным. Не надо забывать, что при зимнем способе наганивания волка на стрелка имеется наибольшая вероятность уничтожить старую волчицу, которая выходит обычно первой. Охота с флагами и по этой причине может стать реальным средством истребления волков.

Систематические зверовые охоты в определенном районе немислимы без подготовки. Подготовкою в широком смысле являются все действия окладчика, облегчающие, ускоряющие готовность к успешному проведению охоты. Подготовкою охоты будет и выслеживание с целью обложить зверя и самое окладывание. Последние два этапа подготовки, не носящие характера заблаговременности, а являющиеся ступенями, предшествующими самой

охоте, выделены в отдельные подотделы; выделять их приходится и по особому их значению и по самостоятельности этих действий.

Подготовка складывается из многих действий, наблюдений и собирания сведений. Полная подготовка, создающая условия готовности к охоте, требует времени, она должна созреть. Окладчику полезно поэтому с осени попасть в район, где зимою будет протекать его работа, ознакомиться с приблизительным количеством зверей, поразузнать, порасспросить, походить, поехать и получить необходимые впечатления, характеризующие местность.

Обложить сытого, не напуганного зверя, взять след с привады может окладчик и не знающий хорошо местности. Но выследить и обложить голодного, бывалого зверя в зимний, короткий день удается редко, если окладчик незнаком с местностью, не знает коренного жительство зверя, мест, где он чаще всего держится, если не обследованы предварительно широкими объездами излюбленные переходы волка.

При незнакомстве с величиной и качеством лесных площадей, с расположением островов, селений, полей, дорог — нечего и мечтать о возможности обложить зверя на ходу в лесу или «захватить» его в поле и, разместив стрелков на дальних (иногда за несколько километров) переходах, увенчать день, мастерски применив псковский способ.

Подготовка дает весьма важное знакомство с ходами зверя, с направлением, по которому он намерен идти, и с точным местом перехода — с лазами. При подготовке получается осведомленность о количестве, группировке и индивидуальности зверей, проживающих в данном районе. Как ни одинаковы звери одной породы по характеру и по внешнему виду, тем не менее каждый имеет некоторые особенности, а особенности в поведении зверя имеют громадное значение для того или иного приема в работе окладчика. Одного зверя следует гнать на чисть, другого — в чашу; одного нужно стронуть шорохом, молча, другого — гнать шумно; одного опасно допустить на линию флангов, другого можно подвигать к стрелкам всякими мерами, для иного необходимо выбрать соответствующий индивидуальности данного экземпляра особый лаз.

Ознакомление с расположением селений должно обязательно вести к знакомству с населением, особенно с местными охотниками и с лицами, дающими верные сведения о волках, интересующимися охотой, активно сочувствующими делу истребления хищников, энергичными, способными, которые могут быть полезными осведомителями, загонщиками или помощниками окладчика.

Отметим некоторые условия, облегчающие работу окладчика. Ознакомившись с местностью и выяснив наличие достаточного количества зверей, окладчик должен приискать себе в центре

своей деятельности жилище, теплое и вообще достаточно удобное и обеспечить себе питание (горячую пищу). Следует своевременно позаботиться о теплой одежде, лыжах, записной книжке и карте данной местности. Ко времени выпадения снега нужно приискать постоянного подводчика, обращая внимание как на его способности к оказанию помощи в подготовке и проведении охоты, так и на выносливость и покладистость лошади, а также на легкость и удобство саней-розвальней. Одной из важных обязанностей подготовки является забота о приваде.

2. ПРИВАДА

Если летом мясной «стол» волка сравнительно обеспечен дичью и пасущимися домашними животными, то зимою добывание мяса обычно затрудняется.

Охотник по волкам и лисам для успеха кладет приваду. Она имеет колоссальное значение, стягивая в определенный район зверя или удерживая его в нем. Привада дает возможность иметь дело с сытым волком, который, наевшись, чувствует сильную потребность в отдыхе. Кроме того, взятый с привады след является свежим — утренним; след же, случайно встречаемый при охоте без привады, помимо того, что он чаще бывает следом голодного волка, может оказаться вечерним или ночным, а то и более ранним (подразумевается, что окладчик ежедневно объезжает приваду — следит за ней).

В качестве привады целесообразнее употреблять туши крупных домашних животных, либо специально приобретаемых на убой для этой цели, либо павших (конечно, не от заразных болезней). Хотя и существует мнение, что кожу надо оставлять на туше, так как при съемке ее на мясе остается запах ножа и рук человека, но этому мнению не следует придавать особого значения, и, чтобы не терять ценности, кожу надо снять. Туши для привады обыкновенно готовят заранее, и до вывозки на место посторонний запах от ножа и рук, конечно, исчезнет. Хранить же туши следует в чистом сарае, где много воздуха и нет специфического запаха каких-либо посторонних предметов или веществ. Производить убой животного и снимать кожу на месте, где предполагается положить приваду, не следует. Вывозить тушу убитого животного на место, предназначенное для привады, лучше в замороженном виде: парное мясо будет быстро уничтожено собаками и птицами.

Укладывая тушу на месте, выбранном для привады, надо стараться делать возможно меньше пешеходных следов. Туши крупных животных более пригодны для привады, чем туши мелких, так как они представляют собой не только хороший запас пищи, но и приманку на долгое время, в виде вмерзшего в землю остова. Туши мелких животных, как, например, овец, телят и т. п., растаскиваются волками и собаками; вследствие этого из-

меняется первоначально выбранное место для привады, затрудняется надзор за нею и осложняется выправление следов.

Приваду желательно класть до выпадения снега, как только начнутся осенние морозы. Этот осенний сезон является ценным периодом: выводки волков тронулись с гнезда, а взматеревший зверь широко ходит на рекогносцировку, разыскивая себе пропитание. Проходя по новому району, пришлые волки, не обнаружив ничего привлекательного, не посетят его, быть может, ни разу за зиму, а привада заставит их неоднократно посещать эту местность. Местные же волки, не приваженные во-время, будут чаще удаляться на скитание, и, наоборот, имея запас готовой пищи, они кружатся поблизости.

Приваду следует класть на открытых местах, чтобы зверь мог видеть с привады далеко кругом. Местность, несколько холмистая, с редким кое-где кустарником, способствует волку ощущать большую безопасность, давая ему возможность, в случае надобности, быстрее прикрыться заслоном. Открытое место желательно и потому, что, благодаря сдуванию снега ветром и отсутствию наметов, неглубокий слой его около привады быстро утаптывается птицами и собаками и от их посещений несколько увлажняется и леденеет, а твердая, утоптанная поверхность под ногами предпочитается волками, позволяя им не опасаться капканов. Несколько одиночных высоких деревьев поблизости помогают делу: ворон, ворона и сорока, наклевавшись, любят садиться на деревья и проводят около привады значительную часть дня. Волки, слыша издали голос этих птиц, прекрасно соображают в чем дело.

Переходы волка направлены так, чтобы прямой линией своего хода захватить как можно больше населенных пунктов и воспользоваться соответствующими его направлению дорогами, которые часто дают ему случай поживиться собакою. Класть приваду в широком кольце селений, в кругу дорог, представляется по описанным причинам выгодным. Не следует тем не менее класть приваду в непосредственной близости дороги вследствие того, что ночные проезды, в особенности если тракт бойкий, несколько тревожат волков, а собаки будут сильно опустошать мясные запасы, особенно в оттепель. Кроме того, близость дороги дает много лишних, затрудняющих следов с дороги на приваду и от привады на дорогу.

Волк не подходит сразу к приваде, а сначала убеждается в ее посещаемости. Отсутствие человеческих следов в значительной мере успокаивает его. Посещение привады собаками, утоптанной ими и птицами и сильно загрязненный птичьим пометом снег, оклеванная и выеденная местами мякоть дают ему надежду на безопасность.

Часто привада в первую ночь после нахождения ее остается не тронутою волком, и он, почти не дав следов, удаляется на

ближайшую дневку, где во время отдыха настораживает свой слух по направлению к находке, желая убедиться по голосу птиц, а иногда и собак, насколько им удастся спокойно обедать, а затем вечером, проверив, что его следом никто не интересовался и что свежие следы птиц и собак подтверждают безопасность, приступает к утолению своего, иногда многодневного голода. Конечно, не все экземпляры принимают такие меры предосторожности. Некоторые волки приступают к еде без особого промедления, но во всяком случае обильное посещение привады птицами обыкновенно является необходимым условием. Своевременно, до выпадения снега, вывезенная привада пользуется большим доверием волков. Важно привадить, подкладывая же следующие туши, когда волки ознакомятся с местом и условиями и будут иметь свои определенные ходы и переходы, не вызывает уже в них особых подозрений.

Привада, подразумеваемая под ней тушу лошади или коровы, уничтожается быстро даже парой волков, в особенности если их питание до этой находки было долгое время недостаточно. Принимая во внимание помощь собак и птиц, туши хватает дней на 5—7. Лучшим показателем назревшей нужды в вывозке новой туши служат птицы. Если птица продолжает оживленно держаться около привады, то, следовательно, пищевые запасы не исчерпаны. Волки прибывают на приваду обыкновенно поздно вечером или ночью, остаются там разное количество часов, смотря по тому, сколько времени еще до рассвета и каким темпом идет насыщение; а последнее зависит от свойства и целости привады, количества волков, их возраста, качества зубов, силы мороза и взаимных отношений между отдельными экземплярами. Бывает, что, запоздав из дальних странствований, волки не успевают наесться до рассвета, и серое утро застает их еще за едой. Они спешат удалиться на восходе солнца, когда уже издали слышно оживление в деревне.

Во всяком случае волк настолько жаден, что не покидает привады глухою ночью, однако, все же предпочитает удалиться до рассвета, чтобы утренними сумерками дойти до дневки и укрыться от человека, от назойливых птиц и от посторонних, себе подобных. Наголодавшиеся волки стараются как бы наверстать за прошлые голодные дни и пожирают невероятное количество мяса. За долгую ночь они чередуют еду с отдыхом, делая лежки в нескольких шагах от привады. Бывает, что после многих дней голодовки волк-одиночка, найдя приваду во время своего дневного перехода, не дожидаясь ночи, приступает к удовлетворению своего голода к большому неудовольствию птиц.

Итак, когда волк признает, что найденная туша является безопасною, ему свойственно привадиться и посещать ее несколько подряд. Однако, несмотря на то, что волк не прочь обедать каждый день, он, не покончив с находкою, делает перерыв приблизительно на 1—5 дней. Причины таких перерывов раз-

образны: во-первых, волк при ежедневном посещении и при отсутствии метелей опасаться обнаружить себя; затем волк, подкрепившись пищею, по свойственной ему привычке передвигается дальше с целью найти пропитание в запас для будущего; в-третьих, уверившись, что, кроме птиц, найденную приваду никто не уничтожает, он спешит спроведать оставленную им в другом месте пададь, опасаясь, как бы ее не уничтожили в его отсутствие другие волки.

Опытный глаз издали узнает о посещении волками привады: побелевшая, вымерзшая туша краснеет, птицы с особым оживлением собирают мясные крошки и торопливо наперебой стараются выклевать побольше мяса из растеребленной волками туши; положение остова сильно изменено.

Для проверки посещений волков и вообще для надзора за привадой ее следует объезжать на лошади по дорогам. Расстояние от дороги до привады, как было уже сказано, не безразлично. Близость дороги привлекает слишком много собак, и, кроме того, при посещении привады волками или лисицами получается чрезвычайно много их ходов с дороги на приваду и обратно, а это замедляет выправление следа. Расстояние между дорогой и привадой, скажем, метров в 300—400 значительно устраняет выказанное неудобство. Подходить к приваде и вообще делать следы поблизости не годится. Из-за этого можно лишиться ценного посетителя, который откажется от ужина и отправится в дальнее странствование.

Окладчику важно выяснить, нет ли где другой привады, которая привлекает и отвлекает волков, и чем вообще промышляют волки, не трогающие привады. Таким обследованием окладчику удастся иногда получить весьма ценные сведения. Нередко некоторые волки, среди которых имеются весьма опытные и осторожные, не трогают привады, а питаются костями, оставшимися от летних разбоев, промышляют иногда мелкой падалью, выкинутою около деревень, а главным образом охотятся за собаками и отчасти за зайцами. Вывоз привады к месту, где имеются с лета кости, посещаемые волками, оказывается другой раз действительным средством — волки мало-по-малу приваживаются к вывезенной туше.

Обследование окладчика нередко выясняет посещения волками падали, находящейся километрах в 15 от привады. Такие открытия помогают разыскать волков тогда, когда следов их нигде в ближайшем районе не видно, — будто волки кем-то уничтожены. Не зная о таких уголках, привлекающих волка, разыскать зверя мудрено, тем более, что коренной волчий район велик.

Таким образом (не исключая возможности удаления волков и за пределы этого района) обнаружить след ушедших куда-то, да еще под метель, волков не так просто; можно проехать поперек района два раза, туда и обратно разными путями, т. е.

сделать 70 км, и не обнаружить следа; между тем волки оказываются в пределах этого района.

В сильный мороз, когда значительная часть пищи затрачивается на согревание, потребность в еде увеличивается, зверь ходит шире, и там, где есть привада, он не забывает ее навестить, если случайно не подвернется лучшая живая добыча.

Волки бывалые, имеющие неприятное «вспоминание» о приваде (капканы, отравление, подкарауливание у падали), не подходят к ней; находящиеся при таких бывалых волках молодые или не столь опытные вообще следуют поведению бывалых, старших. Инстинкт самосохранения настолько силен, что даже голод не в состоянии пересилить его и заставить соблазниться. Окладчику, следовательно, надо иметь в виду, что некоторые волки вовсе не подходят к приваде, другие, избегая одну, пользуются другою, заслужившею их доверие по невидимым признакам и неизвестным причинам, которые иногда удается все же распознать. При ясно показанном волками пренебрежительном отношении к данной приваде следует вывезти другую, выбрав новое место вблизи их частых переходов.

3. СЛЕДЫ

Как и у всех зверей, у волка несколько аллюров. Самый обычный — это ход некрупною рысью, так называемую трусцою (рис. 1). На этом аллюре волк совершает большинство своих путешествий. Шагом волк идет реже, и такой ход свидетельствует о выжидательном напряжении его внимания, или же, и чаще, выражает большую потребность в отдыхе от утомления или сытости (рис. 2). Кроме трусцы, волк пользуется крупною рысью для ускорения своего обычного хода. Этот аллюр свидетельствует большей частью о некотором возбуждении или беспокойстве. Волк, зверь грузный, неприспособленный, как лисица, к погоне за добычей карьером на более или менее значительное расстояние. Насколько волк неутомим на рыси, настолько он избегает больших расстояний машистыми прыжками (рис. 3). Галоп, или, точнее, ход короткими бросками, практикуется волком, когда ему надо выбраться из сугроба, также если по глубокому снегу удобнее идти прыжками, иногда при подъемах в гору, или чтобы догнать своих сотоварищей, а то просто порезвиться, и в других мирных случаях. Для перебежки, чтобы скорее скрыться, волк тоже пользуется галопом, например при пересечении поляны, равно, чтобы удалиться от человека, заподозрив не только козни, направленные против него, но и тогда, когда человек просто увидел волка. Но во всех случаях волк не идет галопом большое расстояние и быстро переходит на трусцу. Когда он нагоняет намеченную жертву своей охоты, он машет во-всю карьером. При преследовании его человеком и при обнаружившейся близкой внезапной опасности

волк шалает и спасается также карьером. Дыхание у него тогда затрудняется, язык висит, как плеть, уши приложены, и он находится в панике.

Как я уже упоминал, волк любит следовать дорогами, соответствующими его ходу. В снежное время это облегчает ему передвижение да и независимо от этих соображений дорога пред-

Рис. 1. След волка рысью (трускою)

ставляет собой артерию, по которой передвигаются люди с домашними животными, а последние всегда являются объектом волчьих вождедений. Дорога, кроме того, помогает скрадыванию следа, удовлетворяя природную заботу волка о скрывании своего присутствия. Метель, падающий снег, дороги, проталины всегда приятны волку как защитники, которых у него так мало.

Рис. 2. След волка шагом

Волк очень любит практиковать ход на лежку, свернув с проезжей дороги на малоезженную, лесную. Он избирает пути с заслонами, в особенности когда близок час рассвета, шаг не широк, на следу отражаются потребность таиться и беспокойство волка, как бы кто не заметил его хода на отдых. Ход на лежку смирен. Волк, как я говорил, старается уйти на дневку

Рис. 3. След волка на прыжках

незамеченным никем: ни человеком, ни птицами, ни посторонними волками. Вот почему одиночка и пара, из числа бывалых, нередко делают умелые и громадные прыжки-сметки, скидываясь под лохматую лапистую ель, или за пень, или за кочку. Прыжки в таких случаях бывают колоссальные и прекрасно скраденные. Такие сметки я встречал неоднократно у опытных одиночек и у пары. Понятно, что целой семье прибегать к этому приему, чтобы скрыть следы, было бы бесполезно. Такое скрадывание следа всегда означает ход на лежку.

Ход волка, хотя бы в уютный, вполне подходящий для лежки, остров, еще не доказывает, что волк остановится там на дневку. А хотелось бы, чтобы он тут застрял, но желание охотника не всегда совпадает с желанием зверя. Показателем намерения служит характер следа по тем признакам, которые я постарался дать, и по многим выражениям следа, неуловимым для описания. Ход волка прямолинеен, и поэтому волк проходит иногда через лесные площади для сокращения расстояния, в особенности если близок рассвет. Когда группа волков идет след в след, но часто расходится, а некоторые галлопируют, например, опускаясь, или поднимаясь на горушку, или же, огибая кусты, догоняют товарищей, чтобы слиться в одну тропу, то такой ход, несмотря на то, что волки вскоре входят в хорошую лесную площадь, свидетельствует о том, что они идут проходом. Волки идут и входят в остров в таком случае всегда след в след, чтобы не плодить лишних признаков их присутствия в близком расстоянии от дневки, и, кроме того, построение такой колонной дает меньше шансов быть замеченными. Ход след в след, или гуськом, практикуется, следовательно, волками не только для облегчения своего пути по глубокому снегу, но является и потребностью скрываться, заслоняться. Волков, идущих гусем, труднее заметить, чем идущих вразброд. Заметивши человека, голодной волк, каковым в семье бывает старая волчица, всегда умело заслоняется кустами, деревьями, пригорками, во-время, когда надо, останавливается, чтобы не привлечь движениями внимания проезжего или прохожего, согласованно прекращает движение шествующей сзади семьи. Когда волки идут для рекогносцировки или охотятся, то они идут врассыпную, не отдаляясь, однако, друг от друга, так как охота требует сотрудничества и своевременной помощи.

Когда снег глубок и рыхл, ямка следа, понятно, углублена. Вынимая лапу из ямки следа и заноса ее на следующий шаг, зверь выволакивает из ямки часть снега, а затем чертит несколько лапою по снегу. Эта черта — полоса — называется выволокою. Затем, приблизительно на половине расстояния между шагами, лапа начинает постепенно снижаться перед тем как ступить в снег для завершения шага и оставляет на снегу черту к ямке следа, по направлению хода, называемую поволокою. Выволока представляет сначала широкую полосу в ширину лапы и по мере поднятия лапы утончается, переходя иногда в тонкую черту, сделанную концами пальцев, или только когтями. Поволока, наоборот, начинается тонкою чертою, являясь продолжением выволоки, и перед опусканием лапы в снег представляет собой полосу шириною лапы в комке (рис. 4). Выволока и поволока иногда соединяются, иногда же между ними остается промежуток. Зависит это от глубины снега, возраста зверя, характера и цели его хода. Чем глубже и рыхлее снег, тем выволока и поволока резче и соединяются между собою. Чем строже, напря-

женнее внимание зверя, тем выволока и поволока короче вследствие аккуратного шага. Чем ленивее след, чем глубже снег, тем короче расстояние между ямками следа. При мелком снеге или ленивом шаге, выволока и поволока представляют собой иногда линии с кривизною, похожие на скобки; спуск поволоки в ямку следа отложе, подъем выволоки из ямки круче. Об этих важных для следопыта признаках на снегу придется еще вспомнить, разбирая работу окладчика по выслеживанию.

Рис. 4. Поволока и выволока

След волка похож, как говорят, на след крупной собаки. Похож, конечно, относительно, так же как след небольшой собаки на след лисицы.

Прежде всего все движения дикого зверя точны, пластичны. Особенно аккуратно и симметрично располагается след от следа. Ход волка очень прямолинеен, чего собака с ее несколько иным сложением, другими инстинктами, задачами и целями передвижения никогда не достигает. Шаг волка широк. Волчий ход — это цепь с правильными звеньями. По глубокому снегу особенно заметно, что волк высок на передних ногах, что ноги его сильны и что поведение его настороженное. У собаки ямки следа на снегу идут когда ровно, когда отклоняются по отношению линии хода. След получается у нее от этого неаккуратный. Шаг, хотя бы очень крупной собаки, короче волчьего. При рассмотрении самого отпечатка следа между волчьим следом и следом собаки заметна следующая разница. Подошва пальцев волка, другими словами, мякиши пальцев, более продолговаты, средние пальцы, т. е. их овальные мякиши, выдаются более вперед по сравнению с боковыми, чем у собаки; когти волка мощнее; средние пальцы у волка более плотно прижаты друг к другу, лапа «в комке». У собаки никогда такого отпечатка лапы «в комке» не получится. Вот приблизительно разница следов на аллюре рысью. На прыжках ноги волка благодаря большей силе и гибкости пробивают снег как бы сверху, а собака ставит лапу, пропахивая несколько снег, отчего след имеет вид не чистый, вследствие недостаточно пластичных движений. На коротком галопе волк делает прыжки, располагая все четыре лапы близко друг от дружки; иногда ясны отпечатки задних ног, а след передних сливается в одну ямку. По глубокому снегу пластичные движения волка, сложение и сила его позволяют остав-

лять четкие следы, не задевая снег животом в промежутках между ямами прыжка; крупная собака по глубокому рыхлому снегу так сделать не сможет. Благодаря ровному симметричному расположению волчьих следов выволока и поволока не сбиваются с прямой линии хода и ровно прочерчивают поверхность снега, собака не выводит такого однообразного прямолинейного рисунка, нередко чертя дуги. Собака чаще, как будто беспричинно, меняет аллюр, волк это делает редко, при надобности, причина которой может быть расшифрована опытным следопытом-волчатником по следам. Если зарождается сомнение в принадлежности следов волку или собаке, не надо решать этого вопроса на первых же ямках следа, а надлежит пройти рядом со следом сотню-другую шагов и, помня отличие волчьего следа, прийти к обоснованному заключению.

Если взглянуть на подошву лапы волка, т. е. на ту рабочую часть, которою он делает отпечаток на снегу, то замечается разница в величине, форме и строении передней и задней лапы. Разница эта прежде всего в величине. Передняя лапа мощнее, пальцы подвижнее, развитее, мякиши средних пальцев кажутся продолговатыми, когти крупнее. У одного и того же экземпляра подошвы лап, а, следовательно, и отпечатки на снегу, разные, поскольку разнятся передние лапы от задних. Как известно, след волка при ходе шагом и рысью представляет собой нить следующих одна за другой ямок, расположенных одна от другой на одинаковом расстоянии, большем или меньшем, в зависимости от пола, возраста зверя и его хода. Это чередование одинаковых ямок производит впечатление звеньев, и чтобы охарактеризовать рисунок прямолинейной полосы следов, можно образно назвать линию следов цепочкой.

Каждая ямка следа образуется наступанием двух лап — передней и задней, — разных по величине, форме и строению ступней; поэтому отпечаток не вполне характеризует переднюю или заднюю лапу. Однако отпечаток передней лапы все же преобладает и характеризует след. Это объясняется тем, что задними лапами волк точно ступает в ямки, сделанные передними лапами, а передняя лапа волка более мощна и крупна, чем задняя, так что след передней вмещает всю ступню задней лапы.

Это обстоятельство имеет очень важное практическое значение, так как определение возраста и пола волка может быть сделано только по отпечаткам передних лап. Определить пол легче по следу немолодого зверя, так как след вполне сформировавшегося, возмужалого экземпляра, естественно, характернее.

След самца отличается округлостью, между тем как самка дает несколько овальный отпечаток, удлиненность мякишей двух средних пальцев передних лап в следе самки гораздо заметнее благодаря овальности лапы (рис. 9). Короткий прыжок, бросок волка-самца, особенно при уплотненном глубоком снеге, имеет сходство со следом жеребенка. Расстояние между ямками следа

самца больше, выволока при глубоком снеге шире и прямее. След самца отличается большей мощностью; получается впечатление, что зверь опускает лапы сверху перпендикулярно.

Пальцы передних лап у самца чаще раздвигаются и глубже отпечатываются. Отпечаток лапы самца рельефнее, мякиши пальцев шире. Разница между задними лапами самца и самки ничтожна. Таким образом передняя лапа волка служит определителем пола и возраста.

Не надо забывать, что, ступая задними ногами в след передних, волк заминает, а, главным образом, при рыхлом снеге засыпает задними ногами отпечаток передних лап. Поэтому для более точного определения возраста полезно найти чистые оттиски одной передней лапы, а это бывает в тех случаях, когда волк останавливается, поворачивается или топчется на месте, а также когда он идет по наезженной дороге, где на уплотненной, заглаженной ее поверхности, особенно после небольшой пороши, отиск лапы прочен, не засыпается и не деформируется заднею лапою.

Как в определении свежести следов, так и при определении пола и возраста нужны опыт и практика. Даже при хорошем знании можно сделать ошибку, ибо охота — своего рода шахматы по сложности и разнообразию положений.

Выслеживая выводок или группу волков, прежде всего важно определить общее количество, затем выяснить возраст, чтобы знать, сколько стариков, прибылых и переяркок, а после этого заняться выяснением пола, причем пол прибылых наименее пока важен. Общее количество наиболее важно, определение стариков необходимо, чтобы понять группировку, в особенности при расхождениях волков по разным направлениям. Определив след старой волчицы, за которой следуют прибылые, нужно вести только ее след, так как прибылые не отойдут от нее. Установление количества переяркок необходимо, так как они, будучи частенько обижены при выводке пищею, отделяются на время, правда, короткое, и вызывают поэтому отдельную заботу окладчика.

4. ВЫСЛЕЖИВАНИЕ

Выслеживание является важным, ответственным действием, сливающимся с окладыванием.

Выслеживание имеет в виду: 1) определение свежести следа, 2) выправление следа, 3) выяснение количества выслеживаемых зверей и, в частности, прошедших одним следом, 4) счет входов и выходов зверя, необходимый не только при окладывании, но и при выслеживании, для определения стороны, в которой остался зверь, и 5) качественную оценку следа.

Определение свежести следа является первейшею и основною заботою, так как при ошибке, обнаруженной не вскоре, все последующие действия выслеживания оказываются напрасными,

вся работа рушится и о предполагавшейся назначенной охоте думать уже не приходится. Определение свежести следа дается, как и все знания окладчика, практикою; в отношении определения свежести следа можно, кроме того, сказать, что искусство это довольно тонкое, причем бесперебойное занятие, позволяющее зрению не отвыкать от сравнения того или иного вида снегового покрова, и сделанных в нем следов разрывов, — значительно уточняет работу, способствуя зрительному впечатлению, коим преимущественно определяется свежесть следа.

Обсуждение с более опытным следопытом тех или иных признаков свежести следа весьма полезно, помогает делу ознакомления с изложением в литературе тех или других признаков свежести следа и причин, на нее влияющих; по этим основаниям следует рекомендовать обратиться к имеющейся по этому вопросу специальной брошюре издания КОИЗа: «Как определить свежесть следа» — Н. А. Зворыкина, являющейся, правда, лишь опытом практического руководства.

Когда налицо пороша, говорить об определении свежести следа не приходится; от окладчика требуется уметь определить свежесть следа в те дни, когда пороша отсутствует. Окладчик при определении свежести следа руководствуется двумя признаками: внешностью следа и крепостью его (степенью затвердения).

На внешность следа влияют та или иная форма и величина выпадающих снежинок, глубина снежного покрова, количество времени, истекшего с момента проложения зверем следа, степень мороза или тепла, характер ветра и влажность воздуха. Кроме этих объективных причин на вид следа большое влияние оказывает освещение.

Наиболее важные для окладчика изменения во внешности и крепости следа вносят: снегопад, ветер, мороз и оттепель. Некоторые из этих факторов часто способствуют определению свежести следа, заменяя отчасти недостающую порошу. Так, например, наступившая с ночи и продолжающаяся следующий день оттепель позволяет без труда отличить проложенный зверем след уже по оттепели, а не до нее. След в оттепель четок — сухие, как при морозе, песчинки снега слиплись, соединились во влажную массу, которая воспроизводит отпечаток как на влажной, жирной земле с большей или меньшей синевой — водянистостью, в зависимости от степени оттепели.

Наступивший в ночь на следующие сутки переход с оттепели на мороз помогает утром вновь различать среди следов разного времени свежие, так как снег стал от мороза сухим, ноздреватым, зернистым; в зависимости от степени мороза может образоваться затвердение в виде тоненькой пленки, корочки или настоящего наста — твердого и крепкого, как пол; если наст держит зверя без малейшего пролома или трещин, то подобное затвердение не дает возможности заняться выслеживанием. Плен-

ка или корка дает больший или меньший пролом снежного покрова от тяжести зверя и ясное доказательство прохождения его по морозу, сменившему ночью оттепель, т. е. свидетельствует о свежести следа зверя по снегу, ставшему на морозе сухим и зернисто-рассыпчатым.

Морозное время, а тем более сильные рядовые стужи неблагоприятны для определения свежести следа; правда, след при порядочном морозе стынет быстро, и через 2—4 часа после проложения следа боковые стенки его, обнаженные разрывом следа из-под толщи снега, равно как и подошва следа заметно подсыхают; совершенно свежий след можно отличить от значительно более раннего без затруднений осязанием, но различить ночной след от вечернего или дневного, сделанного накануне, не всегда удастся, тем более, что на степень затвердения влияют защитность местности и плотность обнаженной следом толщи снега; а эти последние условия учесть трудно.

Снегопад (не пороша) имеет отрицательное в большинстве случаев влияние на определение свежести следа; иногда, однако, благодаря выпадающему снегу, отличаешь свежий след зверя, находящегося на ходу, т. е. след, проложенный во время снегопада. Снег, прекратившийся к рассвету и снова пошедший утром, не служит еще полным препятствием выслеживанию; если ямки следа видимы, свежесть их отличается от старых ямок следа более воздушным сцеплением выпадающих снежинок с более острым, не осевшим закрайком следа, благодаря чему у следа нередко остаются скважинки; старый же след заполняется наглухо, как стакан песком.

Ветер, создающий заносы, является в большинстве случаев моментом отрицательным для выслеживания. Ветер вообще, а метель в особенности, прекратившиеся к рассвету, могут, однако, создать своего рода порошу, главным образом, на открытых местах, а иногда и в лесу.

Влияние заносов на следы и влияние разных преград на заносы — удивительно. Случается, что след зверя, перешедшего поперек дороги, виден, с одной стороны, совершенно явственно, а с другой — лишь при большом напряжении внимания или вовсе невидим; такую разницу создало ребро дороги, заслонив собою сохранившийся след. Такие же превращения замечаются у кустов, деревьев, изгородей и т. д. Чтобы судить о превращениях следов, связанных с погодой, окладчику полезно около своего местожительства делать к ночи черточки и знаки на снегу, проверяя их утром.

Под выправлением следа подразумевается отбор окладчиком того следа, который, не являясь петлею, имеет определенное направление, по которому зверь отошел от места, где наделал петли, тычки, ходы взад и вперед, либо круговые обходы.

Густое сосредоточение в одном месте следов часто встречается: в местах кормежки вообще, у найденной хищными зверями

добычи, на месте, где зверь зачуял добычу или пропускает ночью проезжих или прохожих, отходя от опасности и вновь, по миновании ее, принимает прежнее направление, также во время охоты зверя, особенно у лисиц, в случаях, когда отбившийся зверь отыскивает или поджидает затерявшегося сотоварища, во время течки, а также и в других случаях.

Выправлением следа достигается определение стороны, куда ушел зверь и куда окладчику, следовательно, нужно спешить для дальнейшего выслеживания.

Необходимо, как правило, не копать на петлях, тычках, а шире окинуть круг по нетронутой следами целине, чтобы пересечь след, служащий руководящею нитью и выходом из группы следов и из сплетения их.

При выправлении следа необходимо различать сосредоточение следов нескольких зверей или одного экземпляра, разбираясь в принадлежности следов зверям, проживающим в одной группе совместно, или к нескольким группам, живущим каждая порознь; это обстоятельство немаловажно по многим основаниям, из коих самым существенным является то, что одни следы могут принадлежать сытому зверю — с привады, другие же — голодному.

Для того чтобы определить направление следа, нужно не только распутать сплетения следов, развязать, так сказать, узел, но и знать, куда след смотрит, т. е. определить, где носок следа — пальцы, а где пятка. Если бы дело выслеживания всегда происходило в порошу или вообще при четко видимом следе, с его ясными отпечатками когтей, мякишей пальцев и пятки, то об этом не стоило бы и говорить; но иногда, когда снег не совсем низом или при очень морозной погоде, когда снег, потеряв влажность, становится сыпучим, кристаллическим, как хинин, — выправление следа замедляется.

Иногда выправлению следа помогает видимая выволока, т. е. тот валик переднего закрайка следа и лоток, получаемые при подъеме лапы из ямки следа для следующего шага; выволока, следовательно, образуется из небольшого возвышения выволоченного лапою снега или затверделых снеговых обломков (корок) или крошек, а продолжением выволоки является черта на поверхности снега (между ямками следа), прекращаемая подъемом лапы. Выволока поэтому может служить указанием направления следа. Однако определение направления при сыпучем снеге затрудняется, так как подошва следа засыпается снегом. Приходится долго приглядываться в таких случаях к ряду следов (ямок) и вести след на порядочное расстояние. Определение направления таких неясных следов удается иногда сделать по замеченной скважинке в подошве следа, получаемой от подъема пятки. Иногда удается найти ясную поволоку — ту черту, которая иногда сливается с лотком выволоки, образуемой лапою при опускании ее постепенно на следующий шаг. Выволока обычно круче и шире поволоки, поволока отложе и уже.

Выправление следа должно быть сделано четко, ошибка в направлении может надеть немало хлопот.

При выслеживании не рекомендуется идти самым следом: во-первых, затаптывая след, затрудняешь возможность сделать проверку свежести, направления следа, пола и возраста зверя, количества прошедших зверей, ранения и других нужных признаков, а, во-вторых, идя не только самым следом, а рядом, вызываешь подозрение зверя. След окладчика должен идти поодаль от следа зверя. В местности, где зимних дорог достаточно, выгоднее выслеживать на лошади, за исключением тех действий, которые требуют особого внимания.

Выправление следа по наезженным дорогам, в особенности когда дороги разветвляются или перекрещиваются, дело нелегкое. Не следует доверяться видимому кое-где на дороге следу зверя — иногда увидишь след по одному направлению, а встречного не заметишь, так как он ускользает от зрения, попадая в нарубленную подковами полосу дороги, или оказывается затертым полозом.

Иногда на дороге удается обнаружить отпечаток части следа, например двух пальцев с когтями, а остальная часть и следы сказываются затертыми полозом. Заниматься обследованием полотна натертой дороги долгое время невыгодно, нужно продолжать путь до разветвления или перекрестка, строго следя по бокам дороги; обычно на протяжении 1—2 км всегда можно заметить отдельные следы или признаки прохождения волка или группы волков.

Разветвление дорог, когда они сильно наезжены, еще больше осложняет дело, так как на очередь встает вопрос, по какому же направлению ушел зверь. Зная расположение дорог, нужно сообразоваться с вероятнейшим направлением зверя, если к тому есть веские основания, а в случаях, когда разрешение этого вопроса встречает затруднения, приходится обследовать протяженные дорог до селения, начиная с той, которая короче.

Волк любит с наезженной дороги отправиться на лежку по заброшенной дороге или по одиночному старому следу дровней проехавшего дроворуба.

Обследование дороги до самого селения, без обнаружения волчьего свертка с дороги (когда выслеживаешь сытого волка), служит гарантией, что волк по этой дороге не пошел; когда же дело касается голодных волков, прошедших ночью, необходимо тщательно осмотреть, нет ли волчьих прыжков с дороги у начала построек деревни; нередко волки сходят с дороги у угла избы и обходят деревню по загуменьям; бывают случаи, когда голодные волки проходят ночью, и даже при полном свете луны, по улицам деревни, в особенности, когда постройки расположены по одну сторону улицы, и незастроенная сторона дает возможность волкам скрыться при встрече и неожиданной опасности. Прохождение волков по улице двухсторонней деревни

редко производится всею группой или одиночкой; при группе волков один из стариков с переярком, отделяясь от компании, сойдет с дороги перед деревнею и обойдет ее по задворкам. Однако волки проходят иногда под окнами домов и даже поднимаются на ступеньки крыльца.

Из рис. 5 наглядны разумные действия, принятые окладчиком при обследовании невидимых следов волка на дорогах. Волк по запорошенной лесной дороге Е вышел на сильно наезженную лесную дорогу А, на которой след стал невидим. Вряд ли имеется основание предполагать, что волк повернул обратно по дороге Е. Приняв во внимание, что волк обычно не возвращается, как это делает лисица, на пройденные только что места, следует вполне резонно предположить, что он отправился либо по до-

Рис. 5

роге А, либо по дороге, В, одинаково наезженным, на которых признаков следов поэтому не видно. Так как по дороге А до деревни не более 2,5 км, а по дороге В — около 8 км, выгоднее обследовать дорогу А, тем более, что в нее вливается малоезженная дорога В. По обследовании дороги А и вливающейся в нее дороги В волчьего следа не было обнаружено, и окладчик, вернувшись на дорогу В, поехал по ней, а через километр увидел след волка с дороги в еловый остров. Объехав на лошади по дорогам Д, Г и В до соединения последней с дорогой А, окладчик встал на лыжи и, отойдя несколько по дороге В, провел линию по просеке к дороге В и затянул оклад флагами.

Выправляя на лошади след зверя по дорогам, нужно ехать тихо, даже в том случае, когда лес редок и деревья не теснят-

ся к самой дороге. Проглядеть след зверя с дороги очень легко, так как глядеть приходится по обе стороны, а волки и лисицы имеют иногда обыкновение делать с дороги прыжок—сметок; если такой прыжок попадает под прикрытие мохнатой еловой ветки, куста, пня, муравейника и другого заслона, то, сидя в санях и посматривая то на одну, то на другую сторону, счень много вероятия проглядеть след.

Выслеживание по лесным дорогам лучше производить пешком.

Тропы зверей, встречающиеся на пути окладчика, должны вызвать предположение о влившемся в них следе выслеживаемого зверя; необходимая проверка в большинстве случаев вызывает затрату времени, которого и без осложнений в работе хватает в короткий зимний день в обреш.

Тропы по своим целям являются либо путями сообщения, прокладываемыми зверями, принадлежащими к одному виду, или же тропы могут быть проложены зверями одного вида, а вливающийся в них след может принадлежать другому виду зверей; в последнем случае речь идет главным образом о лисице, пользующейся заячьими тропами преимущественно при охоте за зайцами.

Если приходится иметь дело с волчьими тропами, представляющими собой прежние их пути, на которые с целика вступает свежий волчий след, то особых затруднений тропы не вызывают, за исключением случаев, когда тропы сильно намяты или застыли после бывшей оттепели и имеют разветвления по разным направлениям, ведущим в разные лесные площади — на прежние места дневок или к другой цели.

Кроме определения свежести следа и выправления его, остается еще не одно требование, предъявляемое к выслеживанию, а именно: выяснение количества выслеживаемых зверей, счет входов и выходов, пересекающих ход окладчика, и качественная оценка следа.

Выяснение количества выслеживаемых зверей имеет в виду и определение количества зверей, прошедших одним следом, одною тропою. Определение количества зверей необходимо не по причине понятной любознательности, а во избежание частых случаев неудачи или меньшей удаче охоты при незнании количества выслеживаемых или окладываемых зверей. Возьмем для примера приведенный на рис. 6 случай. Окладчик пересек волчий след в точке А и впустил его в остров, а на противоположной стороне Г встретил выход из острова; волка, следовательно, в окладе нет, так как $+1 - 1 = 0$; однако, как потом оказалось, в волчий след недалеко от пересечения в точке А незаметно влился след второго волка, в месте, обозначенном литерою Б. Определив след количественно и качественно (одиночный след молодой самки при встрече его в точке А), окладчик не проверил его, впуская в оклад, а видя издали, что он отвечает

требованию свежести, сразу стал обходить остров, а в точке Г выпустил тот же след, который пересек в точке А, т. е. свежий след молодой самки. Вышедшая из острова волчица целый день прослониалась и обложить ее не удалось, второй же волк, вошедший по следу первого, дневал в острове.

Каждый след необходимо осмотреть и впустить в самый оклад; исполни окладчик это правило, осмотрел он след под самой опушкой, или же проверь хотя бы отрезок В, он заметил бы намин следа и, пройдя немного в пяту, увидел бы след второго волка.

След зверя, идущего в место, подходящее для дневки или остановки, где зверь может задержаться, считается входом, а след из того же места — выходом.

Рис. 6

Впустив след зверя в оклад и получив после обхода четное число следов (входов и выходов), например 1 вход и 1 выход, 2 входа и 2 выхода и т. д., надлежит считать оклад пустым; наоборот, нечетное число — 1 вход или 2 входа и 1 выход или 3 входа и 2 выхода — свидетельствует о нахождении зверя в обойденной окладчиком площади. Бывают, однако, исключения, когда четное число следов свидетельствует о нахождении зверя в обойденном участке, когда $+1$ и $-1=1$. Эти случаи могут встретиться, когда зрение человека видит на снегу то, что можно видеть, и не в силах видеть то, что было видимо хотя бы недавно. Непонятное на первый взгляд явление случается и при нечете следов, когда вместо того, чтобы по всем правилам считать зверя обойденным, получается пустой оклад. И то и другое исключение из весьма основательного правила о чете и нечете следов, которое обязательно для каждого окладчика, получилось благодаря тому, что накануне и всю ночь свирепствовала метель, а под утро наступила хорошая тихая погода с прекрасною порошею. В бурную погоду волк вошел в оклад, проспал там продолжительное время, а выйдя на рассвете и поймав русака, вновь пришел на дневку в тот же участок леса, оставив

на снегу четкие следы входа и выхода. Такой чет может, следовательно, отвлечь от успеха, представляя собою некоторого рода загадку. Нечет же следов при тех же условиях, дающих как-будто вопреки правилу пустой оклад, на самом деле не является исключением из этого правила, так как количество выходов в таких случаях будет превышать число входов (рис. 7 и 8).

Когда звери идут одною тропой — след в след, необходимо распознать, какое количество их прошло одним следом. Отсутствие подсчета или неверный подсчет может повлечь за собою неудачу или в лучшем случае неполный успех. Возьмем следу-

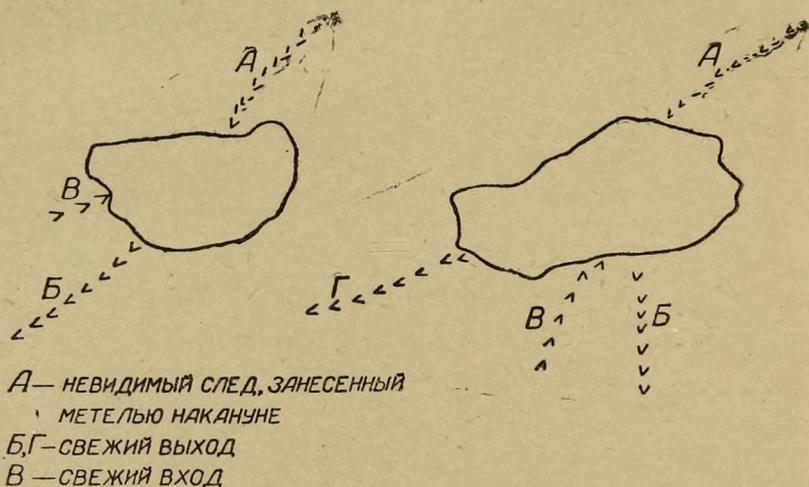

Рис. 7 и 8

ющий случай: четыре волка след в след вошли в сосновое моховое болото, где волки вообще нередко останавливаются на дневку; тройка волков вышла след в след из этого болота, а четвертый остался на дневке. Выпустив тропу, окладчик не проверил количества вышедших по ней волков, предполагая, что вышли все, и продолжал безуспешно их окладывать.

Если окладчик не может определить количества прошедших одною тропой зверей, то тропу приходится выследить до степени желательного разрежения следов.

Когда волки идут на рассвете или днем, тропа иногда долгое время не разрезается, особенно при глубоком рыхлом снеге; при мелкоснежье или насте группа волков, особенно в ночное время, то и дело сходится и расходится, ведя каждую самостоятельную нить следов. Во всяком случае при встрече на пути препятствий в виде изгородей, частого лесонасаждения, мест, через которые надо перепрыгивать, а равно при входе и сходе с дорог волки идут в разброд, и такими местами следует поль-

зоваться для проверки количества шедших одною тропою зверей. При выслеживании или окладывании копытных зверей, идущих тропой, подсчет их количества легко делается при расхождении их на кормежке.

Говоря об определении количества зверей, идущих одною тропою, имеется в виду проложение зверем, идущим впереди, следа по нетронутой снежной целине и ступанине следующих позади, в ямки, проложенные первым. Определение количества зверей, прошедших одним следом (о чем будет сказано ниже), делается иногда по внешнему виду свежее проложенной тропы, а не старой, затверделой, когда количество прошедших зверей можно определить исключительно при расхождении самостоятельными нитями следов по целику.

Определение по внешнему виду свежей тропы, количества прошедших зверей — дело нелегкое; основательные затруднения, однако, возникают при прохождении более трех зверей. Глазу более или менее опытного окладчика сразу заметна разница между следом одиночного зверя и следом, по которому пройдено два раза. торичное наступление в первичные ямки следа заметно уплотняет подошву следа; последующее прохождение третьего, четвертого экземпляров еще больше уплотняет не только подошву следа, но и стенки ямок следов и явно влияет на разбитость следа, т. е. на увеличение размера и очертаний следа. При прохождении более трех экземпляров ямки следов уже на расстоянии свидетельствуют о происшедшей деформации следов так же, как ясно бывает видно на снегу, когда человек пройдет в разношенных галошах, а не в аккуратных ботинках.

Определение количества прошедших одним следом зверей по внешнему виду может быть установлено, когда зверей не более 3—4 экземпляров, большее же количество может быть определено приблизительным минимумом, например, не меньше 4—6 штук и т. д. до сравнительно небольших пределов (рис. 9).

Двукратное прохождение зверя одним следом определяется более или менее просто; в практике окладчика особенно часто встречаются лисьи следы, которыми лисица проходит иногда и не один раз; степень наминки двойного лисьего следа привычна поэтому глазу следопыта; на основании усвоенной опытом возможности различить степень наминки лисицею следа вторичным прохождением окладчиком может быть определено прохождение и других животных след в след.

Определение количества зверей важно и с начала выслеживания, и при окладывании, и при охоте.

Мы уже говорили об оставшемся в окладе одном из четырех волков благодаря тому, что окладчик не проверил выходную тропу. Такие случаи бывают часто при неподсчете зверей и при выслеживании, когда при объезде, с целью пересечь следы, окладчик встречает их вступающими на дорогу и принимает за то же количество зверей, какое было ранее на тропе, не зная соб-

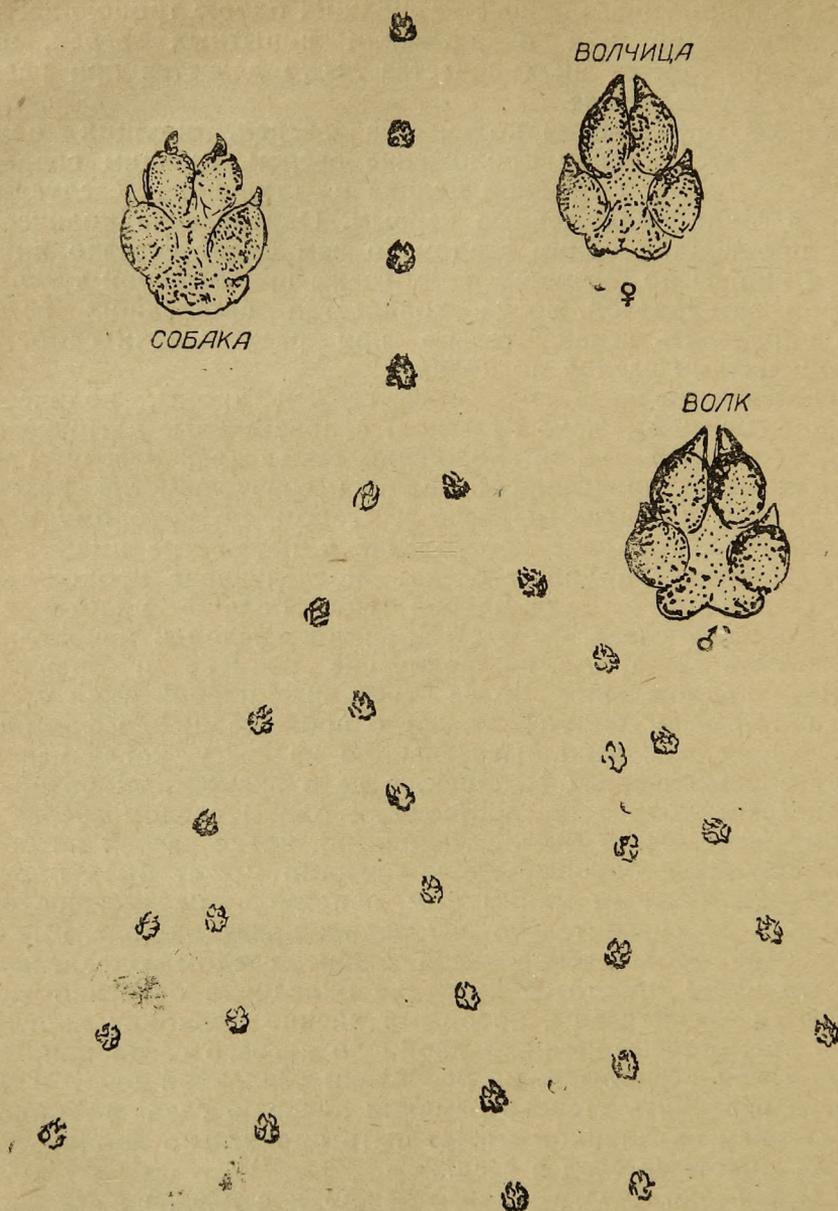

Рис. 9. Ход пяти волков и различие следов волка, волчицы и собаки

ственно, сколько их было. На самом деле несколько зверей, сойдя с тропы до дороги, остается на дневке, окладчик же до сумерок тщательно занимается выслеживанием зверей, вступивших на дорогу.

Знание количества обложенных зверей имеет нередко влияние на результат охоты. Представьте себе, что из тройки обложенных волков пара старых волков прорвалась под флаги, а третий зажался в окладе. Так как окладчик предполагал, что все волки вышли из оклада и точного счета обложенных не знал, то флаги были сняты, и охота двинулась для преследования пары прорвавшихся.

Одновременно с определением свежести следа или количества зверей полезно произвести и качественную оценку следа, т. е. выяснить возраст и пол зверя. Такое качественное определение следа приносит значительную пользу и при выслеживании одиночного зверя.

Говоря про определение возраста по следу, имеется в виду, конечно, не точное выяснение лет от рождения, а приблизительная возрастная классификация, имеющая значение для охоты по влиянию возраста на поведение животного. Так, например, в выводке волков вполне удовлетворительно является разбивка по возрасту на три категории: матерые, переярки и прибылые.

Определение по следу пола и возраста делается легче, когда след проложен по свежес выпавшему небольшим слоем несколько влажному снегу, при незначительной толщине снежного покрова вообще, или когда крепкий непролазывающийся наст покрыт небольшим слоем свежего снега.

Как свежесть следа, так и определение пола и возраста выясняются безошибочно при непрерывной практике. Незначительная иногда разница в очертаниях следа требует для решения вопроса либо сравнения со следами зверей другого пола и возраста, либо прежнего непритупившегося впечатления.

Помимо отличия пола и возраста по величине и форме следа дополнительным признаком также служит и ширина шага—расстояние между ямками следа, которое у экземпляров старых длиннее, чем у более молодых, оно больше и у взрослых взматеревших самцов, чем у старых самок.

Ширина шага для определения пола и возраста переярков, а также прибылых, дает менее ощутительную разницу. Если попытаться выразить соотношением цифр разницу величины следа матерого волка и его шага к величине следа и шагу матерой волчицы и волков прочих возрастных категорий в начале зимы, то получается следующее соотношение: след и шаг матерого самца по сравнению со следом и шагом матерой самки разнятся (относятся) как $3\frac{1}{4}$ к $2\frac{3}{4}$, след и шаг старика к следу и шагу переярка—как $3\frac{1}{4}$ к $2\frac{1}{4}$ и к следу и шагу прибылых—как $3\frac{1}{4}$ к $1\frac{1}{2}$. Понятно, что при сравнении расстояния между ямками следов нужно брать один и тот же аллюр зверей, так как если сравнить след на рыси переярка и след шагом матерого, то расстояние шага последнего меньше, т. е. получится противоречие (рис. 10).

Не только очертание следа и размах шага определяют воз-

раст и пол; манера хода и характер избираемых путей и направлений также способствуют выяснению возраста и пола — указанные признаки ярче выявляются на следах совершенно зрелых экземпляров.

Привычка старого самца искать самку, оберегать ее, вступать в единоборство с соперниками, нападать оставляет известный отпечаток на осанке и на поведении зверя. Характер самца, его большая самостоятельность и независимость, за исключением инициативы движения, которая принадлежит самке, несомненно оставляет признаки характера и на нити его следов — на его

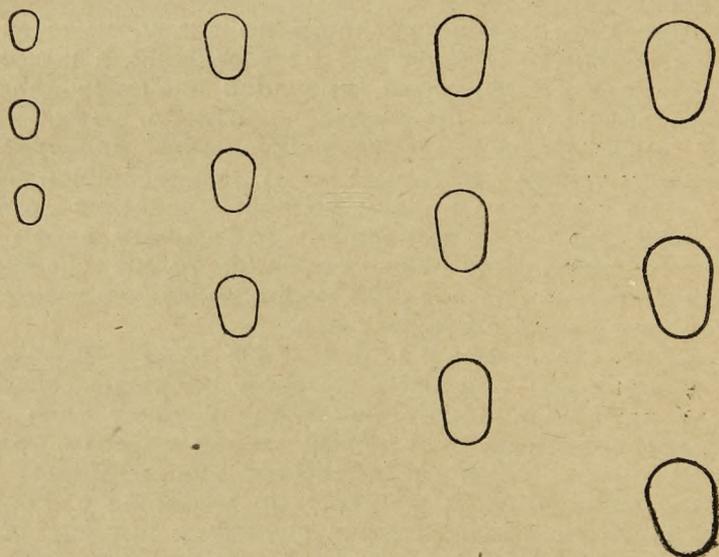

Рис. 10

ходе. Самка предпочитает более защитные пути, она нервнее, пугливее — по своей природе она привыкла охранять своих детей прежде всего осторожностью. Если, например, в волчьем выводке старая волчица идет впереди следующей за нею гуськом семьи, то эта повадка ее лежит в «материнской» природе избирать путь с осторожностью, все время заботясь о следующих позади, что не мог бы осуществить самец — у него не хватило бы «заботы» волчицы, которую прибылые привыкли, кстати, слушать и лучше понимать. Эта характеристика относится ко всем зверям и особенно интересна у зверей, живущих семьей.

При внимательной качественной оценке следов иногда удается заметить некоторые случайные особенности, представляющие собою отклонение, подчас весьма незначительное от обычной внешности следа или сочетания следов. Особенности следов по-

лезно запомнить, так как приметы могут пригодиться при последующем окладывании, тем более, что зверь с такою приметою отличается в большинстве случаев и особенностью в поведении.

Отклонения в следах от обычного рисунка или в чередовании и расположении ямок следа являются следствием прирожденным или приобретенным; в числе особенностей первого порядка можно указать на необыкновенный в ту или другую сторону размер следа, на опущенность подошвы, ступшеывающую отпечаток подошвенной части пальцев и пятки, на нежную аккуратность (чистоту и симметричность) ямок следа и др.; в числе особенностей благоприобретенных следует отметить неприступание

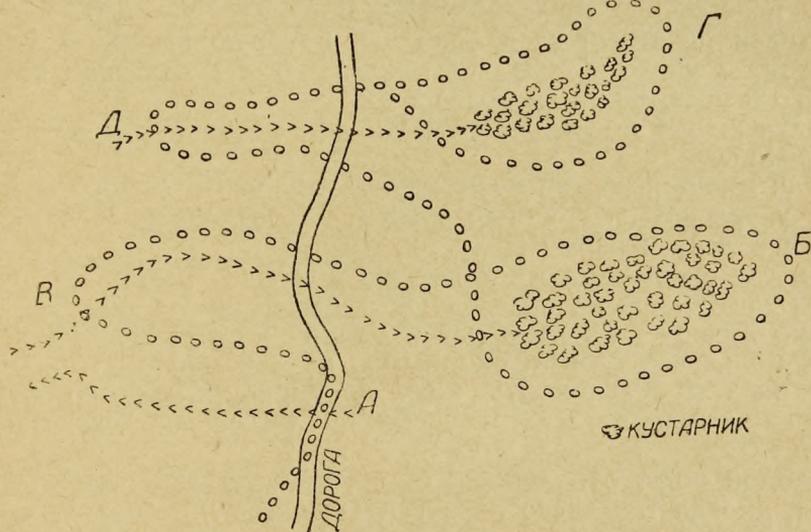

Рис. 11

одной лапой, дающей незначительное поверхностное углубление в толщу снега, словно кто слегка коснулся снега углом рукавицы; такой знак обычно отпечатывается несколько сбоку нити следов и бывает следствием оружейного или капканного повреждения ноги зверя; встречаются отпечатки с отсутствием одного из пальцев, оторванных капканом, случается видеть сплошную черту от волочения ноги, ход в припрыжку на трех ногах и другие случаи. Запоминание таких особенностей входит в обязанность окладчика, являясь составною частью качественной оценки следа.

Значение качественной оценки следа огромно, особенно когда приходится окладывать группы зверей или хотя бы и одиночных, в местности, где зверь водится вообще. Приведу один из многочисленных случаев, подтверждающих значение качественного определения следа.

В надежде перенять волчий след окладчик отправился по хорошему по переходам полю. Вскоре он встретил след поперек дороги (лит. А) справа налево (рис. 11). Определять свежесть надобности не было по случаю пороши. По осмотре следа с целью количественной и качественной оценки оказалось, что след принадлежит волчице-перярку. Окладчик направился, придерживаясь приблизительно направления следа, и через несколько сот шагов вновь пересек волчий след в точке В. Он обложил этого волка в сосновом болоте Б. Волк был убит, но оказался самцом. Недоумевая сначала, окладчик, однако, вскоре сообразил, что вместо следа волчицы он встретил в точке В след убитого самца, и настоял на немедленном отправлении всей охоты на пересечение следа волчицы. В пункте Д действительно встретился печатный след волчицы, которую вскоре и удалось обложить и убить в окладе Г. Оклады Б и Г отстояли один от другого в расстоянии не более 2 км.

В заключение полезно высказать еще несколько практических пожеланий.

Когда имеется верная возможность обложить одного зверя, не следует увлекаться группой зверей, проследовавших дальше, не покончив дела с первым.

Там, где зверь много петляет, он ложится редко. В местах тихих, где волков не преследуют и даже не тревожат, волки нередко днюют несколько раз в одной и той же лесной площади, пользуясь своими входными и выходными тропами, но стоит их там обеспокоить хоть дроворубу, как они отваживаются надолго, во всяком случае пока снег не заровняет их ходы.

Молодой волк, отбившийся от группы (робкий), да еще наевшийся, иногда так часто переступает (шагает), что след его подобен тропе, будто этим следом прошло не менее трех штук.

Самец-одиночка идет смелее, выбирает переходы по редколесью, просветам, полянам, чистям, не жметя к густым зарослям.

5. ОКЛАДЫВАНИЕ

Когда местность знакома, когда знаешь, что за трудно проходимую на лыжах чащею пойдет светлая полоса редколесья, окаймляющая заболоченный еловый лес с ивняком, — на сердце не тревожно, знаешь, как пройти и обойти ту манящую серединку, куда прошли волки, пропахав своими следами рассыпчатые борозды на свежем снегу. Но плохо придется окладчику в незнакомой местности — компас не поможет миновать буреломные маквы и повал, сетку мелколесья, под сводами нагнувшихся и надломленных деревьев, облепленных толстыми подушечками снега. Между тем вместо того, чтобы пробиваться в буреломной полосе, шипеть одеждою о хвою, подолгу шуршать на од-

ном месте лыжами, невольно задевая гулко ломающиеся сучки— следовало подвинуться на две сотни шагов и встать на полосу прошлогодней лесовозной дороги, где путь прорублен, словно просек.

Лесные площади, в которых зверь выбирает участок для своих дневок, бывают весьма разнообразны как по характеру лесонасаждения, так и по величине и форме очертаний. Зверь может дневать и среди сплошного значительного лесного массива и в обрезном месте, вокруг которого имеются большие или меньшие чисты, и в отъеме — месте, отличающемся от прилегающей местности иным характером, иной породой леса, растительностью и расположенном в низине.

Когда лесные сплошные массивы не перерезаны дорогами и просеками, они представляют наибольшие затруднения для окладывания, разве что в них попадаются как раз оклады, представляющие собою участки разнородного с окружающим лесонасаждения, или по породе или по возрасту леса, отличающегося от смежной стены деревьев. Такими выделяющимися среди лесных массивов местами являются гряды, острова, моховые болота и другие участки; площади, отличающиеся возрастом леса — старым, спелым, смешанным, молодым или мелким подсадом, помогают проведению окладчиком линий.

Большую услугу в ориентировке оказывают отдельные деревья, выдающиеся своею величиною, породой или другими какими-нибудь отличительными признаками среди сплошного лесонасаждения. И крона многовековой сосны и старая голая осина, простирающая толстые ветки, заметные и на фоне неба и на зелени хвойного леса, часто помогают окладчику уяснить себе очертания пройденного пути или заметить по ним отправную точку дальнейшего пути и окладывания.

Чрезвычайно помогают запоминанию очертания той или иной линии оклада, равно и уяснению плана действий встречающиеся на пути окладчика отличия в местности и даже отдельные предметы; так, например, низинка, по которой проходит окованный льдом ручей, возвышенность, полоса спелого редколесья, с видимыми в прогалке между деревьями, занесенными снегом муравейниками, заметные причудливые фигуры вывороченных с дерном корней буреломных деревьев и другие признаки.

Такие отличительные места и предметы помогают наметить (иногда далеко еще не замкнувши круг, но помня направление ветра и место впущенного входного следа) стрелковую линию и даже отдельные на ней номера; те или другие особенности местности или отдельные предметы резко запечатлевают в памяти окладчика поворот линии оклада и помогают определению ее протяжения.

Предельная величина оклада зависит лишь от технических средств данной охоты. Нормальная величина оклада должна быть основана не столько на той или иной организацион-

ной мощи данной охоты, сколько на требованиях, лежащих в повадках зверя.

Нормальною величиною оклада надо признать такую, при которой зверь был бы обойден без того, чтобы его потревожить обходом, в то же время она не должна быть слишком большой, чтобы не терять управления ходом зверя на номер, и не слишком маленькою во избежание причинения резкого испуга зверю во время гона.

Вот те довольно растяжимые понятия о нормальной величине оклада, диктующие неперменное соблюдение высказанных в них целевых условий. Необходимо поэтому определить ту конкретную величину оклада, в какую он выливается на практике. Как сказано, зверю не должен быть потревожен обходом. Зверь может услышать, увидеть или зачуть окладчика.

Величина оклада, таким образом, стоит в большой зависимости от характера снегового покрова, защитности местности, направления и силы ветра и условий погоды вообще. Мягкий, несколько влажный и не слишком глубокий и рыхлый снег позволяет передвигаться относительно бесшумно; снег шуршащий, ноздреватый, сухой, соединившийся в комочки-зернышки, значительно затрудняет бесшумность обхода, требуя иногда отдаления — величина оклада; еще хуже звенящая пленка или ломающийся и хрустящий наст, когда почти невозможно сделать оклад без того, чтобы не потревожить зверя; в таких случаях можно лишь возлагать надежду на то, что зверь, слыша звуки обхода, следит за ними, но при приближении их остается на лежке.

Обшитые лыжи при окладывании предпочтительнее — они благодаря шерсти не шуршат, не скрипят и не шипят, заглушенные оболочкою.

При окладывании в плотном лесу при снежном навесе звук шагов окладчика значительно приглушается. Тихая погода и ветер в оклад при прохождении самых неблагоприятных линий вызывают мучительные переживания окладчика и заставляют прихватывать, прибавлять к окладу участки леса, хотя бы и отделенные от оклада поляною, лишь бы приглушить звук обхода.

Окладчик не может точно знать, где именно выбрал себе зверь местечко для лежки в пределах того оклада, который намечается, можно только примерно предполагать, зная характерные особенности местности внутри оклада, но ручаться за то, что зверь ближе к этому крайку или к тому — нельзя; поэтому опыт велит из осторожности предполагать нахождение лежки ближе всего к той линии, которую в данное время ведет окладчик.

Зверь может быть встревожен, правда, реже и тогда, когда он, не слыша обхода окладчика, видит егодвигающуюся фигуру; случается это в редколесье, в моховых болотистых глadyх с островками леса, особенно во вторую половину зимы, когда

зверь нередко ложится на солнечном пригреве, чаще же это бывает на полях. Таким образом, при окладе, который не представляет собою густого леса, а состоит из редколесья, окладчику следует выбирать путь, заслоняясь от оклада лесною полосой прихваченного места, а в солнечные дни второй половины зимы не забывать потребность зверя пользоваться солнечным пригревом.

Обходы в полях, если их нельзя делать по дорогам, необходимо вести тщательно, по возможности заслоняясь; когда местность пересеченная, необходимо прикрываться возвышенностями, ведя линию за ними.

Первое требование о величине нормального оклада, заключающееся в том, чтобы не потревожить зверя обходом, выполняется окладом от 1,5—2 км, за исключением обходов полевых, где круг нормально превышает только что приведенную среднюю норму.

Второе условие, предъявляемое к нормальному окладу, заключающееся в требовании, чтобы оклад не был слишком велик, во избежание потери возможности управлять ходом зверя, имеет немаловажное значение при охоте облавой и с флагами.

На самом деле, хотя охота облавная или с флагами и должна быть рассчитана на ход зверя своим лозом, тем не менее при ней применяют меры (загонщики, флаги), препятствующие зверю принимать нежелательные для успеха охоты направления, а при этом надо принять во внимание, что чем больше препятствий, чем длиннее путь с препятствиями, тем скорее на зверя находит паника, тем больше шансов, что он, не взирая на препятствия, вынуждается к их преодолению — к прорыву. Оклад, следовательно, слишком большой не вполне благоприятен, так как ходом зверя управлять трудно. Это желательное условие управления ходом зверя легче чувствуется, чем поддается определению, тем более, что в каждом окладе благодаря его особенностям создаются и иные условия для управления ходом зверя; тем не менее нормальная средняя величина желательного оклада может быть приблизительно определена цифрой из практики.

Приняв во внимание, что обычно при охоте с флагами имеют три загонщика (окладчик и два помощника), причем один находится посредине окружности оклада, а двое остальных отстоят от него на флангах в расстоянии 200—400 м (в среднем на 300 м), т. е. примерно в конце первой трети дуги, то окружность оклада, таким образом, будет равняться $300 \times 6 = 1\,800$ м. Этот оклад можно считать по величине средним и при благоприятном очертании управление ходом зверя находится в руках.

Остается еще последнее требование к величине оклада: величина его не должна быть слишком мала во избежание причинения резкого испуга зверю во время гона.

Как определить цифрами приемлемый минимальный размер

оклада? Из практики мы знаем, что при встречах с ненагоненным, не бывалым зверем на открытых даже местах, зверь при известных условиях сохраняет относительное спокойствие; он обычно не ускоряет движения, а часто даже останавливается, наблюдая за человеком, или продолжает свое передвижение по направлению, долгое время иногда не отдаляющему его от человека.

Но такое поведение зверя встречается обычно на известном расстоянии, несколько большем или меньшем, в зависимости от характера встречи, поведения человека и индивидуальности зверя. Такое расстояние при отсутствии агрессивных со стороны человека действий может быть приблизительно определено в 150—300 м, другими словами — спокойствие зверя часто не нарушается на расстоянии вне всякого дробового выстрела. Иное дело, когда мирно отдыхающего зверя потревожит неожиданно обнаруженное присутствие человека в расстоянии хотя бы свыше 300 м, а тем более, когда зверь, слыша затем по голосам окружение и приближение людей, замечает, кроме того, и зловеще молчащие флаги. Однако надо принять во внимание то успокоительное действие, какое оказывает на зверя сплошной заслон леса, позволяющий зверю даже на близком расстоянии сохранить относительное спокойствие, так как зверь чувствует, что человек его не видит. Таким образом, если дело касается зверя не нагоненного, не бывалого, то не будет ошибкой определить, что расстояние от загонщика до зверя в 300 м является тем расстоянием, на котором такой зверь, встречаясь при переходах с человеком, сохраняет относительное спокойствие; оно будет приемлемо и в лесном окладе при условии умелого гона. Часто, однако, природные условия создают незначительные по величине обрезные оклады, которые применимы для обхода русака. И так, повидимому, все условия нормального оклада в большинстве случаев могут быть удовлетворены обходом в 1,5—2 км.

Как только след зверя вошел в подходящее для дневки место, окладчик, тщательно проверив его еще раз качественно и количественно, начинает обход от входного следа, заметив с самого начала обхода направление ветра и проверяя его при изменении направления линий оклада.

Проверять след перед впуском в оклад следует в достаточном расстоянии от опушки. Чтобы не отрезать от оклада стрелковой линии, которая, возможно, будет расположена в этой стороне (если, конечно, зверь окажется в окладе), и тем не воспрепятствовать ходу зверя на стрелков, окладчик ведет свой след на известном расстоянии от самого оклада. Линия от входного следа до первого поворота, до угла или закругления, образуемого второй линией, довольно ответственна, так как ею значительно определяется если не ширина, то длина оклада; во всяком случае она дает основание для определения величины оклада. Помня эти

соображения, не следует торопиться делать поворот на следующую линию, если только проезжая дорога не сделает преждевременного поворота и не пойдет, образуя вторую линию оклада.

Как уже было сказано, просеки, поляны, ручьевины, выступы, разнородные со смежными по породе и возрасту лесонасаждения и другие приметные особенности облегчают проведение линий оклада, но незаменимую помощь оказывают дороги; они занимают в этом отношении наипервейшее место. Дорогою как при окладывании, так и в окладе не только можно воспользоваться для поворота на следующую линию, но следует воспользоваться даже, если она встретится тотчас после впуска входного следа в оклад. Надо иметь в виду, что передвижение людей по торным дорогам (которые, кстати сказать, хорошо известны зверю) не тревожит зверя; дикие животные прекрасно осваиваются, будь то птица или зверь, с теми путями сообщения, которые постоянно служат движению людей; стоит, однако, проезжему остановиться, как зверь ужестораживает внимание; если же зверь услышит приближение по целику, то без долгого размышления удаляется.

Совсем близко от торных дорог ложатся и медведи, ложатся они и у самого поля, слыша на деревне и лай собак и голоса людей; ложится на поле недалеко от дороги и лисица, поглядывая из-под можжевельного куста, не поднимая головы, на проезжающих; остается на дневке в еловом острове, узко обрамленном дорогами, и волк. Прохождением по торной дороге, совсем близко от начала обхода повернувшей в оклад, дела не испортишь, часто сократишь работу и выяснишь положение, так как зверь нередко пересекает угол начавшегося лесного участка с целью выйти на дорогу или перейти через нее в следующую за нею площадь, где он и выбирает себе место для дневки. Пренебрежение окладчиком дорогами или незнание их расположения частенько ведет к тому, что зверь оказывается стронутым с лежки неправильным вторжением окладчика в середину.

Начиная обход, полезно для определения протяжения каждой линии производить счет шагов, а чтобы не сбиться (так как внимание окладчика отвлечено и напряжено другими важными, деловыми соображениями), лучше каждую сотню шагов отмечать, откладывая в карман обломочек ветки или спичку. Еще удобнее пользоваться шагомером, если он имеется. Опытный окладчик чувствует протяжение пройденных линий, но все же предлагаемый способ точнее и имеет значение особенно при больших окладах когда важно заблаговременно определить количество загонщиков, флагов и стрелков.

Окладчик должен стремиться по возможности провести либо прямые, либо дугообразные линии оклада. Проведение совершенно правильных прямых линий возможно лишь тогда, когда эти линии или некоторые из них имеются в натуре в виде, главным образом, просек, границы с полем или мест обрезных. Окла-

ды, дающие возможность достигнуть весьма полезного, желательного сужения к стрелковой линии, могут быть построены преимущественно при содействующих природных условиях, но отчасти и независимо от них.

На рис. 12 изображен оклад, сторона коего $A-B$ прилегает к полю, $A-B$ — на дороге, $B-G$ — по просеке, а линия $B-G$

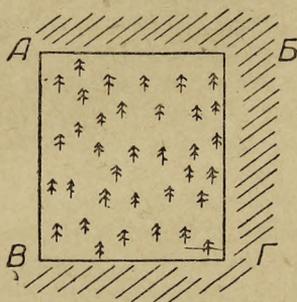

Рис. 12

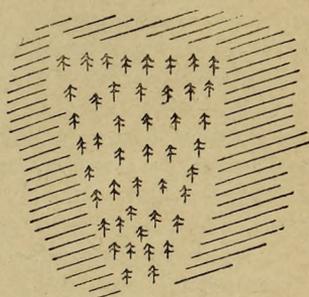

Рис. 13

проведена окладчиком по редколесью; рис. 13 представляет гряду елового леса среди чернолесья с удобным сужением к стрелковой линии, благодаря форме гряды; оклад на рис. 14 выкроен окладчиком по просветам и полянам; рис. 15 изображает хвойное болото среди более возвышенного лесного окружения кольцом; рис. 16 является окладом, представляющим собою квартал

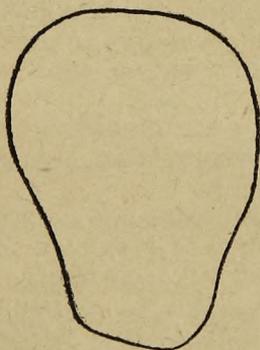

Рис. 14

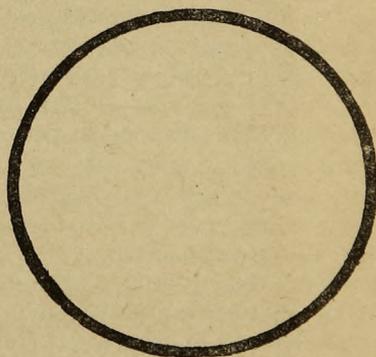

Рис. 15

лесной дачи в просеках; на рис. 17 изображены: сосновое моховое болото, редколесье с входным следом волка и стрелка, указывающая направление ветра; болото окружено гористым бором; этот рисунок дает, как видно, оклад довольно трудного очертания — сложный, вопреки только что высказанным пожеланиям о проведении окладчиком прямых или дугообразных линий; окладчику ничего больше не оставалось, как обойти болото

по берегу бора — по спайке с болотом. Разберем данный случай. По размеру оклад приемлемый (2 км), по форме труден; убавить рискованно, равно как и выправить отрезком; прирезать для улучшения очертания (линий) будет ухудшением положения,

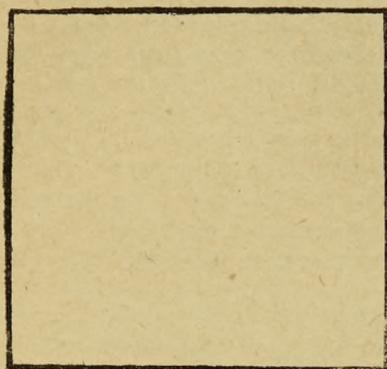

Рис. 16

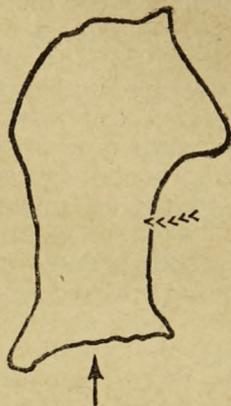

Рис. 17

так как кругом местность, как было сказано, резко противоположного типа — гористый бор. Окладчик вышел, однако, из затруднения (рис. 18). Под стрелковую линию окладчик выбрал сторону *Б*, поместив на ней семь прибывших стрелок; загон-

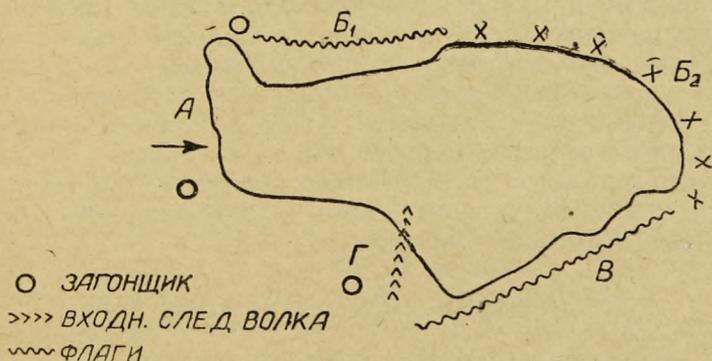

Рис. 18

щиков он расставил в местах, обозначенных кружками, — одного у мыска над лит. *А*; сам встал против угла между литерами *А* и *Г*, третьего он поставил недалеко от соединения линии *Г* и *В*, перед образовавшимся в линиях оклада неблагоприятным выпячиванием; при этом окладчик и загонщик между линиями *Г* и *Б* отошли несколько от оклада, чтобы охватить всем троим

полукругом узкое место и в то же время не нажать зверя на опасную линию B_1 . Выбором под стрелковую линию стороны B_2 достигнута прямизна фланговых шнуров. Лучшей комбинации по выпрямлению линий и созданию некоторой нагонистости достигнуть в этом окладе нельзя. Расположить стрелков на линиях A и Γ немисливо по причине направления ветра, указанно-го стрелкой, при занятии линии B получился бы с правого фланга недопустимый выступ ободом B_2 , при занятии стрелковой линией стороны B_2 , тот же обод перешел бы на левый фланг, и, кроме того, получился бы непосильный для управления ходом зверя охват загонщиками линий A , Γ и B . В числе изображенных на рисунках форм окладов есть такие, у коих имеется сужение. Оклады с таким сужением представляют значительное облегчение для выставления зверя, так как самая узкая сторона служит, если позволяет ветер, местом расположения стрелковой линии.

Оклады такой формы по понятной причине способствуют управлению ходом зверя; это так называемые нагонистые оклады, имеющие форму яйца, мешка, ремня, треугольника и т. п. Такая нагонистость оклада создается нередко не одною формою, но и природными условиями — в виде неоднородности лесонасаждения. Наличие удобной формы и однородности лесонасаждения дает наиболее нагонистые оклады. Нагонистая форма помещенного рисунка оклада с сужением образовалась однородным еловым насаждением острова, окруженного березовым редколесьем; естественно, что зверь, надвигаясь, заслоняясь и высматривая, дорожит при передвижении удобствами такого леса, создающими кажущуюся безопасностью; таким образом, зверь выбирается из острова путем, сопровождаемым однородным лесонасаждением или заслонами, и расстается с ними, когда благоприятная полоса леса кончится; благодаря этому при нормальных условиях зверь выходит на линию сужения.

Помимо природных условий нагонистость создается по возможности и линией флагов — прямизною флангов с некоторым сужением к стрелковой линии.

Б. АКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ОХОТЫ

1. ОХОТА С ФЛАЖКАМИ

а) Устройство и значение флажков.

Обложив волков, зная хорошо окружающую местность и волчьи переходы, можно при помощи трех опытных загонщиков поохотиться удачно и без флагов, пользуясь правильно определенным лазом.

Но надо принять во внимание значительно увеличившееся преследование волков, сильно влияющее на поведение волка в окладе. Страх, а иногда паника, овладевающие волками в той

или иной мере, в зависимости от степени их принадлежности к разряду «бывалых», сильно уменьшают шансы на возможность выставить зверя его лазом на номер. Такие волки частенько забывают о лазе и, смотря по возрасту, или стараются скорее выскочить из оклада кратчайшим путем, или топчутся в окладе, забираясь в самые плотные места, и затаиваются в надежде пропустить загонщика. Это обстоятельство, а другой раз и значительное протяжение линий оклада уменьшают вероюте на успех и в подмогу требуют затяжки флагами.

Флаги нужны не только для направления на стрелковую линию зверя из оклада, но и для понуждения его вновь возвратиться на эту линию, в особенности при охоте на группу волков, когда после удачных или неудачных выстрелов часть волков пытается удариться вбок, а затем по линии флагов или от флагов через оклад попадает на другие номера. У флагов есть еще незаменимое назначение — держать зверя до охоты, которая почему-либо не может состояться сейчас, а только завтра или даже послезавтра.

Флаги являются незаменимым помощником при охоте на волков и лисиц. Сколько загонщиков пришлось бы иметь наготове вместо флагов? Десятки лиц! Эти десятки загонщиков, пожалуй, сослужили бы худшую службу, чем флаги. Флаги незаменимы, портативны, всегда при себе, исполняют точно назначение, которое вы им дали, они «дисциплинированы», молчаливы, они — непрерывная цепь, они отпугивают, караулят день, ночь, сутки и даже больше, не сходя с места.

Флаги — это шнур с прикрепленными к нему одним концом цветными лоскутами в виде лент. В боевой готовности флаги представляют собой невысокий цветной палисадник, которым обносят весь оклад кругом. Шнур с указанными лоскутами-флажками помещается на особом приспособлении — катушке, для удобства переноски, сматывания и наматывания. Шнур должен быть по возможности тонок и в то же время прочен. Тонкий шнур легок, его помещается большое количество на катушку, и две катушки тонкого шнура можно свободно нести, не стесняя свои движения, перекинув их на ремне через плечо. Толщина шнура может быть незначительная. В пеньковом хорошего качества крученом шнурке в три нити прочности достаточно, в особенности, если он просмолен. Он хорошо служит при должном уходе, а весь уход заключается в том, чтобы просушивать флаги, хотя бы после нескольких охот. Такого тонкого шнура, с прикрепленными к нему флажками на нормальную катушку помещается свободно около километра. Легковесность флагов и их портативность являются необходимыми условиями, чтобы, не обременяя себя, быстро производить работу, которую, смотря по обстоятельствам, приходится делать иногда бегом.

Форма и устройство катушек бывают разные. Назову наиболее ходовые: 1) Рамка с некоторым выступом поперечных брус-

ев, играющих роль пальцев, для держания намотанного запаса, с металлическим стержнем — осью, вокруг которой рамка вращается (рис. 19). Один край оси закреплен гайкою, другой конец рукоятки (овальное кольцо) полезно обшивать сукном, чтобы не мерзла рука. Продольные брусочки рамки с осью обтягивают холстом, чтобы флажки не захлестывались за ось, во избежание остановки или задержки вращения. Основной размер такой катушки приблизительно 45×30 см. Длина выступа поперечных брусьев приблизительно 10 см. 2) Рамка со стойками, в которых держится и вращается на оси валик с фанерочными деревянными колесами по бокам. Рамка неподвижна и служит станком для вращающейся катушки. Колеса в этой катушке так же, как выступы поперечных брусьев в предыдущем типе катушек, служат для держания намотанного запаса. Размеры рамки приблизительно 55×30 см, диаметр колеса приблизительно 25 см (рис. 21). 3) Дощечка полукругом с вырезанным сверху отвер-

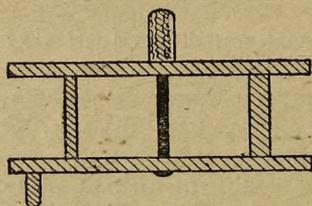

Рис. 19. Катушка для шнура с флажками

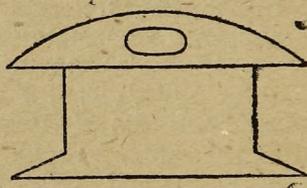

Рис. 20. Деревянная катушка для флагов

стием для руки и выступами для держания запаса. Так как она не имеет оси, то вращение ее достигается путем подвешивания на веревку или мягкую тесьму, однако, веревка или тесьма скоро закручиваются, и тогда надо отпускать их (рис. 20). В этом отношении она менее удобна, но очень портативна, проста и хороша для хранения запасов флагов. Хорошая столярная работа, сухое дерево, аккуратная прочная ось, легкий, бесшумный ход рамы в первом типе и валика во втором — требования далеко не лишние. При спускании шнура катушку, изображенную на рис. 19, держат одною рукою сбоку за ручку параллельно ноге, катушку же, изображенную на рис. 21, держат одною рукою посредине бруса несколько сбоку впереди себя или на ремне закидывают на спину. Необходимо, чтобы при системах вращающихся были предупреждены чрезвычайно вредные задержки от заедания катушкою шнура и захлестывания язычков флагов. В этом отношении пользование флажным шнуром без катушек просто мотками в умелых руках является весьма надежным способом.

К шнуру пришивают лоскутки-ленты цветной материи, так называемые флажки. Ширина и длина флажков бывает разная. Чрезмерно длинные флажки не годятся, так как они заматы-

ваются и захлестываются друг с дружкой и за катушку. Чрезмерно мелкие флажки не дают ясных пятен в чаще. Обыкновенный размер флажков приблизительно 9—15 см ширины и 25—35 см длины. Расстояние между отдельными лентами флажков в 70 см можно признать достаточным.

Наиболее выгодный цвет флажков красный. Он прекрасно выделяется даже в чаще. Я предпочитаю красные кумачные флаги не только из-за цвета, но из-за специфического их запаха, не исчезающего с годами. А запах флагов, как мы увидим, действует на зверя через обоняние и увеличивает его осторожность.

Кроме флагов-шнуров, в особенности в местности безлесной, употребляют флаги на палочках. В местности лесной применять их вместо шнура имеет смысл только в том случае, если не имеется под руками шнуровых флагов. Палочки не портативны и

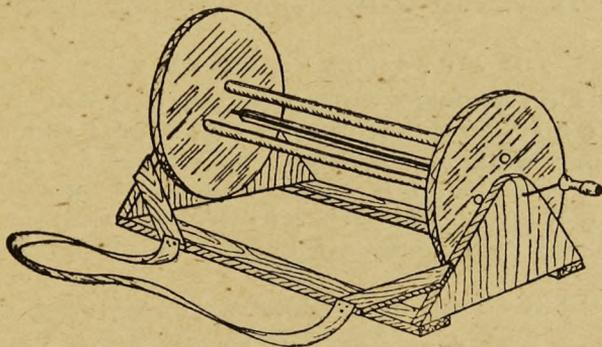

Рис. 21. Катушка для флагов с ремнем для ношения ее за спиной

неудобны в переноске, в особенности если учесть оклад в два километра.

Естественно, возникает вопрос, сколько же нужно флагов для того, чтобы считать себя хорошо вооруженным этим незаменимым приспособлением для охоты на волка?

Как я уже говорил, нормальной величиной оклада будет круг до 2 км. Минимальным, следовательно, количеством флагов надлежит считать двухкилометровый запас. Понятно, что далеко не всегда придется использовать весь запас.

Определяя количество флагов, потребных для организованной коллективной охоты-истребления, нужно признать, что комплект в 4 км, разделенный для удобства на 5 катушек,—3 по 1 км и 2 по 0,5 км, будет далеко не преувеличенным.

Запах флагов далеко не бесполезен. На этом положении основаны советы—пропитывать флаги пахучими веществами. Кумач обладает специфическим запахом, хорошо чувствуемым даже человеком, а потому полагаю, что пачкать такие флаги ке-

росином или чем-нибудь подобным не следует, тем более, что при носке и работе с ними пропахнет керосином и ваша одежда.

Линия флагов служит как бы запретом волку переходить эту линию, устроенную человеком. Флаги, которых волк опасается, как незнакомого предмета, и рядом с ними след человека представляют таким образом до известной степени преграду для волка.

Но нельзя надеяться на флаги, когда они нарушают повадку волка, лишая его инстинктивных потребностей в пользовании своим ходом и лазом, или заставляя его идти на заподозренную или замеченную засаду. Как бы осторожно ни относился волк к флагам, надо помнить, что флаги не клетка, в которой можно гонять зверя вволю. Правильный выбор лаза при предварительном определении хода и умелый гон должны главным образом обеспечить успех. Самой лестной для окладчика бывает та охота, когда зверь, не коснувшись линии флагов, выходит прямо на номер.

б) Установка флажков

Волк глядит по уровню своего роста. Поэтому при охоте на волков флаги должно подвешивать так, чтобы свободный конец флажка находился приблизительно на высоте 35 см над поверхностью снега. Чрезмерно высокое подвешивание флагов безусловно вредно, и если выбирать, что лучше: подвесить ли флаги слишком высоко или слишком низко, то приходится предпочесть последнее.

Флаги надлежит вести, по возможности, прямою линией. К линии стрелковой нужно сузить оклад, скосив, но постепенно, фланговые линии. Чрезвычайно вредно образование волнистых уклонений от прямой линии, так называемых мешков-тупиков. Нельзя также допускать, чтобы флаги представляли преграду, стенку по пути естественного хода волка к лазу, который заранее должен быть определен. Надо создать такую линию флагов, чтобы волк, находясь под заслоном, увидел их своевременно — не на коротке и не видел бы их на стрелковой линии. Не всегда возможно провести линию флагов от стрелковых номеров, образовав заметное сужение; но, с другой стороны, недопустимо вести ее так, чтобы флаги являлись продолжением прямой стрелковой линии; такое положение флагов, называемое «флаги стенкою», обнаруживает зверю опасность на этой линии, как это показано на рис. 22. На стрелковой линии только 4 стрелка, между тем, как, судя по протяжению этой линии, стрелков следовало бы поставить вдвое большее количество; флаги от стрелков до поворота расположены на той же стрелковой линии и являются тем положением флагов «стенкою», которое всячески надо избегать; правильное и желательное направление флагов указано пунктиром. Не всегда, однако, можно прибегнуть к достаточному скашиванию углов — это иногда рискованно, так как можно

проведением указанных пунктиром линий стронуть зверя с лежки.

Нежелательное положение приходится иногда придавать флагам, когда, благодаря образованию корки на снежном покрове, передвижение слишком шумно; благодаря этому приходится отпачиваться от оклада, выносить дальше линию стрелков, а, следовательно, удлинить линию фланговых шнуров (флагов) и особенно в окладах обрезных обнаружить зверю флаги впереди его хода на стрелков (рис. 23).

Расстояние между началом флагов и стрелками (это относится к стрелкам фланговым, т. е. к первому и последнему номерам) не должно быть дальше среднего дробового выстрела.

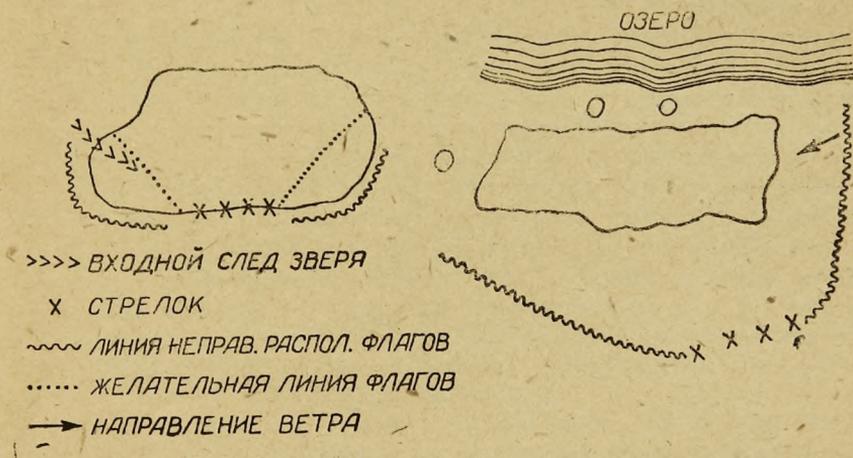

Рис. 22 Расположение флагов стенкою.

Рис. 23

Исключение из этого правила, в смысле увеличения расстояния, иногда необходимо на чистом месте, наоборот, в густых зарослях начало флагов приходится нередко вести от самого номера. Флаги отнюдь не должны начинаться за плечом стрелка, а несколько впереди и сбоку стрелка, чтобы он легко, без поворота головы, мог видеть начало их (несколько язычков).

Флаги менее страшны зверю, чем люди, и в этом их большое преимущество, так как зверя можно направлять на номера с меньшим вероятием на то, что он начнет метаться в окладе. Тем не менее флаги при умелом пользовании ими и при правильном гоне служат достаточно запретной для зверя линией, близ которой он подозревает опасность и засаду. Флаги и окладчик с помощниками — средство весьма мощное для того, чтобы заставить зверя выйти на стрелков. Флаги, которыми обтянут оклад до следующего дня, представляют своим зловещим молчанием и посторонним запахом устрашающий караул, тем более в ночное время, когда зверь привык к тишине, к тому, что враги его обычно в это время спят, а тут, судя по запаху, они бодр-

ствуют. Запах флагов имеет стало быть безусловное значение, тем более ночью, так как зрение не различает цветов. В сильную метель и снегопад влияние флагов на зверя ослабляется.

Вести флаги по чистому месту хорошо, но не надо вести их далеко от оклада, не надо давать слишком большого простора между флагами и окладом. Расположение линии флагов далеко от оклада невыгодно потому, что волк, попавший на поляну, идет уже на махах; выход на поляну из лесного массива означает, что волк лишил себя возможности таиться, такой выход на поляну, прежде всего и чаще всего, означает переход с рыси — с трусцы на прыжки, он торопится уйти, так как считает, что его, если еще не заметили, то заметят, это уже чуть ли не начало прорыва.

Обносить флагами следует весь круг. Когда стрелки займут свои места, шнур на стрелковой линии следует либо снять — разорвать его и собрать, или опустить и затоптать флажки в снег. Многие охотятся, не опуская и не снимая флагов со стрелковой линии, а подвигаются несколько вперед к окладу, оставляя, таким образом, флаги за спиной. Такой способ не должен практиковаться опытными зверовыми охотниками, так как за спиной глаз нет, зверь же подходит иногда по линии флагов и может остаться незамеченным. Лисиц таким образом часто прозевывают. Кроме того, продвижение стрелков от флагов не достигает той цели, которую оно преследует, так как флаги все же будут видны волку из оклада и, смотря по породе леса и густоте насаждения, иногда и на далеком расстоянии.

Случающиеся прорывы волком линии флагов объясняются в большинстве случаев неверным проведением этой линии, неправильным гоном, ошибочным расположением стрелковой линии или же несоответствующим поведением самих стрелков.

Волк прорывается через линию флагов не через шнур, а под шнуром. Причина, по которой волк не скачет, а подлезает под шнур, заключается прежде всего в чувстве страха и инстинктивного самосохранения: естественно принимать такое положение тела, которое помогало бы таиться, способствовало бы остаться необнаруженным.

в) Стрелковая линия

Имея обнесенный флагами оклад, нужно определить ход волка, т. е. то направление, которое волк принял бы, покидая оклад добровольно. Определение направления волчьего хода не означает точное определение следования волка какой-нибудь линией, а имеет в виду лишь выяснение стороны, куда волк направился бы более охотно.

Этот ход инстинктивно тянет волка как при добровольном, по своей инициативе, передвижении, так и при принуждении двигаться от опасности. Если вы поставите себя на место волка, то, в сущности, если местность вам знакома, вы будете тоже, есте-

ственно, иметь сторону большего тяготения, ту сторону, которая соответствовала бы направлению к вашей цели, ведя вас по более желательному и удобному, по тем или другим признакам удобства, пути. Предварительное знание посещаемых волками районов и их переходов является залогом правильного определения хода. Если же этих сведений в вашем распоряжении не имеется, то определение вероятного хода должно быть сделано по входному следу, т. е. стороною хода придется признать в зависимости от упоминаемых условий окружающей местности либо сторону входного следа, либо противоположную, а именно: сторону, мысленно составляющую прямое, по компасу, продолжение волчьего следа.

Определение хода является существенным действием, тем более, что по выяснении хода намечается лаз. Определение лаза, в особенности при охоте на сдин-два номера, является еще более важным. Ход зверя есть только сторона, куда он имеет намерение направиться, и принятие им поневоле другого направления не лишает его возможности, выйдя из оклада, сделать некоторый обход и направиться в ту сторону, от которой его отогнали. Однако надо стремиться к использованию, если это только возможно, истинного хода, так как естественный путь волка приведет его на стрелковую линию скорее и вернее, чем это сделают флаги.

От использования правильно определенного хода охотнику, однако, приходится иногда отказаться из-за ветра, не позволяющего поставить стрелковую линию.

Определив ход, т. е. сторону, куда волк направился бы всего охотнее, следует определить лаз. Лазом в окладе называется определенный путь, которым идет и выходит из оклада зверь.

Лаз определяется своего рода чутьем охотника, но существуют известные внешние признаки, о которых я постараюсь сказать несколько слов. При определении нагонистости оклада упомянуто было о тех признаках, которые заставляют зверя следовать определенным путем, соответствующим его потребностям. Тот путь, о котором упоминалось, говоря о нагонистости оклада, и есть собственно лаз, ведущий к выходу. Ясный, соответствующий потребностям зверя путь по окладу вместе с удобной формой оклада и создают нагонистость. Прежде всего, волк руководствуется при избрании пути потребностью отдалиться от опасности незамеченным, для этого необходима соответствующая заросль, прикрывающая его, позволяющая в то же время видеть достаточно далеко вперед и одновременно не препятствующая передвижению и свободе движений.

Весь путь — лаз — однообразен в смысле удовлетворения этим требованиям волчьей природы и непрерывен. Если такие пути приводят волка к опушке, из которой он убеждается в безопасности своего дальнейшего продвижения, он выходит из оклада и, надо думать, что попадает на стрелковую линию.

Опушка, куда волк попадает по избранному им пути, тоже должна соответствовать тем же, если не большим требованиям, чем самый путь. Постепенное поредение заросли оклада к опушке облегчает выход зверю. Из опушки волк должен высмотреть безопасность дальнейшего своего следования; вот почему на стрелковой линии важно снимать флаги. Зверь выбирает для выхода место не глухое, оно не должно быть заросшим частым молодняком, кустами, или представлять собой стенку леса, задепленную снегом. Слишком частая глухая опушка или замуравленная снегом не служит лазом, так как препятствует волку видеть впереди и, кроме того, стесняет его движения, обнаруживая вместе с тем его выход колебанием веток и спаданием с них снега. Волк, идущий из-под гона своим нормальным ходом — трусцою, естественно, идет осторожно; только идя в испуге на махах, он не в состоянии заботиться обо всех предосторожностях, но и тогда избегает частых, глухих и густых зарослей. Здесь еще раз нелишне обратить внимание на важность правила — не приводить волка в состояние паники.

Волк прибылой, когда он не идет след в след за старшим, старается больше таиться и, пройдя лазом по окладу, боится выйти на чистое место. Молодняк, заросли, представляющие своего рода вуаль-сетку, чаще избираются прибылым волком, когда он начал было затаиваться, но принужден покинуть лесной массив, из которого его гонят. Занятие стрелком мыса, сливающегося с окладом, при соответствии этого мыса требованиям лаза, весьма выгодно; еще лучше, если такой мыс неширок и дает возможность обстрела его флангов, так как при ходе след в след группы волков или при ходе матерого на прыжках, скорее можно считать, что лаз проходит вдоль такого мыса.

При выборе стрелковой линии нужно руководствоваться направлением ветра или даже просто тягою воздуха, которая, хотя и не колеблет ветвей и не шевелит недвижимо висящих флажков, но все же имеет определенное направление. Недопустимо выбирать такую стрелковую линию, от которой ветер или тяга воздуха идет в оклад.

Волк, пробираясь из-под гона, старается воспользоваться ветром для причувивания. Поэтому положение волка ухудшается, когда его гонят по ветру; в этом случае он идет вперед неохотно и уклоняется в бок. Лучше гнать не по ветру, а при малейшей возможности поперек ветра, т. е. так, чтобы ветер шел в оклад с фланга, а не со стороны загонщиков.

г) «Номер» или место стрелка

Когда линия стрелковая определена, надо выбрать, наметить точно то место, на которое становится стрелок. Где встать и как встать — далеко не безразлично. Надо расположиться так, чтобы видеть соседей. Очень часто у некоторых охотников

единственной заботой бывает встать так, чтобы совершенно заслониться со стороны оклада, спрятаться от зверя, забывая, что, скрываясь от глаз волка, охотник лишает и себя возможности видеть волка, во всяком случае лишает себя возможности своевременно заметить выход зверя. Своевременно же заметить зверя, только еще намеревающегося направиться на номер, очень важно. Итак, надо совершенно забраковать глухие заслоны для стрелка, препятствующие хорошо видеть впереди и с боков и стесняющие вдобавок движения перед выстрелом. Номер должен быть замаскирован удобным кустом, деревцом, иногда валежником, с вывороченными корнями, занесенными снегом. Высота заслона желательна не ниже высоты груди стрелка, лучше даже выше, но при обязательном условии, чтобы он представлял полную возможность как видеть беспрепятственно вперед, без помощи выглядывания сбоку, так и продвинуть свободно ружье по любому направлению. Следует до начала гона бесшумно, осторожно срезать веточки и сучки, мешающие зрению или продвижению ружья. Иначе они препятствуют и стесняют. Но не так важно качество заслона для сокрытия всей фигуры стрелка, а важно, чтобы по отношению к лазу фигура эта была несколько замаскирована, так как главное условие заключается в том, чтобы стрелок умел недвижимо стоять и знал, когда можно и должно повернуться и приготовить ружье. Самое пагубное — движение: волк его замечает прекрасно.

Умелый выбор места для стрелка подразумевает не только нахождение номера около лаза за подходящим соответствующим прикрытием, но имеет в виду соблюдение и известного расстояния от опушки. Говоря об опушке, подразумевается, что оклад либо обрезной остров, либо по характеру насаждения отделяется от окружающего его леса. Расположение номера, слишком далекое от опушки, без наличности лаза, ведущего к самому номеру, а равно нахождение его под самую опушку, нужно считать неправильным. Расположение номера слишком близкое от опушки невыгодно по тем соображениям, что значительно увеличивает шансы волка заметить или даже зачует стрелка. Определение должного расстояния номера от опушки может быть сделано только в зависимости от условий данного оклада. Расстояние между стрелками должно удовлетворять двум требованиям — ясному охвату зрением площади обстрела и возможности покрыть интервалы между стрелками двумя средними дробовыми выстрелами, чтобы зверь не мог пройти между номерами. В зависимости от условий расстояние изменяется.

Цвет одежды стрелка имеет немаловажное значение. Одежда, сливающаяся с окружающей обстановкой или не выделяющаяся среди окружающих тонов (защитная), безусловно имеет преимущество. Черный, например, цвет резок для того, чтобы хорошо заслониться подходящим прикрытием. Для того чтобы смягчить несколько неподходящий цвет одежды, полезно по-

валяться в снегу, запудриться, так сказать. Когда снег держится толстым слоем на деревьях и кустах, белые халаты могут сослужить хорошую службу. В лесу не надо беспокоиться о каких-либо оригинальных тканях, все хорошо, что более или менее не резко бросается в глаза — и серо-аспидный, и буровато-коричневый, и цвет дотканной крестьянской саржи. Поваляйтесь в пухлом снегу и становитесь; важно прежде всего не то, в чем стоять, а то, как встать и как стоять.

д) Гон

Если проследить скитания волков, то придется отметить много таких дней, когда они бывают обеспокоены и большею частью подняты с лежки приехавшими в оклад дроворубами. Частые беспокойства, причиняемые волку дроворубами, без преследования и козней, скоро заставляют волка понять, что присутствие потревожившего его человека вызвано делами, не направленными против волка, и что местонахождение его не только не обнаружено, но что человек и не ищет волка. Такое понимание вызывает в волке выжидательное состояние, и волк с лежки выслушивает, не торопясь вставать. Чаще, однако, бывает, что волки, вообще и в особенности не раз бывавшие в облаве, удаляются без промедления.

Надо остановиться на вопросе о гоне в смысле постепенного ознакомления зверя с присутствием человека, якобы не имеющего никаких враждебных намерений и не знающего о нахождении вблизи его волка.

Мы достаточно подробно ознакомились с тем влиянием на характер зверя, которое оказывает преследование его. Никто, от мала до велика, не оставляет в покое волка. Ему грозят, кричат на него, гонят, преследуют. Если волки прекрасно понимают интонацию голоса птиц и собак, то нет сомнения, что они безошибочно усваивают и интонации человеческого голоса и враждебность крика. Крик наступательный, а не разговорный голос человека, хотя бы этот крик и был далек, безусловно вызывает в волке подозрение. Такое подозрение в сущности не что иное как принятие волком человеческого голоса на свой счет. А если это так, то волку самое естественное — спасаться. Припомните, как собака, пробирающаяся по глубокому снегу, опасается, чтобы ее не вздумали преследовать. Вспомните, как она прибавляет ходу, как только предположит, что ее заметили. А на дикого зверя, на волка, человеческие проявления, намекающие на то, что зверь замечен человеком, действуют панически. Паника же, лишаящая волка самообладания и сбивающая его с нормальных путей и повадок, лишает возможности управлять волком в кругу флагов. Легко понять теперь, насколько важно поднять волка с лежки, не лишая его самообладания и не лишая себя возможности использовать его осторожность.

В охотничьей литературе встречались иногда рецепты слогов или слов, которые удобны для гона. Я упоминаю об этой детали для того, чтобы воспользоваться еще раз возможностью подчеркнуть, что важно не то, что именно кричать, а то, как кричать. Надо поднять волка с лежки мирными звуками, так, чтобы он встал, потянулся, послушал, подосадовал на случайно пришедших к окладу дроворубов и пошел бы трусцою к лазу. До начала гона полезно постучать по деревьям, стоя на месте за окладом, и если оклад невелик, то и отойдя от него. После этого загонщикам следует перекликаться. Размер оклада, условия погоды и количество нависшего снега на деревьях укажут опытным загонщикам, как соразмерять звуки, чтобы они докатились до волков из глухой дали и по интонации не были бы приняты волками на свой счет как враждебные.

При охоте с флагами количество загонщиков требуется незначительное. Правда, загонщики эти должны быть опытны в этой охоте и, безусловно, должны быть сами охотниками. Один, по крайней мере, из них должен быть и хорошим окладчиком. Загонщики посредственные никогда не почувствуют тех деталей необходимого подчас замедления или ускорения продвижения, которое не может быть объяснено словами, так как каждая охота, в зависимости от формы оклада и индивидуальности зверя, имеет свои особенности. Нужно известное «чутье», чтобы чувствовать, насколько зверь продвинулся к стрелковой линии, соразмеряя с этим свое продвижение, и понимать, где и когда нужен нажим в самом окладе, где и когда следует идти вдоль самой линии флагов и где предел, дальше которого идти не следует. Трех загонщиков бывает достаточно даже на больших площадях. Количество менее двух, даже в малых окладах, нежелательно, хотя бы потому, что флаги следует тянуть одновременно с двух сторон, а стрелку благоразумнее всего занять лаз. Из этого не следует, однако, что один загонщик и один стрелок не могут удачно охотиться.

Раз имеется стрелок и есть второе лицо, могущее поднять с лежки зверя, — охотиться уже можно.

Загонщики, начав гон, должны обязательно некоторое время оставаться на месте. Быстрое продвижение вперед вредно, так как оно носит характер наступления, приближения к волку, т. е. опять заставляет волка понять, что вся эта затея направлена против него и что пришедшим людям известно нахождение волка в данном месте.

Волк, правильно поднятый с лежки и не такой, у которого под шкурою катается картечь, идет послушно. Иногда перед выходом из оклада он останавливается, не доходя до опушки и оглядываясь назад, вслушивается в голоса. Соразмерное продвижение загонщиков прекращает его раздумье, и он расстается с окладом.

Слишком быстрое продвижение загонщиков, особенно флан-

говых, может создать неправильное положение, заключающееся в том, что волк заметит, будто его стараются окружить или пересечь путь. Такое положение вещей заставляет волка заподозрить и засаду впереди, и он способен тогда метнуться назад и прорваться между фланговыми и средними загонщиками. Волки безусловно имеют такие подозрения, ибо сами они охотятся и прибегают к подобным приемам окружения, пересечения и т. п. Фланговые загонщики становятся не слишком далеко вперед, напротив, в начале гона они должны стоять на флангах, недалеко от задней линии флагов. Расположение их, однако, главным образом зависит от величины и формы оклада. Продвижение их должно начаться, когда средний загонщик подает к тому сигнал. Во все время гона средний загонщик должен перекликаться с расстановкою, чтобы иметь возможность слышать друг друга. Правильный гон достигается опытом и требует выдержки. При охоте с флагами роль загонщиков несколько иная, чем при охоте без флагов, так как часть задачи загонщика выполняется уже линией флагов впереди, и этого не надо забывать, направляя главную заботу на правильное расположение линии невода в части к матице этого невода.

При окладах, ясных по форме, да еще нагонистых, работа среднего загонщика упрощается. При больших округлых, сливающихся с окружающей местностью окладах, работа трудна, в особенности, если гон производится не по входному следу. Если ветер позволяет поставить стрелковую линию на противоположной входному следу стороне, где имеется ясно выраженный лаз, наиболее удобным будет, особенно в окладах трудных, гон со входного следа, т. е. по следу. Средний загонщик, руководствуясь направлением следа, делает соответствующие указания фланговым. Гон на входной след имеет свои положительные и отрицательные стороны. Положительные заключаются в том, что волк обыкновенно очень глубоко в оклад не заходит на лежку и, следовательно, обратный ход на входной след будет короче, чем след в противоположную сторону, и дает волку меньше возможности шататься по окладу, ведя его в то же время в сторону, знакомую по переходам. Отрицательное свойство заключается в том, что бывалые волки опасаются иногда пользоваться при опасности своим старым следом, и в том, что у среднего загонщика отсутствует возможность руководствоваться следом. Ход волка прямолинеен, и гнать волка в сторону, являющуюся как бы продолжением линии входного его следа, целесообразно, если только условия это позволяют.

е) Стрельба на номере

Выводок волков выходит на стрелковую линию, часто след в след, предшествуемый старою волчицей. Если же волки очень встревожены или заметили флаги, то большею частью выходят

врозь. Но будь то выводок, или группа, или пара волков, идут ли волки гусем или вразброд, первую на стрелковую линию выходит волчица. Это явление интересно с биологической стороны, его полезно отметить и с точки зрения борьбы с волками.

Казалось бы, что крупный зверь, правда, идущий по снежному ковру, должен дать знать о своем приближении хотя бы небольшим шорохом, однако, большей частью, волка увидишь раньше, чем услышишь. Несмотря на то, что волк — животное большее (на фоне снега он должен был бы резко выделяться), — на самом деле появление его в опушке надо ловить глазами. Увидать волка своевременно, стоя на номере, необходимо, чтобы своевременно же подготовиться к встрече. При выходе на номер волки пользуются разными аллюрами, в зависимости от их переживаний. Один идет своим ходом скитальца, трусцою, унылый, держа голову несколько опущенною, с настороженным слухом главным образом в сторону пройденного пути, боясь преследования и как будто не глядя вперед своими раскосыми глазами. Другой выходит гордый, останавливается перед опушкою, поворачивая все туловище по направлению к крику, полный самообладания, пока расстояние до загонщиков еще велико и он не видал флагов. Он считает благоразумным помедлить с выходом из тенистого оклада и соображает, как поступить лучше, обращая в слух и зрение. Третий махает на прыжках с испуганною мордою, учитывая, что в быстром удалении от человека — спасение. Много таких, которые сразу при первом звуке человеческого голоса поднимаются с лежки на галоп и вскоре несутся карьером с высунутым языком, прижатыми ушами и, механически двигая своими жилистыми ногами, не руководствуются ни слухом, ни чутьем.

Но как бы волк ни выходил на номер, необходимо подготовиться к хорошему, чистому выстрелу. Хорошо выбранный стрелком заслон не выдаст, лишь бы не делать движений; надо подготовиться своевременно и отнюдь не преждевременно.

Стрелять волков следует картечью, — снарядом, как известно, довольно капризным на дальнем расстоянии. Необходимо поэтому обращать большое внимание на номер картечи и на тщательность снаряжения. Наиболее выгодною картечью являются мелкие номера ее. Важно нанести смертельное поражение, помня крепость и живучесть волка. Большое количество картечи в убойном круге, несомненно, дает больше вероятия на смертельное ранение. При снаряжении картечью необходимо брать номера ее, укладываемые правильными рядами. Прекрасным снарядом является картечь, укладываемая в гильзе 12 калибра по 7 штук в ряд, а всего 28 штук. Не надо забывать, что иногда волка приходится стрелять на вскидку, в прогалке между деревьями, на прыжке или в сетке мелколесья. Несомненно, что в таких случаях мелкие номера картечи незаменимы.

Как только волк направляется на номер, нужно сообразить,

по какому месту его бить, в зависимости от поворота его туловища. Если он идет боком, самое удобное стрелять под лопатку, у самого локотка, — это одно из наиболее верных убойных мест и наименее подвижное. Если волк идет на коротких прыжках по глубокому снегу, прямо на вас, хорошо бить в лоб. Волка угонного следует бить в переднюю часть спины. Шея представляет также хорошее место по результату, но она обманчива своим толстым меховым воротником. Волка можно стрелять только в убойные места, выше перечисленные, другие попадания не дают волка в руки. Стрелять следует только на близком расстоянии, чем ближе, тем лучше. Если вы закатите волку весь снаряд картечи и сделаете рану с мужские часы величиною, то это великолепно. Его шкура от этого не обесценится, а волка вы получите сейчас же. Чтобы сознательно стрелять волков, надо знать строение волка, истинную величину его туловища. Полезно для этого осмотреть волчью тушу после того, как с него снята его толстокожая шкура. Полюбуйтесь подвешенной после съемки тушею: умеренный череп, не толстая мускулистая шея, тонкое туловище с низко спущенными ребрами, образующими хорошее вместилище для легких, сильно подтянутый живот, стянутая поясница с узкою талией, широкие, сплошь в мускулах ляжки, жилистые, сухие ноги, которые и топором с трудом перерубишь. По сравнению с волком, одетым в свою шубу, величина туши кажется незначительною, чуть ли не втрое меньше. Немудрено поэтому, что $\frac{3}{4}$ количества тех горюшин, которые вы посылаете волку, только обсекает его шерсть да кое-где повреждает шкуру. Живучесть волка и его толстая шуба требуют точности стрельбы и хорошего боя. Чтобы волк упал замертво, надо повредить сердце, либо головной мозг, либо шею в области сонной артерии, или же переломить спинной хребет, чтобы лишить волка возможности двинуться. Имейте, кроме того, в виду, что убойные места не велики по площади, и считайте, что они — точки. Поднимайте плавно ружье, ссызайте ложу плечом, а шейку ружья пальцами, почувствуйте цевье, вонзайте взгляд ваш в нужную точку, глядите, как мушка завернулась в волчью шерсть, спускайте курок!

Бить волка надо наповал. При самом тяжком ранении волк, ничем не обнаруживая его, продолжает убежать сильными прыжками, оставляя вас в недоумении и в сознании бессилия вашего оружия. Однако, если вы имеете возможность видеть дальнейшее следование волка (а возможность эта часто представляется после выстрелов), глядите, не перейдет ли он с прыжков на рысь на ваших глазах. Если это будет иметь место, то волк — ваш; если же он тут же на ваших глазах переходит на шаг, то он сейчас же рухнет. Есть еще признак для наблюдательного охотника, указывающий, что при известных ранениях волк пройдет всего несколько шагов и замертво падет, — это расщепление кончика хвоста; при этом шерсть кончика ошети-

вается и растопыривается. Волк настолько крепок и живуч, что, как бы смертельно он ни был ранен, его не представляется возможным догнать по следу, он идет и спасается, пока жив. Можно дойти по следу только до мертвого уже волка, а если и удастся приблизиться к еще живому, то разве в тот момент, когда он, сделав несколько шагов, падает мертвым.

ж) После выстрела

Во время окладывания и гона работа окладчика особенно напряженна и ответственна; к тому же она часто бывает и весьма тяжелой: лыжи глубоко оседают в рыхлый снег, приходится лавировать в хвойной чаще, каждая иголочка густо запудрена снегом, на каждом сочленении дерева висят снежные пласты и комья, которые при малейшем неизбежном прикосновении осыпают снегом нагретую разгоряченным телом одежду, немало падает снежной осыпи и за шею. Всякие встречаются места, приходится карабкаться по ветровалу, лыжи разъезжаются, одна попадает под упавшее дерево, другая зарывается в снежную пустоту. И все же, при всех физических затруднениях окладчик ни на секунду не должен отвлекать своего внимания от гона, он напряженно следит за равномерностью подвижки своих помощников, перекликаясь с ними, получает от них сведения и зорко приглядывается к встречающимся следам.

Понятно, что когда на стрелковой линии раздается выстрел, он несет облегчение окладчику и его помощникам. Однако не всякий выстрел возвещает о скором окончании работы. Не все стрелки обладают выдержкою, опытом и умением владеть оружием. Недаром, услышав выстрел, окладчик подумывает: «пудель», убит или пущена кровь?

Обязанности окладчика не всегда прекращаются вскоре после выстрела и окончания гона.

Чтобы узнать, какая работа предстоит окладчику впереди, ему надлежит по выходе на стрелковую линию немедленно выяснить: все ли звери вышли на линию стрелков, на какие номера каковы результаты выстрелов, какого пола и возраста убитые или стреляные звери, и если зверь ушел, то за линию ли стрелков, обратно ли в оклад или же через флаги.

Хорошо, когда все обложенные звери оказываются взятыми, тогда остается лишь забота собрать совместно с помощниками флаги. Если же на линию выставлены не все обложенные звери или же выставлены, но не все взяты, то работа окладчика продолжается и расчленяется.

Когда на линию вышли не все обложенные звери и окладчик и помощник его во время гона не обнаружили прорыва зверя через флаги, а равно если вышедшие на стрелков вновь вернулись в круг, то окладчику следует с помощниками немедленно проверить круг, одновременно с двух сторон; при этом весьма

полезно относительно раненого зверя знать, имеется ли на следу кровь, так как этот признак может оказать незаменимую помощь для отличения такого следа от имеющихся уже в окладе многочисленных следов. При проверке оклада стрелки остаются на своих местах, ожидая возможного выхода зверя.

Когда вернувшийся обратно со стрелковой линии зверь остался (задержался) в окладе или вовсе не выходил на стрелковую линию — затаился (зажался) в том окладе, надо пытаться вновь выставить зверя. В таких случаях целесообразнее избрать новую стрелковую линию, которую окладчик должен на всякий случай наметить во время проверки оклада, после первого гона.

Затаившегося зверя, побоявшегося выйти на линию, расположенную на сравнительно чистом месте, не сливающимся с зарослями оклада, безусловно нельзя гнать на те же номера, так как боязнь зверя такого места усилилась. Затаившегося зверя выгоднее направлять на его входной след и во всяком случае нужно расположить стрелковую линию по довольно частому лесонасаждению или по редколесью с хорошим подсадом. При всем этом надо помнить, что обычно затаившийся зверь прорывается из оклада вскоре после прекращения первого гона, очень часто при проверке оклада. Поэтому с перестановкою стрелковой линии надо спешить во-всю, конечно, не сломя голову, а толково, твердо выяснив предварительно план действий.

Если в окладе задержался раненый зверь, его следует гнать, в большинстве случаев придерживаясь тех же вышеописанных условий выбора стрелковой линии. Гон (продвижение) необходимо вести медленно, обследуя оклад поперечными линиями, обращая особое внимание на чашу. Гнать как затаившегося, так и раненого зверя лучше без крика, а лишь передавая друг другу необходимые сведения и распоряжения; окладчику, особенно при гоне раненого зверя, необходимо держаться следа; поперечные по окладу линии должны быть доведены до самых флангов; при входе зверя в чашу, при основательных данных о том, что зверь там зажался, окладчик стягивает силы к такому месту; нередко достаточно вытолкнуть зверя из ухоронки, дать ему понять, что он обнаружен, и он без дальнейших намерений затаится и направляется на ход.

Если зверь прорвался невредимым через стрелковую линию, через флаги или на крик, то такого зверя (если до темноты времени еще порядочно) надо стараться вновь объехать, пересекая след по дорогам на лошадях всей охотой. Окладчик помещается на первой головной подводе с одним из помощников, на второй подводе — второй помощник с флагами, при надобности подводы разъезжаются, охватывая круг, за ними следуют на отдельных подводах стрелки. Не лишне указать, что при следовании на подводах нужно соблюдать известный распорядок: ехать ровным ходом с небольшими интервалами между подводами, позволяющими окладчику передавать, не крича, то или другое

распоряжение или указывать иногда о необходимых действиях знаками. Лицо, правящее лошадей, должно быть настороже и во-время замедлять или делать полную остановку, вообще поступая так, как головная подвода с окладчиком.

Больших объездов по дорогам при преследовании зверя делать невыгодно, так как зверь после тревоги в большинстве случаев долгое время не ложится и находится на ходу и, будучи захвачен в большом кругу, успевает выйти из того меньшего круга, который приходится впоследствии выкраивать. Ввиду этого выгоднее, если только имеются дороги, делать объезды в 2—4 км. Если же имеется возможность перехватить зверя на определенном верном переходе, то о расстоянии речи быть не может и туда надо поспевать, не теряя ни минуты.

Часто удается, благодаря предвидению окладчика, объехать зверя на ходу; стрелки в таких случаях иногда должны занять места по указанию окладчика знаком, не останавливая подводы. Другой раз не успеют подводы заехать, как раздается уже удачный выстрел, и ушедший зверь снова попадает в руки благодаря способности окладчика и умению стрелка. Такие удачи после досадования и сожаления запечатлеваются ярко и заставляют поистине оценить знания окладчика.

Если времени до темноты остается слишком мало, то преследование ушедшего без выстрела зверя приходится отложить до следующего дня, по возможности выяснив выслеживанием направление, принятое зверем.

Знание возраста и пола ушедших экземпляров имеет большое значение. Прибылой робок, оставшись в одиночестве, шатается поблизости, дает мало набродов, поджидая отсутствующих. Осиротевший старый волк делает нередко большой переход, ночью часто воет и удаляется для встречи в места, служившие или служащие коренным убежищем. В этих случаях знание таких мест, в том числе, например, места бывшего вывода волков (гнезда), служит большим подспорьем, как и знание переходов для пересечения следующим утром свежего следа ушедшего зверя.

Что касается действий окладчика в отношении ушедшего раненого зверя, то, после подробного выяснения по следу характера ранения, такого зверя необходимо преследовать, даже если уже смеркается; во всяком случае след надо проводить до ближайшего крепкого места, где есть надежда обнаружить признаки следа на следующее утро, в случае, если бы ночью поднялась метель. Иначе может произойти самое досадное в охоте — потеря смертельно раненого зверя. Сильный снегопад и метель способны заравнять настолько снежную пелену, что к утру не остается не только признаков глубоких ямок следа зверя, но и каких-либо следов от стоянки в целине нескольких подвод у места и во время вчерашней охоты.

Определение ранения при бескровном и нормальном следе

лишь по признакам, оставляемым снарядом на снегу, — способ весьма относительный. Черточки картечи, дроби по снежной пелене, пересекающие след зверя и частью ударившие, не долетев до следа, скорее могут служить некоторым глазомерным признаком кучности легшего снаряда (и то, если значительная часть снопа дроби прочертила по снегу) и, пожалуй, правильно взятой линии высоты, но отнюдь не меткости (верности) выстрела, так как распознать, было ли следано слишком большое упреждение или (что чаще бывает) обзаживание, положительно нельзя.

Другое дело — след кровяной или значительное количество сбитой шерсти при стрельбе пулею, также и след, изменившийся в поступи, в аллюре, след ненормальный (иной постав ноги, волочение, черчение, приостановки, частые лежки); они хотя и без крови, но дают возможность определить характер ранения.

Однако всякого стреляного зверя, несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было малейших признаков ранения, необходимо проследить хотя бы несколько сот шагов, а при некоторых предположениях ранения даже с километр или вернее на расстояние, когда всякие сомнения рассеются и будет полная уверенность, что зверь невредим. Надо принять во внимание, что нередко при полном отсутствии крови, нормальном следе (поступи) и аллюре зверь падает замертво через сотню шагов. Следует иметь в виду, что стрелок видит иногда зверя один миг, а затем зверь скрывается в зарослях, или видит его после выстрела на протяжении 2—4 десятков шагов, мчащегося во всю мочь и бодро скрывающегося в лесу. Надо также учитывать, что не все стрелки обладают достаточным опытом, выражающимся в специальной наблюдательности (навыке), остроте зрения и особым необъяснимым ощущением верности вскидки или выцеливания, которые позволяют как заметить незначительное изменение в поведении зверя, так и сознать верность направленного выстрела.

Полагаться на субъективные показания стрелка, когда они утвердительно характера, можно, тем более, что они дела не испортият; основываться же на отрицательных заверениях стрелявшего нельзя, чтобы не нарушить весьма ценного правила — выслеживать каждого стреляного зверя.

Существуют признаки в поведении зверя, несомненно, свидетельствующие о ранении; некоторые из них влекут за собой соответствующее отображение — отпечатки на снегу; к числу таких признаков можно отнести: вздрагивание зверя всем телом, падение, кувыркание, припадание, тычок мордою в снег, спотыкание, неприступание на какую-нибудь ногу, черчение ногою (волочение), крутой поворот в сторону выстрела, посовывание из стороны в сторону, изменение аллюра, в смысле несоответствия такого невредимости зверя, как-то: переход непосредственно

после выстрела с прыжков на рысь, с рыси на шаг, нарушение обычной симметричности цепи следов и др.

След кровяной дает более обстоятельный ответ, так как уточняет главный вопрос о характере ранения и степени серьезности его. При снаряде картечным или дробовым сквозные ранения очень редки. Кровотечения от ранения, следовательно, бывают обычно со стороны попадания, поэтому кровь на след стекает по шерсти преимущественно с одной его стороны; однако быстрые сильные движения при ходе прыжками нередко разбрызгивают скопившуюся на шерсти кровь и на другую сторону; кровь может окрашивать след с обеих его сторон при ранениях туловища, шеи и головы и в случаях, когда раненый зверь отряхивается. Кровь посредине линии следа бывает при ранении паха, брюха и нижней части груди тоже, но несколько впереди его и с разбросом — при кровотечениях горлом.

Кровь, встречающаяся на следу раненого зверя, бывает разных оттенков: чисто красная — цвета бумажных ниток, которыми вышивают полотенца, алая, с примесью нитей слюны, густая малиновая и черно-красная комками (сгустками). Обильное количество чисто красной и алой крови вначале, вскоре затем преобладающей, обычно свидетельствует о несерьезном (легком) ранении и не должно давать обоснованных надежд на то, что зверь попадет в руки; густая малиновая, а тем более черно-красная кровь свидетельствует о серьезных ранениях внутренних органов; кровь алая с нитями слюны доказывает ранение дыхательных органов путей или легкого, т. е. ранение серьезное; иногда, правда, алая кровь с нитями слюны случается при ранениях слизистой оболочки пасти, — ранениях, совсем несерьезных с точки зрения получения добычи.

Раненого зверя никоим образом нельзя немедленно преследовать по следу. Часто зверь, раненый даже сравнительно легко, ложится, отойдя небольшое расстояние, но, услышав приближение человека (да еще по линии хода зверя), уходит и принимает такие меры предосторожности, которые препятствуют обходу и большому кругом. Неумелое выслеживание раненого зверя может испортить все дело.

Подробно ознакомившись с признаками и серьезностью ранения по следу, необходимо проводить след смертельно раненого зверя сотню, другую шагов, а затем сделать небольшой круг, лучше всего на лошади по дорогам или пешим обходом; зверя, раненого легко, надо торопиться объехать на лошади или поспеть на переход.

Если наступают сумерки, надо торопиться сделать оклад, а охоту отложить до утра.

2. ЗИМНЯЯ ОБЛАВА

Подготовка к осенней облаве может установить пребывание волков в том участке, который предполагается брать облавой,

однако, в момент охоты нельзя доказать, что волки находятся в окладе; можно только уверенно и сравнительно обоснованно предполагать их нахождение там. Определить же безошибочно точное количество зверя к моменту охоты и подавно невозможно.

Другое дело облава зимняя, когда по следам точно известно нахождение зверя в окладе, его количество и даже возраст и пол.

Заслоны, создаваемые летней растительностью, в виде травяного покрова и гущи полнолистных ветвей, зимой отсутствуют. Правда, при большой снежной нависи и зимой тоже бывает в лесу глухо. Это несомненно способствует молодому волку таиться, но во всяком случае отсутствует наземный травяной покров, иногда буйной растительности, совершенно скрывающий зверя.

Зимой, когда в полях и в лесах, вне дорог, установилась мертвая тишина, когда снег завалил землю толстым пластом, обнажая все предметы над его поверхностью, волк острее относится к опасности.

Подготовка к зимней облавной охоте, выслеживание, оклад, расположение стрелковой линии и другие этапы являются действиями, сопровождающими все виды охоты нагоном на стрелка, изложенные в соответствующей главе.

В самом процессе облавной охоты как осенней, так и зимней много общего. Коренной разницей однако прежде всего служит значительно меньшее количество загонщиков при зимней облаве. Взматерение зверя, отсутствие буйной летней растительности и пастороженность зверя в зимней обстановке позволяют ставить загонщиков с значительно большими интервалами. Если на осенней облаве количество загонщиков иногда достигает колоссальной цифры в 100 человек с интервалами в 10—30 м, то зимнюю облаву при одинаковой величине оклада можно проводить при 10—20 загонщиках с интервалами в 30—200 м.

Иногда, для подкрепления флангов, особенно, начиная от стрелковой линии, пользуются так называемой чернотой, или иначе занавесами. Это не что иное, как предметы одежды и домашнего обихода, например одеяло, шуба, башлык, попона и другие предметы, которые развешиваются на кусты, ветви деревьев в количестве 2—4 на фланг. Занавеси заменяются загонщиков-молчан, о роли которых говорилось в описании осенней облавы.

В зависимости от величины, формы, нагонистости оклада загонщики либо представляют собою неподвижную цепь, либо движущуюся. То или другое назначение цепи загонщиков может быть определено окладчиком, в зависимости от условий местности, характера оклада и индивидуальности обложенных зверей. Во всяком случае, если бы понадобилось проведение подвижного гона, то предварительно надежнее начать его неподвижной

цепью в течение 15—20 минут. За этот промежуток времени волки более спокойно выберут свой ход и лаз, и много шансов за то, что вскоре последуют выстрелы.

Самый процесс гона, руководимый окладчиком, тот же, что и при осенней облаве.

Облавный способ при опытных загонщиках — прекрасный способ охоты в угодьях, где фланговые линии не проходят по сомкнутому лесу. При последнем характере лесонасаждения, да еще с значительным количеством еловой породы, требуется увеличение числа загонщиков. Однако увеличение их численности не может заменить свойств флажного шнура, который дает значительно больше гарантий своей непрерывностью и не столь устрашающим воздействием, как внезапное обнаружение волком на своем пути загонщика из числа «молчан».

При дальнейшем выслеживании ушедших из оклада волков, при преследовании раненого, при выездах всей охотой на розыски волчьих следов по пороше проведение облавной охоты иногда затруднительно, а иногда и невозможно, если поблизости нет селений, где можно было бы найти загонщиков. Во всяком случае быстрое передвижение, возможное только на подводах, даже с десятком загонщиков, громоздко. В этом отношении флажный прием также имеет все преимущества, не говоря о том, что при систематическом применении флажного приема окладчик и его два помощника являются постоянным квалифицированным персоналом, между тем как 15—20 человек, случайно приглашаемых в качестве загонщиков, большей частью ничего в охотничьей технике не понимают.

Окладчику не мешает помнить, что неправильное расположение линии загонщиков при облавной охоте более вредит успеху, чем неправильное проведение флажной линии. Гон, при неправильно расположенной линии загонщиков, во всяком случае будет услышан волком и окажет вероятно свое отрицательное действие; флажная же линия может остаться волком незамеченной, тем более когда он идет своим лазом, а стрелковая линия расположена правильно.

3. ПСКОВСКИЙ НАГОН

Псковский способ охоты построен исключительно на точном знании псковичем перехода зверя и на следовании стронутого зверя на этот переход или переходы, занятые стрелками.

Успех этой охоты рассчитан прежде всего и почти целиком не на сдерживающих зверя препятствиях к следованию его по нежелательным для псковича направлениям, а на свободном ходе зверя излюбленным лазом на определенный переход. Охота псковским способом по приведенным особенностям, когда имеется лишь один верный переход, может производиться даже при наличии одного окладчика псковича и одного стрелка,

резко отличаясь от облавной охоты и отчасти от охоты с флагами, которые хотя также могут производиться с наличием тех же сил (1 окладчик и 1 стрелок), но зато имеют всегда фланговые заграждения загонщиками или флажным шнуром.

Псковский способ осуществляется как для нагона обложенного зверя, так и в случае нахождения зверя на ходу. Он применяется как на площадях лесных, так и на открытых местах, обычно силами окладчика и двух помощников. Способ этот имеет некоторые оттенки приемов, в зависимости от того, наганивается ли зверь на точно определенный переход или тропу, или же зверя направляют на лазы вообще. В первом случае, как уже было сказано, зверя может нагнать и один пскович; во втором случае нужна помощь с флангов, в виде двух загонщиков, а иногда в придачу и занавесы, в количестве 1—5 штук на фланг, которые либо вешают на ветки кустов и деревьев, либо бросают на открытых местах на снег, по возможности не плашмя, а так, чтобы получалась выпуклость, заметная на расстоянии.

При нагоне на поле прибегают к заезду и гону зверя также и на лошадях, стоя в саниах, чтобы лучше наблюдать за зверем, своевременно направлять его на стрелка и, не теряя мига, спешить во-всю, если зверь принял нежелательное направление.

Величина обклада, или круга, где обложен или замечен зверь при нагоне на определенный переход, бывает нередко значительно больше, чем при облавном способе или при охоте с флагами.

Псковский способ нагона зверя безусловно требует мастерства и предвидения малейших деталей обстановки. Знание местности имеет, при осуществлении этого способа, выдающееся значение. Трудно бывает непосвященному человеку понять, каким образом может окладчик-пскович предугадать, например, прохождение зверя именно у данного одиноко стоящего дерева за 2 км от места, где находится зверь, когда весь окружающий пейзаж ничем не отличается и имеет не одно одиноко стоящее дерево. Если мы вспомним, с какой точностью гончатник определяет лаз русака среди обширного поля, даже до предшествовавшего круга, сделанного этим русаком под гончей, то мы легче поймем и те пути, которыми идет пскович. Основным и решающим фактором являются его способности и опыт.

Псковский способ в чистом виде применяется сравнительно мало; причиной этому не только малое количество специалистов этого дела, но и напуганность зверя, способствующая частым изменениям переходов.

Псковскому способу я уделяю особую главу по той причине, что принцип этого приема охоты составляет основу любого способа нагона зверя на стрелка. Чем больше и строже будет соблюдаться принцип псковского способа в облавной охоте, в охоте с флагами, тем успешнее будут результаты охот. Таким образом, псковский способ подчеркивает то огромное значение, какое имеет определение хода и лаза зверя, а также осто-

рожный, не агрессивный гон. Выражение «стронуть» зверя, а не гнать, очень подходит к стилю этой мастерской охоты.

При всяком способе охоты нагоном на стрелка на обязанности окладчика должна лежать забота выставить зверя на стрелковую линию, без шатания зверя по окладу, а при охоте с флагами и без посовывания на фланги.

4. ЗАСИДКА НА ВОЛКОВ

Если данную охоту вводить в систему, следует предварительно заняться подготовкой к ней.

На выбранном, по признакам волчьих переходов и удобства стрельбы, месте кладут с осени приваду—шагах в 25 от места засидки. В качестве привады необходимо пользоваться тушей крупного домашнего животного, иначе волки могут оттащить и растащить по частям мелкую приманку, отделив ее от места, приготовленного для засидки, и сорвать таким образом охоту.

Для засидки вырывают в склоне горы землянку или просто роют яму, прикрыв ее хворостом. Если около подходящего для привады места имеется сарай или заброшенная нежилая постройка, то можно воспользоваться и ею. Важно, чтобы засидка была выбрана и приготовлена до того как волки начнут посещать приваду и таким образом сделалась бы для зверя предметом знакомым, обычным, связанным с местом, где находится привада.

Окно (отверстие) для стрельбы должно давать возможность достаточно широко видеть не только приваду, но и окружающее пространство, чтобы беспрепятственно делать свободные повороты ружья для выстрела по уходящему в сторону зверю или для достреливания.

Класть приваду надо головой к окну засидки. Такое положение туши дает меньше темных пятен вокруг и не заслоняет зверя.

К засидке надлежит либо подъезжать на сани с тем, чтобы возница, замедлив ход и дав охотнику возможность скрыться в засидку, продолжал путь, или же подходить вдвоем след в след, с тем опять-таки, чтобы сопровождающий продолжал идти дальше, мимоходом. Для этой цели надо поддерживать к засидке дорожку, так как свежепроложенный новый след может вызвать в волках опасение.

Пользоваться этим приемом охоты рекомендуется, когда ветер или тяга воздуха идет от привады к засидке или когда направление ветра поперечное.

В засидку надлежит забираться до темноты, так как волки частенько появляются в чуть сумеречном освещении. Мягкая погода и лунный свет дают больше шансов на успех.

Нечего и говорить, что в засидке надлежит соблюдать полную тишину и не курить.

Когда волки придут к приваде, надо быстро сообразить, какого зверя выгоднее стрелять сперва и какого вслед за первым, взвесив при этом все обстоятельства и условия. Нельзя после выстрела по первому зверю отвлекать им свое внимание; необходимо немедленно сосредоточиться на выстреле по второму.

Прием охоты на засидках редко повторяется по стреляным экземплярам, а потому надо всемерно использовать подвернувшуюся возможность и сделать удачный дуплет.

Стрелять выгоднее бездымным порохом, мелкою согласованною картечью из многозарядного ружья.

Охотиться на засидках можно и осенью и зимой, но зима представляет значительные преимущества как отпечатками следов зверей, указывающими на посещение привады, так и более надежным при снеге освещением. Помимо этих преимуществ зимней охоты немаловажна и возможность выследить подранка.

5. ОХОТА С ПОРОСЕНКОМ

Этот прием охоты рассчитан на встречу с волками и на подход их к саням, в которых едут охотники с приманкой. Из этих условий видно, насколько способ этой охоты носит случайный характер.

Несмотря, однако, на последнее обстоятельство, так называемая охота с поросенком чрезвычайно интересна.

Волнующая надежда видеть волка, не удирающего от человека, как обыкновенно на охотах, а приспособляющегося к явному присутствию человека и на виду проявляющего агрессию в попытке достигнуть добычи (поросенка), — действительно заманчива.

Такое поведение волка ясно указывает на необходимость для успеха охоты поддержать в волке это настроение прежде всего тем, чтобы не показывать, что волки замечены. Нельзя делать резких движений, чем-либо проявлять приготовление к встрече показавшихся волков. Внимание зверя не должно заостряться на факте присутствия человека, и без того стесняющего свободу действий зверя.

Важно также, чтобы весь выезд подходил под обычный для данной местности.

Для того чтобы строить охоту на реальной почве, прежде всего требуется, чтобы в данной местности держались довольно устойчиво волки, которых мало преследуют. Такие волки периодически толкуются по ночам около группы селений в надежде добыть собаку, бродят в окрестности по дорогам, посиживают, прислушиваясь к ночным звукам, и, конечно, к скрипу полозьев.

В таких случаях, особенно лунными ночами, волки частенько попадают на глаза проезжим, которые не упускают случая рассказать о встречах.

Важно не упустить такой период, когда волки избрали для

своей деятельности небольшой район, пребывая в нем днем на лежке, и пользуясь ночью для своих подробных охотничьих обследований избранного небольшого района, заслуживающего чем-либо волчьего внимания.

В большинстве случаев на этой охоте собака будет иметь значительно больше соблазна для волка, чем поросенок, который сравнительно редко путешествует с человеком, да еще по ночам и на дорогах, зимой никогда не являющийся добычей волка. Целесообразнее поэтому вместо поросенка пользоваться собакой.

Для выездов берут обычные крестьянские розвальни, впрягая в них смирную лошадь. В них помещаются кучер и охотник. Выезжают, как только жизнь в селениях входит в вечернюю колею, затихают людские голоса на улице, в домах зажигают огни. Собаку берут либо в сани, либо привязывают сзади к саням, когда не пользуются потаском. Очень полезно, если собака будет от времени до времени подавать голос.

Потаск делается из кулька или мешка, набитого не слишком легковесным материалом, чтобы он тащился на веревке за санями ровно, не подпрыгивая.

Очень полезно пользоваться для оболочки потаска мешком, тряпкою или другой тканью, служащей собаке постелью.

Лошадь должна идти ровной тихой рысью или шагом. Быстрая езда пользы не приносит. Путь избирается по местам, не отдаленным от селений, где чаще встречаются волчьи переходы. Таким путем служат: полевые дороги или большие проезжие тракты, пустынные проселки и все пути сообщения (вокруг населенных пунктов, с расположенными около дорог кустарниками, редколесьем, холмистостью).

При появлении волков и приближении их потаск полезно подтягивать к саням поближе. При ночной стрельбе освещение имеет громадное значение. Лунный свет значительно способствует более верному выстрелу. В тусклые темные вечера лучше не выезжать и выждать лунного периода.

Если волков не один, а охотников двое, необходимо сговориться, кому какого стрелять.

Стрельба во время хода саней неверна. При приближении волков на совсем близкий выстрел лучше лошадь остановить, и, выждав миг, когда минует толчок от остановки, уверенно стрелять дуплетом. Напускать волков следует как можно ближе и не стрелять далее 30 шагов.

6. ОХОТА С БЕРКУТОМ

Сохранившаяся кое-где в Казахстане и Киргизии охота на волков с беркутом имеет местное значение, но при поощрении охоты с ловчей птицей она могла бы сослужить свою службу и в общей системе мероприятий борьбы с волками. Без под-

держки охота с беркутом на волка безусловно вымрет. Добывание ловчей птицы, выкармливание, уход и вынашивание, т. е. обучение для охоты, требуют много терпения и труда. Охота с беркутом представляет собою особо ценный незаменимый прием, дающий возможность достичь и задержать волка беркутом на таком расстоянии, на котором бессильна лучшая борзая. «Нет собак, которые догоняли бы в угон матерого голодного волка», — говорили и говорят опытные борзятники. Поэтому данный способ ценен, быть может, не только в степных местах юга и юго-востока, но его очень и очень стоило бы испробовать на севере, в полосе лесотундры и тундры, где многие из обычных способов ружейной охоты неприменимы или затруднительны.

На охоту выезжают несколько человек верхом. Орел сидит на особой подставке у седла, привязанный путлищами с клобучком на голове, прикрывающим глаза. Увидев зверя, охотник особым голосом осведомляет беркута и снимает путлищи и клобучок. Воззвизнувший, часто на большом расстоянии, орел летит за зверем и падает на него, хватая одной лапой за спину, к задку, другой за морду, так как волк поворачивает голову к орлу. Охотники скачут, поспевая к зверю, которого и приканчивают.

На первый взгляд кажется удивительным, каким образом беркут решается брать волка, а волк допускает беркута. Правда, степной волк значительно меньше лесного, но я полагаю, что не в величине зверя кроется победа беркута над волком.

Весь секрет заключается в панике волка, удирающего от преследования человека. Когда орел падает на него, а крик подсказывающего охотника близок, волк только горбится, ожидая удара. Вместо удара волк оказывается как бы сшитым страшными когтями орла по настолько умело выбранным местам (голова и спина), лучше которых не придумать, чтобы связать всякое раздельное движение туловища и парализовать возможность хватки.

Мнение некоторых охотников о том, что беркут не справится с лесным волком, вряд ли основательно, если принять во внимание описанные действительные причины, по которым беркут берет волка. Полагаю, что при человеке беркут возьмет и лесного и тундрового волка.

Несколько взятых беркутом волков за одну охоту не редкость. Г. П. Дементьева в книге «Охота с ловчими птицами» указывает, что «Беркут Алагым» (12 лет) в 1923 г. за одну охоту взял подряд 14 степных волков.

7. ЗАГАНИВАНИЕ НА ЛОШАДИ

О значении заганивания волков на лошадях, применяемого кое-где в степных местах, можно сказать то же, что и относительно охоты с ловчей птицей: этот прием при известной поддержке имел бы незаменимое местное значение в общей системе мероприятий по борьбе с волками.

Распространенное мнение о том, что волк неспособен на длительный быстрый ход, несомненно, но это прежде всего относится к чрезмерно наевшемуся волку.

Заганивание производится по черной тропе и по снегу, если глубина его позволяет привычной лошади легко скакать на продолжительное расстояние.

Охота по снегу имеет много преимуществ, вследствие того, что волка легче заметить на фоне белой скатерти, чем в блеклых тонах осенней растительности, и несомненно легче разыскать по следам.

Надо принять во внимание, что заганивание — охота не легкая, и желательно поэтому поставить волка в условия, при которых его быстроходность была бы снижена. Это достигается привадою (туша крупного домашнего животного), так как сильно наевшийся волк идет много тяжелее, медленнее. Страх от преследования при вынужденном замедлении хода оказывает также свое губительное действие на затрудненность дыхания.

Охота производится группой верховых. Заметив волков, охотники мастерят: отрезают их от места, где они могут скрыться с глаз, направляя их в открытую степь, и постепенно охватывают кольцом.

Как только волки пойдут на ход, наездники выбирают себе определенного зверя и преследуют намеченных, разделившись на партии.

Один преследует волка напрямик, другие охватывают его широким полукругом с флангов, не давая возможности ни сделать передышки, ни уклониться в сторону.

Достается не только волку, но и коням. Нередко практикуется подстава для смены утомившихся лошадей.

Достигнув волка, его бьют с лошади на-ходу свинчаткой арапника или дубинкой по переносице. Замученного преследованием волка бьют также и соскочив с седла.

По сравнению с копытными быстроходными дикими животными, а также отчасти с тренированными лошадьми волк всегда сдает в продолжительном скаку. Но главная причина победы верхового охотника все же заключается прежде всего в паническом страхе волка от быстрого, да еще с разных сторон, продвижения людей. Не столько движение зверя, сколько волнение от страха вызывает в нем настолько учащенное дыхание, что язык висит, как плеть. Кроме того, успех охоты основан на согласованности действий преследователей, что дает возможность окружить зверя, сокращать расстояние, выигрывать темп.

Недаром Брем, описывая впечатление от охоты заганиванием, пишет: «трудно представить себе зрелище более отвратительное, чем эта охота за изнемогающим животным. Волк бежит, шатаясь, из открытой пасти, покрытой пеной, висит на полфута язык, шерсть страшно всклокочена и вонь от него отчаянная. С подгибающимися ногами он поворачивает наконец к своим

врагам; но тут охотники, зная его уловки, соскакивают с лошади и тотчас убивают его, или, забив ему пасть какой-нибудь тряпкой, вяжут и тащат домой».

Охота с ловчей птицей, заганивание и одновременно широкое применение отравления представляют собою в местностях степных отличную систему истребления волка.

В. ПАССИВНЫЕ СПОСОБЫ ДОБЫВАНИЯ

1. САМОЛОВЫ (ЛОВУШКИ)

Среди самоловов наиболее простым устройством отличаются «волчьи ямы». Роят их продолговатой формы такой величины, чтобы попавший в них зверь мог свободно уместиться, но не имел бы разбега для прыжка. Отвесные стены забираются плахами или чем-либо подходящим, но гладким, чтобы зверь не мог цепляться при попытке подняться вверх.

Длина ямы около 2 м, ширина 1,5 м и глубина 2 м. В середину ямы врывают столб, равняющийся с верхом ямы. На столбе ставят прикрепленную клетку, куда сажают живую приманку в виде не крупного домашнего животного (гусь, поросенок, собака). Вместо клетки можно прикрепить доску, на которую кладут падаль.

Яму прикрывают хворостом и посыпают сухим листом, травой, закладывают мхом, или накрывают слоем снега, смотря по характеру растительности и сезона.

Самолов этот устраивается около волчьих переходов. Волк, пытаясь достать приманку, ступив ногой на настил, прикрывающий яму, неминуемо проваливается в нее.

Другой самолов — так называемый волчья катушка. Это — тоже яма, в которую зверь должен попасть несколько иным путем. Ширина ее до 2 м, длина 3 м, глубина около 3 м. Вырывают ее на склоне горы; к ней ведет довольно крутой откос градусов на 60, на который, путем поливки в мороз, нагоняется слой льда; скат этот должен приходиться к длинной стороне ямы; над противоположной длинной стороной имеется навес, предохраняющий яму от заполнения снегом. Наверху откоса прикрепляется на веревках к дереву или к вбитым кольям туша крупного животного, брюхом вниз. Туша эта лежит на верхнем крае обледенелого откоса и досягаема только с него. Попав на ледяную поверхность, волк неминуемо скользит по гладкому обледенелому скату и попадает в яму.

Устраивают и волчьи садки. Гладко строганные колья высотой в 2,5 м вколачивают двумя concentрическими кругами, соблюдая расстояние между ними, т. е. ширину образовавшегося коридора в 45 см. Между отдельными кольями составляют просветы в 5 см. Ширина коридора основана на расчете, чтобы волк мог лишь проходить вперед и лишен был бы возможности

повернуться и идти обратно. Внутренний круг делается сплошным — без входа. У внешнего же (наружного) имеется дверца, открывающаяся внутрь. При открывании дверца упирается во внутренний ряд кольев.

Ловушка эта ставится летом, чтобы волки привыкли к ней. Дверца снимается, благодаря чему волк вполне свыкается с ловушкой, убеждаясь в безопасности сооружения, в которое можно войти и из которого, сделав круг, можно выйти. Ко времени лова дверца навешивается, а во внутренний круг помещается живая приманка (поросенок, козленок или другое домашнее животное). Заслышав или зачуйв приманку, волк входит в открытую дверцу и кружит без конца, не будучи в состоянии повернуться, благодаря узкому коридору, и, идя вперед, толкает дверь, запирая выход.

Самолов, называемый саянской ловушкой, представляет собой сруб из бревен с наклоном стен внутрь. Квадратное основание делается 2×2 м, а верхний венец, при высоте сруба около 2 м, имеет $1,25 \times 1,25$ м. Нижние три венца опущены в землю, чтобы попавший в самолов волк не мог подрывться под него. Сруб имеет таким образом форму усеченной пирамиды.

Зимой в сруб кладут мясо и вокруг раскладывают куски приманки. Разложенные по бревнам сруба мелкие кусочки мяса заставляют волка взбираться по наклонной стене сруба. Добравшись до верха, волк замечает пищу в яме и спрыгивает внутрь помещения, откуда выбраться уже не может.

Самоловы являются средством примитивным, однако успешное применение их вполне возможно в местности, где источники питания волка расположены редкими пятнами, отстоящими друг от дружки на значительном расстоянии, и где не применяются капканный способ, сильно настораживающий волков. При этих условиях самолловы являются желательными способами добывания волка, не влияя отрицательно на параллельное применение других приемов.

2. ЛОВЛЯ КАПКАНОМ

Капкан принадлежит к приборам самолловым, как и волчьи ямы, садки и другие ловушки.

Преимущество капканов перед громоздкими ловушками заключается в их портативности, сравнительной дешевизне и скрытности установки.

Рама и дуга капкана делаются из железа, а пружины — из стали. Для мелких зверьков употребляются нередко однопружинные капканы, а для более крупных — обязательно двухпружинные. Изготавливают капканы, ущемляющие шею или лапу. Для волка пригоден исключительно двухпружинный капкан, ущемляющий лапу.

Капканы, в зависимости от величины, силы и особенности зверя, изготавливают разных размеров. У некоторых капканов рама

обтягивается холстом, к которому пришивается спусковой крючок с зарубкой. Наступание зверя на холст вызывает натяжение, спускающее дуги. У других капканов вместо холста ставится металлическая тарелка, к которой прикрепляется спусковой крючок.

Рамы капканов бывают прямоугольной формы и округлой. К раме на шарнирах прицеплены дуги, которые всегда стремятся сомкнуться под давлением двух стальных пружин.

При установке капкана, особенно на тропе, прямоугольные капканы удобнее, чем круглые, так как прямые линии рамы соответствуют прямым линиям тропы. Это имеет значение для прочности установки и заделки. Капканы, обтянутые холстом, как представляющие большую площадь для наступания, чем тарелочные, по моему мнению, целесообразнее.

При настораживании капкана его ставят на землю. На пружины становятся обеими ногами, отчего дуги, освобожденные от давления пружин, опускаются до горизонтального положения на раму. Для удержания дуг в настороженном положении через одну из них переводят защепку, а кончик ее настораживают под зарубку язычка. Хороший капкан требует высококачественного материала и работы. Пружины его должны быть сильны, но в то же время эластичны.

На волка ставят капкан достаточно массивный, хотя при высоком качестве капкана вес в 2,5 кг можно уже считать достаточным. Капканы весом свыше 3,5 кг нехороши, так как чрезмерно затрудняют передвижение с ущемленной лапой на весу, что заставляет волка подумать о самоампутации ее. Цепь с якорем или нагрузкой в виде камня, гири, чурки, которые иногда прикрепляют к капканам, имеют много отрицательного.

Во всяком случае нагрузка должна быть умеренная, а якорь не слишком строгий, чтобы дать возможность зверю хоть несколько двигаться вперед. Крепление капкана к земле часто либо помогает волку вытащить лапу из капкана, или побуждает его начать грызть лапу, особенно при чрезмерной силе пружин, просекающих при ударе кожу и причиняющих ранение.

Якорь и разные нагрузки можно порекомендовать по черной тропе во избежание потери зверя, или по снегу в открытой местности. В лесу лучше подвешивать чурку.

Нет сомнения, что волк является наиболее осторожным зверем, трудным для поимки капканом.

Большинство охотников придает чрезвычайно большое значение обонянию волка, приписывая так часто встречающиеся при капканном промысле неудачи чутью зверя. Отсюда вытекает масса обрядностей по обкуриванию и вывариванию капканов. Без всякого сомнения надо стараться не оставлять на капкане следов (запаха) человеческих рук, специфического запаха жилья и т. д., но не надо все неудачи объяснять остротой волчьего чутья.

Главным моментом обнаружения волком капкана служит особая способность зрения волка замечать на снегу признаки всколыхнутой снежной пелены. Волки различают оттенки тонов снега, видят разницу световых отражений всколыхнутого нижнего слоя снега, совершенно прикрытого новым, от гладкой снежной скатерти. Прежде всего капканщик должен учесть поэтому особенность зрения волка.

При выборе места для установки капкана руководствуются либо путями зверя (лаз, тропа), независимо от того, куда и откуда они ведут, либо приманкою (падалью или специально положенною привадою), которая должна заставить зверя подойти.

Нет сомнения, что установка капкана на путях следования зверя (на ходах и тропах) имеет все преимущества. Они заключаются в следующих положениях: по своей тропе зверь идет вольным ходом, не насторожен, органы чувств его отдыхают, он в безопасности на своей обычной тропе, которая никогда не вызывала устрашающего рефлекса. Наоборот, при подходе к падали или к приваде в волке всегда возникает настороженность от подозрения, нет ли около привады соперника, или же животного, могущего послужить добычей, не находится ли поблизости человек, следы которого так часто бывают связаны с местонахождением такой находки.

Капканами пользуются по черной и по белой тропе. Зимний сезон имеет для этого промысла преимущества. По снегу точнее определяются коренные переходы, выявляется цель следования по тому или иному направлению и устанавливается таким образом связь между тропами, позволяющая выбрать место на неминуемом переходе.

По снегу в большинстве случаев удается выследить попавшего в капкан зверя, что далеко не всегда удается сделать по черной тропе. Когда снег станет глубоким, значительно сокращается численность волчьих ходов, так как волки для облегчения передвижений тяготеют к намятым тропам.

Правда, снег имеет и отрицательные стороны, оставляя следы человека, которые, несмотря на тщательную заделку, все же могут отпугнуть зверя.

Капкан устанавливают так, чтобы стан, к которому прикреплены дуги, расположен был по направлению хода зверя, т. е. схватывал бы ногу зверя с боков.

При установке капкана по черной тропе либо подкапывают землю, либо вырезают пласт дерна, заботясь, чтобы площадка для установки была ровна и плотна и чтобы капкан подходил заподлицо к уровню тропы. Капкан прикрывают землей, листьями, мхом или другим материалом, подходящим к окружающей среде, и так, чтобы это место решительно ничем не выделялось. Цепь с якорем или грузом также скрывают в земле. Вынутую землю или дерн относят дальше от места установки капкана.

Надо тщательно следить, чтобы под полотно или тарелку капкана не попало комьев земли, камней и вообще твердых предметов, равно как и скопления снега, который после оттепели оледенеет при морозе. Все эти предметы могут воспрепятствовать спуску.

При мелком снеге на тропе уминается площадка под капкан. При более глубоком — под капкан для устойчивости подкладывают под раму хвойные ветви. При уплотненном снеге, чтобы не нарушать целостности тропы, капкан вдавливают в снег рядом с тропой и подводят его под тропу, не повреждая верхнего на ней пласта снега. При образовании наста вырезают в нем нужный пласт, как и в дерне, и, установив капкан, прикрывают его тем же вырезанным пластом снега, который для того, чтобы зверь продавил его до полотна или тарелки, т. е. спустил бы дуги, утончают, срезая или соскабливая слой.

Окончив установку, восстанавливают наружную снежную поверхность, пользуясь для этого хвойной веткой и деревянной короткой лопаткой для осыпания наделанных следов снежной пылью. Для этого приходится подвигаться пятясь.

При имевшихся отпечатках следов волка на тропе следует восстановить поврежденные следы обрубком волчьей лапы. При восстановлении следует заботиться, чтобы отпечаток следа попал и над самой тарелкой или полотном капкана. При добывании капканом волков около привады установка капканов должна быть сделана после того как звери повадятся.

Обращаясь к оценке капканного приема добывания волка, следует сказать, что способ этот безусловно жизнеспособен, как дополнительное, но незаменимое по своей особенности, средство борьбы с волком.

Капканный способ необходимо поддерживать и ввести в систему мероприятий борьбы с волками при условии хорошей квалификации промышляющего.

В Северной Америке капканный способ в большом ходу, являясь одновременно и орудием спортивной охоты. Применением отравы и капканов с 1915 по 1928 г. в США добыто более 370 тыс. волков.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОДГОТОВКА ОХОТНИЧЬИХ КАДРОВ

1. КАДРЫ ЕГЕРЕЙ

В самых разнообразных отраслях технических знаний мы видим молодые растущие кадры, но в области охотничьей техники смены старых окладчиков-егерей еще нет.

Школа окладчиков егерей с теоретической и практической подготовкой крайне необходима для охотничьего дела вообще, а для ведения систематического истребления волков и подавно. Практические занятия учащихся в такой школе по части борьбы с волками могли бы проводить на работе, при осуществлении систематических мероприятий по истреблению волков, под руководством опытного окладчика-волчатника, по выработанной школой и квалифицированным специалистом программе.

Вне зависимости от организации такой специальной школы необходимо одновременно вызвать к жизни местные силы, склонные к профессии зверового охотника. Каждая охоторганация должна иметь при окладчике учеников. Это нужно ввести как правило. Только таким путем можно передать знание и опыт молодым кадрам и сохранить преемственность.

За каждого ученика, выдержавшего испытание на самостоятельной пробной работе, окладчик должен получать заранее определенную денежную премию. Если бы такая передача преемственных знаний практиковалась, дело все же сдвинулось бы с мертвой точки.

В животноводческих совхозах, крупных колхозах, где развито скотоводство, обязательно должен приглашаться егерь-волчатник, в распоряжение которого должны быть откомандированы в качестве учеников 2—3 лица из числа служащих, рабочих совхоза или колхозников, имеющих склонность и способность к охотничьему делу. Егерю должно быть предоставлено право отвода неспособных учеников и замены их другими. Зарплата

ученикам остается та же, какую они получали в совхозе или зарабатывали в среднем по трудовням в колхозе.

Егерю, помимо зарплаты, должны быть предоставлены и все необходимые для работы условия.

Несмотря на то, что многие животноводческие организации терпят громадные убытки от волков, они тем не менее не рискуют произвести расход на борьбу с волками. Такая позиция была бы понятна, если бы убытки от волков были незначительны, а расходы на организацию борьбы с волками довольно крупные. Когда же налицо имеется егеря, внушающий своим стажем и рекомендациями доверие, а убытки, причиняемые волками сельскому хозяйству, значительны, боязнь со стороны совхоза или колхоза расходов на разумную борьбу с волками по меньшей мере граничит с бесхозяйственностью.

Если на месте имеются подходящие люди, из которых вскоре, благодаря их знаниям и способностям, вырабатываются самостоятельные волчатники, пребывание егеря будет не столь продолжительно. В зависимости от степени способности учеников, условий местности и необходимости проведения сезонных мероприятий срок подготовки обычно занимает от 3 до 10 месяцев.

Перенявшие приемы работы и опыт ученики становятся во главе образуемых в совхозах и колхозах охотничьих бригад. Нет надобности организовать бригады в каждом колхозе или совхозе. В зависимости от географического расположения даже и одна бригада может обслуживать достаточно большой район, включающий несколько колхозов и совхозов. Таким образом уменьшились бы расходы на егеря и содержание бригад.

Если волков нет или они почти уничтожены, бригада не функционирует, и лица, входящие в нее, продолжают прежнюю свою работу, с которой они были отозваны. Стоит волкам появиться, — охотничья бригада наготове. Она подобна пожарной команде, учреждаемой не тогда, когда возникает пожар, а заблаговременно. Так надо поступать и животноводческим организациям, находящимся в местностях, заселенных волками.

От боеспособных бригад можно ждать продуктивных результатов. За хорошую работу надо премировать участников. Создание местных бригад является лучшим залогом не только борьбы с волком, но и истребления его.

Важным условием продуктивности работы является согласованность действий с местными охотниками и охоторганизациями.

2. КРУГ ЗНАНИЙ ВОЛЧАТНИКА

Хорошее знание образа жизни, характера и повадок волка, приобретенное теоретической подготовкой и особенно практикой, представляет основательный фундамент, на котором быст-

рее и прочнее достигается овладение техникой добывания зверя.

Овладение в совершенстве техникою приемов охоты ставит волчатника уже на следующую ступень, позволяя выбирать те или другие методы борьбы, вводить их в последовательную систему, прибегать к комбинированным способам, делать изменения в методике борьбы.

Дальнейшее любознательное отношение окладчика к делу, стремление совершенствовать свои знания ведет постепенно к мастерству.

Мастерство является результатом знаний, опыта и большой наблюдательности, оно дает возможность предвидеть поведение зверя и применить соответствующий способ его добывания.

Много времени и труда нужно затратить для накопления опыта, достаточного, чтобы ясно, сознательно и уверенно осуществлять искусство окладчика, сталкивающегося в своей деятельности с самыми разнообразными условиями и положениями работы. Разрешение этих разнообразных положений, зависящих и от погоды, и от местности, и от особенности (индивидуальности) зверя, возможно при основательных знаниях и опыте. Во многих случаях успех зависит от степени способности волчатника. Сложная иногда работа по выслеживанию, выбору лаза и других действий требует способности предусмотреть многие детали, создающие то или другое поведение зверя; это, как уже говорилось, своего рода шахматы по разнообразию встречающихся положений. Но как в шахматах есть известные аксиомы (доказанные общепризнанные положения), которые составляют основу этой игры, так и при выслеживании, окладывания, выборе лаза, установке стрелковой линии и гоне существуют известные теоретические положения, несоблюдение коих ведет к неудаче. Возьмем, как пример, следующее теоретическое положение: переупрямить бывалого зверя никогда не удастся, его можно только перехитрить, всячески приноравливаясь к его повадкам. Нередко встречаются волки, большую часть из числа «бывалых» одиночек, которые ни за что не идут на стрелковую линию, а всегда прибегают к прорыву в обратную сторону—на загонщиков, на крик, ориентируясь по их голосам о точном их местонахождении и об интервале между ними.

Не раз случалось перехитрить подобный экземпляр, хорошо знакомый с прорывами на загонщиков. Зная эту индивидуальную особенность и причины ее (волк испытал выход на стрелковую линию), нужно воздействовать на зверя не обычным гоним, а иным средством, вызывающим новый устрашающий рефлекс, не будя в звере прежним приемом воспоминания об опасности на стрелковой линии, а возбуждая устрашающий рефлекс об опасности на стороне загонщиков.

Таким средством служит молчаливое прохождение загонщиков по окладу по направлению к стрелковой линии. Шорох шагов молчаливо пробирающихся загонщиков дает уже новое впечатление, заставляющее удаляться от подкрадывающихся людей, а не идти на звук шороха.

Между тем, если бы попытаться переупрямить такого волка обычным гоном, хотя бы удесятёрив количество загонщиков, — никакого толка не вышло бы.

Волк, попавший в капкан около привады или падали, хотя бы ему и удалось скинуть капкан, не забывает этого происшествия и не подходит уже по снегу ни к приваде, ни к падали вообще.

Такой волк, казалось, не может уже быть удержан в определенной местности приманкою. Однако и такие экземпляры благодаря тому, что охотник принаравливается к повадкам зверя, решаются подойти и кормиться привадой при следующих условиях. Боясь рыхлого покрова снега, в котором может скрываться капкан, волк не опасается подойти к приваде, наложенной на лед, на обледеневший не проламывающийся снег, или, например, к туше, лежащей у самого ребра дороги, когда можно достать ее не сходя с дороги.

Волк с поврежденной ногой старается пользоваться не дорогами, как имеют обыкновение делать здоровые волки, а своими старыми переходами, избегая по возможности хождения по целику. Когда удастся обложить такого волка, самый верный и единственный лаз — его входной след.

Волк, испуганный при выходе на стрелковую линию неожиданным обнаружением человека, да вдобавок выстрелом, иногда долгое время совершенно не вступает в лес и проживает на открытых местах, избегая проходить даже в напольных зарослях кустарника, из боязни засады. Заметив эту повадку и принаравливаясь к ней, такого волка надо брать на поле нагоном, помня, что стороною хода будет другое соседнее поле, а лазом не заросли, а широкие проходы между группами кустов и т. п., т. е. чисти.

Волчатник не должен торопиться скорее закончить подготовительную работу. Он обязан основательно ознакомиться с условиями местности, количеством и свойством зверей, их переходами, дневками, их образом жизни. Ускорять подготовительную и обследовательскую работу не следует, надо, чтобы впечатление укладывалось постепенно, нужно накопить побольше материала, а от спешки наблюдений не увеличится, а уменьшится, многое останется незамеченным или непонятым.

Длительная подготовка дает ускорение всех прочих действий, включая и добывание зверя, и увеличивает шансы на хороший успех.

Когда приходилось производить обследование в незнакомой местности, да иметь дело с трудными, бывальыми волками, проживавшими безнаказанно в течение ряда лет в том же районе,

несмотря на покушения местных охотников, я прибегал к длительной подготовке.

Крестьяне делились между собою впечатлениями о моей деятельности, говоря: «все катается, а волки все бегают, опять на лето останутся». Зато потом, когда бывали взяты все местные волки, с какой благодарностью, удивлением и уважением относилось местное население к трудам нашей команды.

Основные положения помнит и соблюдает каждый знающий окладчик, но мелкие детали, свивающиеся вокруг, составляют своего рода паутину, которая распутывается лишь на практике, опытом и способностью окладчика-волчатника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Упорно приспособляющийся, осторожный зверь, каким является волк, не поддается столь быстрому истреблению.

Борьба с волками ведется у нас без системы. Некоторые применяют один какой-нибудь способ, чаще второстепенного значения, иные—тоже дополнительный, а не основной. Применение приемов борьбы производится в одной и той же местности в разноразной, лицами, не связанными единым планом и притом несогласованными методами, нередко ослабляющими или парализующими тот или другой способ.

На территории СССР в общей сложности осуществляются почти все способы, кроме разве отравления, но значение их недостаточно эффективно по неорганизованности охотников и бессистемности применения способов.

Среди лиц-одиночек, занимающихся добыванием волка, да и среди временного объединения таких одиночек вокруг орудий лова, мало имеется квалифицированных волчатников, и стремление их к добыванию волка не носит постоянного и упорного характера по невыгодности и трудности. Не надо забывать, что охотник может добыть по меньшей мере 5 или 6 лисиц за то время, которое он должен потратить для добычи одного волка.

Коллективы, более или менее сплоченные и постоянные, представляют собою либо организации охотников-любителей, осуществляющих охоту на волка в зависимости от свободного времени, либо бригаду промысловиков, не делающих упора на волка, по невыгодности.

Добывание волка отдельными лицами и организациями в совокупности дает недостаточные результаты, хотя все же положительные, иначе волчье поголовье стало бы еще многочисленнее. При таком положении, однако, не может быть речи о решительном истреблении волка.

В числе главных недостатков борьбы с волками нужно отметить отсутствие должной настойчивости и упорства. При отсутствии этой необходимой черты никогда не преодолеть широко передвигающегося, осторожного зверя.

Проследив волка на расстоянии 12 км, охотник, имеющий в саях флажки, поворачивает обратно по той причине, что лошадь устанет, — а она нужна на завтрашний день на другую работу. Между тем волк, пройдя еще 3 км, остановился на отдых в прекрасном, удобнейшем для охоты на него месте.

После неудачной охоты на волка охотник, несмотря на возможность, не пытается выследить и вторично объехать зверя.

Охотник, ставящий капканы на волчьих переходах в 7 км от дома, перестает этим заниматься, потому что волки забросили эти переходы по причине преследования другими охотниками, и стали часто переходить в 12 км от дома капканщика.

Отсутствие настойчивости, которая должна быть тем выше, чем труднее зверь, обычно свидетельствует о несерьезной попытке добыть волка, или о бессистемности работы, либо доказывает чисто любительское, дилетантское занятие охотой.

Трудности борьбы с волком вынуждают не раз упоминать на страницах этой книги о причинах этих трудностей.

Большие суммы убытков, причиняемых волками сельскому хозяйству, вызывают необходимость еще раз перечислить меры, служащие успешному развитию борьбы и поднятию эффективности приемов добывания волка.

1. Почти полный недостаток опытных егерей-волчатников выдвигает вопрос об учреждениях соответствующей школы.

2. Та же причина, независимо от наличности школы, подчеркивает давно назревшую потребность установить преемственность егерского искусства путем прикомандирования к егерям-волчатникам учеников.

3. Для усиления кадров необходимо выявление сил деревни по технике охоты, отвлеченных иною профессией, или единолично занимающихся охотпромыслом, и последующее приглашение достаточно опытных из них на работу в качестве окладчиков-волчатников.

4. Значительные убытки, причиняемые волками животноводству, настоятельно требуют организации в скотоводческих совхозах и колхозах постоянных бригад с опытным егерем-руководителем, на котором должна лежать обязанность не только по сформированию бригады и истреблению волков, но и по подготовке прикрепленных к бригаде учеников.

5. Нужно поднять квалификацию егерей, популяризировать знания, касающиеся характера и повадок волка.

6. Признать необходимым установление статистики, выявляющей ежегодные убытки, причиняемые волками животноводству, с обязательным опубликованием статистических данных в специальных охотничьих органах, вместе со сведениями о количестве ежегодно добываемых в СССР волков.

Организованность, упорная настойчивость, систематическое применение знаний в деле борьбы с волками положат предел убыткам, приносимым волками.

Введение

ЧАСТЬ I. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВОЛКА

А). Наружность и характерные свойства

1. Внешний вид	5
2. Вес	5
3. Окрас	5
4. Волчья хватка	6
5. Движения	7
6. Пища	8
7. Отношение к человеку	10
8. Органы чувств	10
9. Наблюдательность и приспособляемость	14
10. Типы	16
11. Стадность	17
12. Привязанность к месту	18
13. Голос	21

Б) Годовой круг жизни волка и основанные на нем охоты

ЧАСТЬ II. ОХОТЫ ПО ЧЕРНОТРОПУ (ЛЕТНИЕ И ОСЕННИЕ)

1. Истребление волчат на гнезде	27
2. Осевняя облава	34
3. Охота с гончими	42
4. Охота с борзыми	43

ЧАСТЬ III. ОХОТЫ ПО ВЕЛОЙ ТРОПЕ (ЗИМНИЕ)

А) Общие приемы зимних охот

1. Подготовка	47
2. Привада	49
3. Следы	53
4. Выслеживание	58
5. Окладывание	72

Б) Активные способы охоты

1. Охота с флажками	80
2. Зимняя облава	99
3. Псковский нагон	101
4. Засидка на волков	103
5. Охота с поросенком	104
6. Охота с беркутом	105
7. Заганивание на лошади	106

В) Пассивные способы добывания

1. Самоловы (ловушки)	108
2. Ловля капканом	109

ЧАСТЬ IV. ПОДГОТОВКА ОХОТНИЧЬИХ КАДРОВ

1. Кадры егерей	113
2. Круг знаний волчатника	114

Заключение 118

Цена 2 руб.

8172

